

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание пьес. Книга 1. Фёдор Сологуб

Литургия Мне
Посвящаю моей сестре

УЧАСТНИКИ ТАИНСТВА:

Отрок.

Хранитель преданий.

Хранитель алтаря.

Дева, принеся нож.

Дева, принеся вино.

Дева, принеся хлеб.

Дева, принеся венец.

Дева обреченная.

Дева избранная.

Жена первого поклонения.

Юноша, принеся чашу.

Юноша, наточивший нож.

Юноши, носящие свечки.

Жены с ароматными курениями.

Странники, носящие посохи.

Строители.

Юноши.

Девы.

Мужи.

Жены.

Старцы.

Наступает ночь. В пустынной долине собираются желающие совершить Литургию. Они приносят дары, хранимые до времени в покровах. Все входящие снимают обувь и обычное платье, облачаются в белые одежды и увенчиваются цветами.

Ждут Отрока-жреца. Свечки, еще не все зажженные, мерцают слабо; их держат юноши. Некоторые из юношей принесли флейты, бубен, лиры, тимпан. Ожидаящие, приготовившись к совершению Литургии, поют гимны предначинательных воспоминаний. В то же время воздвигают алтарь из каменных плит и возлагают на него сучки и ветки деревьев.

Юноши и девы

Мы рано вышли на дорогу,
Когда Дракон еще дремал

И лучезарную тревогу
Из темных скал не поднимал.
Поля дымились росой,
И улыбалась нам заря,
Над нерассеянною мглою
Надеждой милою горя.
И все окрест предстало новым,
Как перевозданный вешний день,
Являя холодом суровым
Нежданных воплощений тень.
Дивились мы окрестным долам,
Привет слагали их красе,
И в ожидании веселом
Замедлили до ночи все.
И день прошел, и перед нами
Румяный вечер промелькнул,
И замолкает за горами
Веселый и тревожный гул.
И, ночь отрадную встречая,
Поем хвалу и ночи мы,
Надеждой детскою венчая
Восстанье тьмы.
Мужи

Мы труд свершали неистомный,
Мы созидали крепость стен.
Пред грозным ликом ночи темной
Не убоимся мы измен.
Приют наш радостно основан,
Закован в прочную броню,
И силой Змия зачарован,
Как дар сияющему дню.
Все стало прочно и обычно
За нерушимостью оград,
И мы пришли сюда привычно
Свершать уставленный обряд.
Старцы

Не мы уставили обряды,
Но мы устали их свершать.
Из-за ветшающей ограды
Идем к служению опять.
Во всем, что солнце обещало,
Двоякий лик узрели мы.
Двойное нас терзало жало
Лучей неправых, зыбкой тьмы.
Познание истин невозможно
На этой суетной земле,
Но обещание не ложно, –
Святое кроется во мгле.
И вот, без радостной надежды,
Но покоряясь, мы пришли
Готовить светлые одежды
Царю тоскующей земли.
Девы

Затихни, гнев! Умолкни, битва!
Вещай, вещай нам, тишина.
Когда меж нами есть молитва,
Она не нами зажжена.
Юноши, носящие светочи

Приди, блаженный утешитель!
Сверши таинственный обряд.
Вот, мы покинули обитель,
Ушли от прочности оград.
Сошлись мы в туманном доле,
Где мочит платье нам роса.

Сверши все то, что в дивной воле.
Земле да будут небеса.
Туман долинный вместе с нами
И светочей пустынный дым
Горят смиренными мольбами
И ожиданием святым.
И ожиданию ночному
Явить законы бытия
Сойдет к свершению святому
Для нас и жертва и судья.
Странники, носящие посохи

К тому, что праведно и вечно,
что созидает все окрест,
Мы устремлялись бесконечно
От ближних и от дальних мест.
Какими темными трудами
Нас долгий путь ни утомлял,
Мы здесь. Согласными мольбами
Наш круг зажегся, засиял.
Хранитель преданий

Я вспоминаю в час великий
Того, кто есть, святую Мать,
Хвалящих неустанно лики
И вожделяющих восстать.
И вспоминаю Иного, –
И кто решит предвечный спор?
Я вспоминаю Кровь, Слово,
В голос тьмы, и дивный взор.
Из-за горы доносится свирельно-нежный голос
Отрока, сопровождаемый лирным звоном.
Отрок

Вспоминая минувшее,
Невозвратно мелькнувшее,
Может быть, обманувшее,
Вспоминая, что сделали,
И заветное цело ли,
Вспоминая, гадая,
Обличая томления дня,
И обряды свершая,
И огни зажигая
От святого огня,
Где вы ни были, как вы ни жили,
Что бы вы ни открыли,
Вы забыли,
Забыли Меня!
Носящие светочи разжигают их. Светочи пылают.

Юноши и девы

Мы ждем свершителя-жреца,
Идущего с огнем.
За ним пойдем мы до конца,
Без страха мы пойдем.
Безвестен путь, и темен дол, –
Куда бы путь нас ни привел,
Но мы пойдем, и темный страх
Погасим в трепетных сердцах.
Отрок (еще невидимый, говорит, и флейта сопровождает его речь)

Провели вы дороги
И воздвигли чертоги.
Для таинственной встречи
Вы пришли издалече,
И в мерцаньи святого огня
Вы свершений торжественных ждете.

Но когда же ко Мне вы придете?
Иль совсем вы забыли Меня?
Юноши, носящие светочи (зажигая огонь на алтаре)

Когда взошла заря,
Мы ждали светлого Царя,
Но мы увидели Дракона.
Был неразгадан дивный лик,
Был непонятен темный крик,
Сжигала сердце едкость стона.
Свернувшись в яркое кольцо,
Закрывши маскою лицо,
За сказкой созидал он сказку,
Но из глубин его двойник
В час торжества его возник
И нам открыл змеиный лик,
Сорвавши пламенную маску.
Тогда разгневанный Дракон
Взнес над миром свой закон,
Закон безумный произвола.
Он стрелы жаркие точил
И злобу яркую разлил
От высей гор до глубей дола.
И собирал нас бледный страх
Живить огни на алтарях
И убивать на жертву Змею.
И жертва, погасивши взор,
Сама под жреческий топор
Без воплей преклоняла шею.
Но вот затмился дикий день,
Взошла до гор немая тень, –
И мы пришли сюда все вместе,
Чтоб в единении возжечь
Огни святых венчальных свеч
Освобождающей Невесте.
Алтарь тихо дымится.
Строители (в сопровождении тимпанов)

Друг другу руки подадим
И, как свечей венчальных дым,
Надежды мы соединим,
Свершим завещанное нам
И подвиг, сладостный сердцам,
Передадим
Векам.
Воздвигнем новый храм
И прочно стены утвердим.
Дракону злomu время пасть, –
Мы утвердим
Иную власть.
Мы создадим
Блаженный строй
И над землей
Прострем довольство и покой.
Юноши

Зрела сила,
И созрела,
И пора к свершенью дела
Наступила.
Жены

Серп над миром
Взнесен в томленьи лунном.
Ветер вторит лирам,
Нежным лирам сладкострунным.
Мужи

Тяжкий молот
Занесен над ветхим домом,
Будет свод его расколот,
Разрушенье будет громом.
Девы

На озерах
Распустилися купавы,
И росятся в лунных взорах
Отуманенные травы.
Отрок (уже близко, но еще не виден)

И в единении – забвенье,
И в братском подвиге – не-я.
Куя связующие звенья,
Забыли вы, что цепь – Моя.
Соединившись ночью тайно,
Свершая грезы бытия,
Забыли вы, что все случайно,
Что неизменен только Я.
Грозя чарующему Змию,
Святыню злого дня кляня,
Как вы свершите Литургию,
Когда забыли вы Меня?
Везде, где преломлялось тело,
Везде, где проливалась кровь,
Там неизменно пламенела
Моя предвечная любовь.
Мое под звездной ризой тело,
Моя за бездной глубина,
И надо всем отяготела
Моя предвечная вина.
Среди распутий и раздолий
Мой лик являл повсюду Я.
Моею направлялась волей
Вся неизбежность бытия.
Девы

Приди, открой свой лик!
Тебе – цветы, Тебе – огни,
Тебе – согласный клик.
На подвиг нас соедини.
Хранитель алтаря

Кто ты, светлый? кто ты, дивный?
Жрец ли, жертва или царь?
Ты услышал вопль призывный.
Для тебя готов алтарь.
Жены с ароматными курениями

Кто же Ты? Скажи нам ныне
Имя дивное Твое.
Чем кадить Твоей святыне?
Как прославить бытие?
Приходит Отрок с белым тюльпаном в руке. На нем только белый короткий хитон,
опоясанный желтым шелком. Руки и ноги нагие. Грудь полуоткрыта.

Отрок

Я прихожу в тумане ночи.
Я приходил и в блеске дня.
Вы отвращали очи,
Не узнавали Меня.
Во всем, что воля и дыханье,
На всех просторах бытия,
Струя деянья и желанья,
Являюсь вечно только Я.
Роса ли падает на землю,

Звучат ли птичьи голоса, –
Я все мгновенное объеблю,
Я – птичий голос, Я – роса.
Звеня волной иль тучкой тая,
Огонь иль замысел тая,
Превосходя иль ниспадая,
Все – Я. И все, что есть, то – Я.
Девы

Ты пришел в наш круг.
Ты в простой одежде.
Посреди подруг
Ты такой же, как и прежде.
Знаем мы Тебя,
Отрок непорочный.
Нас, как прежде, воз любя,
Ты пришел к нам жертвой полуночной.
Одна из дев подает Отроку нож. Отрок подходит к
алтарю и возлагает нож на алтарь.
Девы

Нежен Ты и мал.
Не закрыто тело.
Сам Ты нож священный взял,
К алтарю подходишь смело.
Если кровь Твоя
В час ночной прольется,
Тише ропота ручья
Стон Твой пронесется.
Отрок! Ты для нас.
Упадешь Ты скоро.
Для чего в полночный час
Ты вознес слова укора?
Отрок (у алтаря)

Опять покорен я,
Свершающий игру.
Открыта грудь Моя.
Живу. Иду. Умру.
Закон Моей игры
Исполню до конца.
Я создал все миры,
Но сам я без венца.
Бессилен я и мал.
Блаженная игра!
Кто тайну разгадал?
Пора. Прийти пора.
Дева, принеся нож

Отрок нежный и прекрасный!
Ты ли агнец непорочный,
Под ножом безгласный,
Здесь, в великий час полночный,
Искупающий страданья
Омраченного созданья,
Зло и лживость бытия?
Отрок

Я.
Дева обреченная

Отрок милый и смиренный!
Ты ли жрец ночных служений?
И в дыму святых курений
Погрузишь ли нож священный
В боль трепещущего тела,
Приобщивши наше дело
К вечным мукам бытия?

Отрок

Я.

Жена первого поклонения

Ты беден, прост и мал.
Пред нами Ты смиренно стал.
Но взор Твой – власть.
И мы хотим
К ногам Твоим
Упасть.
Твой кроткий голос тих,
Роса блестит в кудрях Твоих,
Твоя жемчужная роса.
Слились алмазы в звездный строй.
Венец над дивной головой
Твои простерли небеса.
Цветок ночной в Твоей руке.
Туман клубится на реке.
Дымится жертвенный алтарь.
Туман соткал тебе хитон.
Ты дивной ризой облачен.
Ты – Царь.
То не тюльпан в руке Твоей, –
Дрожит в ней чаша бытия.
Скажи нам, Ты ли – Царь царей?
Отрок

Я.

Жена первого поклонения целует ноги Отрока, и за нею – все остальные. Во время целования Его ног

Отрок говорит:

Так, Я – Агнец, Жрец и Царь.
Все опять свершу Я ныне.
Сам на жертвенный алтарь
Я взойду к Моей святыне.
Забывали вы Меня
В тусклом свете злого дня.
Сам Я поднял ваше бремя.
Указал Я вам пути, –
И в огне Меня найти
Наступило время.
Перед вами Я стою,
Пламенеющий любовью,
Вашу кровь пролью,
И смешаю кровь Мою
С вашей кровью.
Огонь на алтаре разгорается. Юноши со светочами образуют широкий эллиптический обвод, в фокусах которого – Отрок и алтарь.

Отрок

Совеется мир, как дым.
Огонь покончит с ним.
Слова пророка вещи.
Но Я вовеки невредим.
Прикосновением Моим
Я освящаю вещи.
Несите же ко Мне,
Что надо для свершенья дела.
Мое святится святостию тела,
Чужое все сгорит в огне.
Четыре девы, обнажив свои невинные тела, подносят Отроку вино в фиале, хлеб неразрезанный, венец и нож. Отрок возлагает руки на обнаженных дев и на их приношения.

Отрок

Я освящу Моим прикосновеньем
Вино и хлеб, венец и нож
И зачарую тайной и забвеньем
Все, в чем порок и ложь.
Дева, принеся нож, передает нож юноше, который точит его о камень.

Отрок

Одежду пыльную вам надо
Совлечь с Меня.
Пылай вокруг Меня, ограда
Священного огня!
Юноши снимают с Отрока пояс и хитон и бросают в алтарный огонь. Носители
светочей приближаются к Отроку.

Отрок

Огни небесные, торжественно горите,
Миры к мирам соединя!
А вы приблизьтесь, сестры, облеките
Одеждой светлюю Меня.
Девы надевают на Отрока белую одежду, такую
же, как у всех участников таинства. И надевают
одежды на дев приношения.
Отрок

Благословляю легкость тканей.
В обычной ткани полотна
Основа тяжкая страданий
С надеждой переплетена.
Все поют песнь огня и обходят кругом алтаря, сплетаясь руками. В это время
носители светочей становятся в один ряд сзади алтаря, так, что участники обряда
дважды пересекают означенную ими черту – от алтарного света в тьму долины и
обратно к свету.

Песнь огня
Мы зажгли огни кругом.
Оградились мы огнем.
В небесах огни над нами, –
И в сплетеньи дружных рук
В тесный мы сошлись круг,
Озаренные огнями.
Ты, огонь, сожжешь, сожжешь
Все, что было, пыль и ложь
Суетного дня.
Чрез огонь из зыбкой тьмы
Шли мы. Отрок милый, мы
Вышли из огня.
Дева, принеся венец

я принесла Тебе венец.
Его ковал златокузнец.
Он золотой. Он в камнях весь.
Ты тяжесть камней светлых взвесь.
Ты улыбнись на их игру.
Утешь улыбкою сестру.
Отрок (возлагает венец на свою голову)

Алмазный враг Дракона,
Гроза Драконовых очей,
В вещаньях вещега закона
Дробящий слитность злых лучей, –
Святыней дивного венчанья
Я вновь тебя благословил
И освятил твои мерцанья
И вечный трепет вражьих крыл.

В бездонно-голубом эфире
Шестиконечная звезда,
Ты на лазоревом сапфире
Отпечатлелась навсегда.
Я освятил твоих мерцаний
Двойную, сладостную весть, –
В лучах святых очарований
Число таинственное шесть.
Огонь и кровь в стекле рубина.
Ты – чудотворная хвала.
Тебя родная плоти глина
В огне плененном родила.
В кровавом пламени строенья
Запечатлев мою любовь,
Благословляю в час хваленья
Твою пророческую кровь.
Горишь ты, светлый и зеленый,
Мой первозданный изумруд.
Мои пророческие стоны
В твоих надеждах не умрут.
Весенним чистым откровеньем
Ты твердость камня озарял.
Моим земным благословеньем
Светись, таинственный кристалл.
Юноша, наточивший нож

Наточил я острый нож.
Ты на сталь его дохнешь.
Рукоять его возьмешь
В освещающую руку, –
И кого ни изберешь
На пронзающую муку,
Будет свято острие,
И Твое иль не Твое
Нож пронизет тело, –
Будет свято дело.
Отдает нож Отроку.
Отрок

Острый нож в руке Моей.
Он Моей рукою сжат.
Он на весь избыток дней
Неизменно свят.
Тускло блещет сталь
В зареве огня, –
Острая печаль
Смотрит на Меня.
Разделять он вечно рад.
Разделение – ложь.
Но, пронзив, ты сам поймешь,
Что, рукой невинной взят,
Непорочен нож.
Нож Моей рукою сжат.
Сталь ножа остра.
Ты пойми Меня, Мой брат,
Ты пойми, Моя сестра, –
Разделенные давно,
Я и Ты – всегда одно.
Там, в зеркальности небес, –
Бесконечности чудес,
Но иных и многих лиц
Нет в обители родной.
Между Мною и Тобой
Нет преграды, нет границ.
В чаше – вечное вино.
Я и Ты – всегда одно.
Огонь на алтаре слабеет.
Юноша с чашею

Принес я чашу золотую.
В нее одну росу святую
С ночных цветов я собирал.
Соединимся мы над чашей.
Твоей ли кровью, кровью ль нашей
Ее наполни. Час настал.
Передает чашу Отроку. Дева, принеся вино, открывает фиал и подносит его
Отроку. Отрок наливает в чашу освященное вино и отдает деве опустевший фиал.

Отрок

В торжественном движеньи
Руки протянутой Моей,
В дыханьи трепетных огней
Святится чаша приношенья.
Движением сплетенных рук,
Гореньем дивного огня
Очерчен неразрывный круг.
Все свято вокруг Меня.
Отрок передает чашу Избранной Деве. Вонзает нож в свою руку, протянутую над
чашею. Кровь каплет в чашу. Отрок передает нож Избранной Деве и от нее берет
чашу.

Отрок

Нож возьми, сестра,
Сестра Моя.
Вот свершения пора.
Плоть Моя и кровь Моя.
Здесь и вне – только Я.
Дева Избранная первая соединяет свою кровь с Его кровью и передает нож одному из
участников таинства. Каждый по очереди вонзает нож в свою руку, так, чтобы капли
крови падали в чашу. Медленно движутся вокруг чаши и поют.

Песнь крови
Тихо льется в чашу
Жертвенная кровь.
Звезды славят нашу
Кроткую любовь.
В жертвенной могиле,
Где Иной почил,
Мы соединили
Токи алых сил.
Нож священно острый
В быстром круге рук.
Вы не бойтесь, сестры,
Острых, быстрых мук.
И не бойтесь, братья,
В чашу кровь струя,
Разрушать заклатья
Злого бытия.
Отрок

Отрок непорочный,
Между вами – Я.
В чаше полуночной
Эта кровь – Моя.
Кто ж боится боли,
В чашу кровь струя?
Тайной вечной воли
Эта боль – Моя.
Все

Сердце не трепещет.
Неразрывен круг.
Вкруг безмерность блещет
Лучезарных дуг.

Отрок

Обольщенья тела –
Легкий сон ночной.
Нет нигде предела
Меж Тобой и Мной.
Вас, как мир, Я движу.
Только плоть Мою
В хороводе вижу.
Кровь Мою Я пью.
Отрок склонился над чашею. Прильнул губами к ее краям.

Жены

Круг закончен. Дело свершено.
Отрок милый, Ты поник.
Подними Твой дивный лик.
Дай нам, дай нам новое вино.
Отрок

Соединяйтесь над чашей.
Целуйте дивные края.
Здесь капли крови, крови вашей.
Но кровь – Моя, вся кровь – Моя.
Все по очереди пьют из чаши, из рук Отрока.
Хор (поет)

Соединились мы над чашей.
Лобзаем дивные края.
Здесь вместе капли крови нашей.
Но кровь Твоя есть кровь моя.
Отрок

Из чаши, освященной ныне,
Вам в жертву кровь Мою даю.
Познайте путь к Моей святыне,
С любовью пейте кровь Мою.
Открыв пути к Моей святыне,
Над чашей вас соединя,
Один закон даю вам ныне:
Идти ко Мне, любить Меня.
Когда в лазоревом сапфире
Возник шестиконечный крест,
Благословив святыню в мире,
Соединил Я все окрест.
Моей грозой в чертог Змеиный
Огонь сапфировый проник, –
Вознес Я в правде триединой
Над миром отраженный лик.
Внимайте пламенного Змея
Несчетно повторенный стон, –
Над ним вознесся, пламенея,
Мой алмазный закон.
И в мир идите, расторгая
Змеиный ненавистный плен.
Соединенья весть благая
Да сокрушит преграды стен.
Очарование рубина
Над славой Моего чела
Напомнит вам, что та же глина
И плоть и кровь произвела.
Ваш путь святым обетованьем
Мой очарует изумруд
И озарит благим сияньем
На ваших нивах дружный труд.
Лучи сапфира и рубина
И эта жертвенная кровь
Открыли вам, что все едино

И что во всем – Моя любовь.
Игрой державной мир колебля,
Я укрощаю злобу змей.
Как трепет зыблемого стебля,
И жизнь и смерть в руке Моей.
Здесь, с вами, и в ином пределе,
Во всех просторах бытия,
И в каждом духе, в каждом теле, –
Всё – я. И всё – лишь только я.
Теперь, в рассветном утомленьи,
Идите к бедным злобам дня,
Храня завет: в соединеньи
Идти ко Мне, любить Меня.
Братья и сестры целуют друг друга и расходятся, храня безмолвие. Заботливые жены
и девы убирают освященные предметы и литургийные одежды.

5 февраля 1906

Любви
Драма в двух действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Реатов, 44 года.

Александра, 20 лет.

Дунаев, 26 лет.

Действие первое
Комната в доме Реатовых. Александра в трауре, с фотографическим портретом в
руках. Входит Реатов.

Реатов. Моя дочь в приятном обществе.

Александра (вздрагнула, уронила портрет). Ах, папа! Ты меня испугал, – я
задумалась.

Реатов. И жених на полу, – славно! Дай мне еще на тебя поглядеть. Ты похорошела.

Александра. Ах, папа!..

Реатов. А глаза красные, это нехорошо. Ты все плачешь. Давай-ка лучше подыдем
жениха и поставим его на стол.

Александра. Отец, такое горе, такое горе!

Реатов. Ну, полно, деточка, не плачь. Мама счастливее нас: у нее нет желаний,
неисполнимых, безумных... Но как же ты похорошела! Как давно мы не виделись с
тобой! Шесть лет. Ты девочкой была, таким нескладным подростком, а теперь –
смотрите, жених какой-то уже нашелся.

Александра. Какой-то! Он – милый и добрый.

Реатов. Милые письма ты ко мне присылала раньше, до него.

Александра. Я думала, тебе неинтересно и некогда читать мою болтовню.

Реатов. Нет, Санечка. Присядем здесь, вот в этом уголке, и будем говорить много
и долго. Расскажи мне о себе. Все по-прежнему, не правда ли? Трепетные огоньки
перед иконами, и мольбы кому-то о чем-то, и странные жесты, – и эти долгие
молитвы на коленях.

Александра. Мы здесь живем в глуши. Что сказать? Вот мой жених – не правда ли,
он милый? Зачем ты бледный такой и хмурый? Он тебе не нравится разве? Ты знал
его когда-то... Ты видел много, побывал далеко... Ну, что же ты молчишь? Скажи мне
сказочку, как сказывал ты девочке-дочке давно, – ты помнишь? – в старые годы... О

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
чем ты так задумался?

Реатов. Прости, дочка. Я отдыхаю.. Кончились мои странствования – и я начинаю жить. Я люблюсь тобою, смотрю на твое прекрасное лицо, и меня берет досада...

Александра. На что?

Реатов. Александра, неужели ты выбрала его себе в мужа?

Александра. Что ж странного? Он добрый.

Реатов. Кому охота быть злым!

Александра. Мы будем счастливы.. Вот ты увидишь его, узнаешь его поближе – и ты его полюбишь. Правда, полюбишь?

Реатов. Полюблю? Нет, дочка, я тебя люблю, это так, а его не намерен заключать в родственные объятия. Разве у него есть такие белые руки? Разве умеет он так прятать свою голову на моей груди и разве у него есть такие глаза? И досадно мне, что возьмет он тебя, мое сокровище. Не стоит он твоей любви.

Александра. Ах, нет!

Реатов. А впрочем... Он добрый, да, не правда ли?

Александра. Конечно, добрый, не то что ты.

Реатов. Да, это хорошо. Я рад за тебя. Он ведь носит тебя на руках, вот так, как я тебя несу? И носит, и подкидывает, и лелеет? Поцелует губы и щеки и снова подкинет, вот так! Да?

Александра. Ну довольно, довольно, пусти меня. Какой ты сильный! Ты спокойно дышишь, а я точно версту пробежала.. Что это, мы, как дети, шалим и смеемся в такое время.

Реатов. В какое время?

Александра. Давно ли я потеряла маму!

Реатов. Ну, деточка, что о том тужить, чего не воротить! Так он в эти траурные дни ведет себя скромно и не покачает мою дочку?

Александра. Вот еще, – он не смеет.

Реатов. Любит и не смеет! Любит и не знает, какое блаженство держать в своих объятиях трепещущее тело возлюбленной!

Александра. Да и не у всех ведь такая силища, чтоб играть человеком, как мячиком.

Реатов. Понимаю, дитя, понимаю. Ценю твой нежный вкус: он, твой жених, не груб, как я, – он изящен, тонок. Он обожает тебя по-рыцарски: он приляжет у твоих ног, вот так, и поет тебе про любовь свою, и рассказывает тебе чудные легенды о том, как любили наши дедушки наших бабушек.

Александра. Он не умеет петь, и он не профессор истории.

Реатов. Разве? Ну, опять не так! Да, я знаю, он ведет в твоей гостиной только приличные разговоры и говорит о своей любви не иначе как по учебнику хорошего тона.

Александра. Я не знаю такого учебника.

Реатов. Оставим это. Иль нет, скажи мне, ты сама.. сильно любишь его?

Александра. О да!

Реатов. Счастливые! А знаешь ли ты, как горят его поцелуи?

Александра. Горят? О да, он целует мне руки, но это вовсе не горячо.

Реатов. Только руки?

Александра. И только раз – но это я тебе по секрету – он поцеловал меня вот в это место.

Реатов. В эту бледную щеку, которая так очаровательно вспыхнула теперь?

Александра. Но я очень рассердилась и простила его только тогда, когда он сказал, что этого больше не будет...

Реатов. До свадьбы! Дети! Ромео, не дерзающий напоить свою Юлию сладчайшим нектаром любви, пока его не повенчают с нею!

Александра. Что ты говоришь, папа!

Реатов. Я рад, дитя мое, я рад. Ты сберегла невинность, и ты не знаешь любви. Я рад, дитя, тому, что вы не любите друг друга.

Александра. О нет, я люблю его, и он меня любит.

Реатов. Дитя, знай, что любовь, не запечатленная последними жертвами, – это облачко, которое растает под поцелуями могучего светила. Любовь не знает преград и запрещений, любовь на все дерзает, все смеет. Кто любит, тот силен, как Геркулес, – он рад нести на своих плечах мир, заключенный для него в возлюбленной. Кто любит, тот гениален, как Шекспир, и дело любви – творческое дело. Кто любит, тот безумец, маньяк и бешеный в одно и то же время: одна мысль сжигает его мозг, один образ царит над его душой, и все сокрушает непреодолимый ураган его неистовых желаний. Он берет возлюбленную, как законную добычу, в свои могучие руки...

Александра. Ах, ты уронишь меня! Пусти меня. У тебя глаза горят. Я не понимаю твоих слов.

Реатов. Когда стремится он к обладанию красотой, каменные стены падают перед ним, и нет преграды, которая не разорвалась бы под напором его исступленной воли, как разрывается хрупкая ткань твоего траурного платья.

Александра. Отец! Что ты делаешь? Безумный, ты разорвал мое платье! Ну к чему это?

Реатов. Не он научит тебя любить. Прости, дитя. Я так давно тебя не видел, и мне жаль твоего сердца, которое ты хочешь снести в сырой ледник семейного счастья.

Александра. Вот, надо идти, переодеться, а то еще увидит кто-нибудь это разорванное...

Реатов. Подожди. Дай мне обнять тебя... Молнии в твоих глазах, черных, как ночь... Скажи, видел ли когда-нибудь он, твой жених скромненький, вот эту прекрасную грудь и вот это место под золотым амулетом?

Александра. Ну конечно, не видел. Пусти меня.

Уходит.

Действие второе

Там же. Через несколько дней. Александра и Дунаев тихо разговаривают. Реатов входит.

Реатов. Вот два голубка неразлучные. Воркуете?

Александра. Воркуем.

Реатов. Ну, здравствуйте, дети мои, воркуйте и будьте счастливы.

Дунаев. О да, я постараюсь, чтоб Александра была счастлива.

Реатов. Постарайтесь, мой друг, но только поберегите ваше здоровье, не расточайте безрасчетливо ваших сил, как тот итальянский мальчишка, безумец Ромео, который в одну ночь готов был излить на свою супругу весь Эдем наслаждений. Будьте благоразумны, как гоголевский Шиллер, и вы будете пользоваться патентованным и непромокаемым счастьем.

Дунаев. Мы будем счастливы, конечно.

Реатов. «Как боги на недоступных небесах?»

Дунаев. Как боги? О нет! Все мы люди, все человеки. И зачем недоступные небеса? Мы хотим быть счастливы на миру, на людей посмотреть и себя показать. Наш рай будет доступен для наших друзей.

Реатов. Для друзей? Мило сказано.

Дунаев. А вы сегодня чем-то словно недовольны?

Реатов. Нет.

Дунаев. Вы так бледны. Вы, может быть, не совсем здоровы? Послать бы за доктором.

Реатов. Нет, мой друг, благодарю вас, я совсем здоров. Но только я расстроен. Дела такие... Словом, я нашел, чего не ожидал.

Александра. Он все больше сидит и читает. Какие страшные и очаровательные есть книги!

Реатов. Хотел бы я, Алексей Сергеевич, вам два слова сказать наедине, если вы позволите.

Дунаев. Я готов слушать.

Реатов. Это наша тайна, Санечка, строжайшая тайна.

Александра. Я никому ее не выдам.

Реатов. Да и мы ее тебе не выдадим.

Александра. Он не должен иметь тайн от меня.

Реатов. А все-таки это наша тайна.

Александра. Так я, значит, лишняя! Вот мило!

Реатов. Не сердись, мой друг: через короткое время я верну его тебе, а теперь ты нас оставь.

Александра. Хорошо, что ж делать! Это как тогда, когда я была девочкой, и ты занимался, а я приходила тебе мешать, ты меня и выпроваживал, как теперь.

Реатов. Да, а ты сердилась и объявляла, что больше ко мне не придешь.

Александра. До свиданья, Алексей Сергеич, – секретничайте себе.

Реатов. Только смотри, деточка, не вздумай подслушивать.

Александра. Ну конечно, не буду. Я не такая любопытная.

Уходит.

Реатов. Садитесь, Алексей Сергеич, и поговорим. Прямо к делу. Вы знаете, что имеет ваша невеста?

Дунаев. Аполлон Максимович! Это меня несколько не интересует.

Реатов. Решительно нисколько?

Дунаев. Конечно, мои средства невелики, а привычки Александры...

Реатов. Одним словом, приданое не мешает?

Дунаев. Я за деньгами не гонюсь, но если Александра имеет деньги, то тем лучше для нее. Я осмелился искать ее руки только потому, что искренно люблю ее, и для меня все равно, хоть бы она ничего не имела.

Реатов. Друг мой, позвольте мне обнять вас. Теперь я спокоен за Александру. Слава Богу, теперь я вижу, что ее судьба в добрых и верных руках. А если б вы знали, как я мучился последние дни, когда познакомился с состоянием наших дел!

Дунаев. Но разве?..

Реатов. Дорогой мой, мы совершенно разорены.

Дунаев. Но неужели?..

Реатов. Да, моя благоверная жила не по средствам. Я плавал, а здесь... Были сделаны рискованные нововведения в хозяйстве. Еще старые долги, которые надо выплатить.

Дунаев. Вот как!

Реатов. Но это бы еще с полбеды. А вот беда: весь капитал был отдан в руки спекулянта, который внезапно обанкротился.

Дунаев. Все это очень неприятно. Я не смогу доставить Александре Аполлоновне всего того, что она привыкла иметь.

Реатов. Что делать! Я отдам Александре все, что могу, но боюсь, что вряд ли уцелеют от нашего состояния и малые крохи. Александра, быть может, избалована жизнью. Любовь – дело хорошее, с милым рай и в шалаше, да только иногда браки по любви кончаются потасовками супругов. Лучше подавить в себе нежные чувства, чем потом всю жизнь плакаться на судьбу. Так и вы лучше подумайте, не отказаться ли вам от этого брака, пока не поздно.

Дунаев. Нет, Аполлон Максимович, если Александра Аполлоновна согласится делить мою бедность, то я буду счастлив назвать ее своей женой. Бог с ним, с этим богатством! Все это, пожалуй, и к лучшему.

Реатов. Даже к лучшему?

Дунаев. Да, конечно: по крайней мере, ни люди не осудят, что из-за денег женился, да и жена будет знать, что я не за приданое ее беру, а по любви.

Реатов. Так! Нечто вроде благодеяния делаете?

Дунаев. Помилуйте, Аполлон Максимович, это, напротив, я буду считать себя осчастливленным, если Александра Аполлоновна согласится...

Реатов. Да, да, я верю вашим благородным чувствам. А все-таки, мой друг, без денег плохо. Тем более что и в будущем, как оказывается, нет ни малейшей надежды.

Дунаев. Буду надеяться на себя, на свои силы, с нас и достаточно.

Реатов. Был дядя у моей жены, вы знаете?

Дунаев. Разве уж скончался?

Реатов. Нет, еще жив. Но я говорю: был, потому что если б он раньше умер, то жена была бы его наследницей, а теперь...

Дунаев. А теперь Александра Аполлоновна – наследница.

Реатов. Александра – наследница? С чего вы это взяли?

Дунаев. Но как же? Ведь ваша супруга получила бы, если б не скончалась, – так почему же Санечка не может?

Реатов. Почему не может?.. Ах, вот что, – так вы до сих пор ничего не знали... А я думал...

Дунаев. Но в чем же дело? Я, право, ничего не понимаю.

Реатов. Так вам жена-покойница ничего не открыла?

Дунаев. Ничего.

Реатов. Странно. А впрочем, это на нее так похоже. Всегда фантазии, тайны, неожиданности, капризы... Да Александра и сама не знает... Она выросла в нашей семье в таких мыслях...

Дунаев. Так неужели Александра Аполлоновна?..

Реатов. Да, друг мой, – ведь вы все равно скоро узнали бы истину... Жена хотела непременно иметь девочку, – и вот...

Дунаев. Так вот в чем дело! А я ничего не знал. Мне почему-то не сказали.

Реатов. Вы так любите ее, что вам все равно, как бы она ни называлась.

Дунаев. Да, конечно, но...

Реатов. Не все ли равно, Реатова ли она или Александра Трофимовна Водохлебова, крестьянская девица? Конечно, фамилия немножко вульгарная...

Дунаев. Да, но...

Реатов. Но она покроется фамилией мужа, не так ли? Деревенская родня не очень нам надоедала.

Дунаев. А бывали-таки?

Реатов. Нельзя же, знаете, без того. Родственные чувства...

Дунаев. Да, да, конечно...

Реатов. Эти деревенские гостинцы, кокорки, калитки из черного теста с кислым творогом... Точно Александра может их есть! Конечно, уписывала бы за обе щеки, но воспитание, вы знаете.

Дунаев. Да, конечно.

Реатов. Вот только то досадно, что это обстоятельство лишает ее, как видите, права получать наследства от родственников моей покойной жены.

Дунаев. Ну что ж, и не надо.

Реатов. Так не лучше ли вам, голубчик, отказаться? А? Пока не поздно. Вы найдете себе легко и богатую невесту. Право, лучше будет, а?

Дунаев. Нет, да отчего же! Я, право, не знаю.

Реатов. Вы бы подумали, мой друг, прежде чем связывать себя.

Дунаев. Да, конечно, я подумаю...

Реатов. Ну вот и отлично.

Дунаев. Да нет, впрочем, отчего же! Мне все равно, а вот как Александра Аполлоновна, это от Александры Аполлоновны зависит.

Реатов. Так вот, я вам высказал. Теперь, если угодно, я пошлю к вам Александру.

Дунаев. Да, да, конечно, Александра Трофимовна...

Реатов. Только знаете что, друг мой, вы ее пока Александрой Трофимовной не называйте, – пусть она пока Аполлоновной останется. Она, видите ли. привыкла, – а так, сразу, пожалуй, обидно покажется.

Дунаев. Да, да, я понимаю, это совершенно нечаянно, с языка сорвалось. Так я уж тут подожду.

Реатов. Сейчас я вам ее пришлю.

Уходит. Дунаев мнетя на месте. Берет шляпу. Очень расстроен. Прохаживается. Заглянул в зеркало. Подошел к двери направо. Постоял. Пожал плечами. Быстро пошел к выходной двери, в глубине. Взялся за ручку двери. Не отворить. Возится с ручкою, толкает дверь. Отходит красный, раздосадованный. Бормочет.

Дунаев. Черт знает, что такое!

Подходит к окну. Лезет на подоконник. Входит Александра.

Александра. Что вы там делаете? Зачем вы на подоконник влезли?

Дунаев (спрыгнул с подоконника). Ах, это вы, Александра Аполлоновна!.. Я, видите ли, я... так... то есть я уронил платок за окошко.

Александра. Так вы за платком! Какой вы смешной! Да вы бы послали кого-нибудь.

Дунаев. Да мне, видите ли, здесь ближе...

Александра. Побоялись, чтобы не унесли вашего платка? Какой вы скупой! Покажите же мне этот драгоценный платок. (Смотрит в окно.) Что-то я его не вижу.

Дунаев. Ветер унес, ветер, Александра Аполлоновна.

Александра. Полноте, какой теперь ветер!

Дунаев. То есть нет, это вот сейчас, когда я с вами говорил, мальчишка пробежал, подхватил платок да и был таков. Теперь я вспомнил, что тут вертелся мальчишка, белоголовый такой мальчишка, оборвыш, дыра на коленке.

Александра. Белоголовый оборвыш похитил ваш платок, а вы за ним в погоню через окошко устремились? Похвально!

Дунаев (мямлит). Да, ну что ж.

Александра. Положите вашу шляпу и садитесь. И вперед не роняйте платков за окошко и не убегайте через окно – на то двери есть.

Дунаев. Извините, Александра Аполлоновна, но мне надо идти. Если позволите, я приду вечером, а пока...

Александра. Подождите. Тут дело неспроста. Объясните мне, что это значит. О чем вы говорили с отцом? Что с вами? Отчего вы так смущены?

Дунаев. Право, ничего, Александра Аполлоновна, ничего, – все это разъяснится своевременно, разъяснится к общему удовольствию.

Александра. Да что разъяснится? Что случилось? Отчего вы хотели прыгать из окна? Кажется, про платок вы фантазировали зачем-то.

Дунаев. Право, я не знаю, как сказать...

Александра. И если вы хотели уйти, не встретившись со мной, отчего вы не прошли через эту дверь?

Дунаев. Но эта дверь заперта на ключ.

Александра. Заперта? Вот странно! А вы разве уже пробовали там пройти? Да, в самом деле, заперта. (Нажимает кнопку электрического звонка. Медленно подходит к двери направо. Тихо говорит что-то, приоткрыв дверь. Возвращается.) Что это за шутки, объясните ли вы мне это наконец?

Дунаев. Хорошо, Александра Аполлоновна, если вы непременно требуете, я буду откровенен. Я думал, что нам сегодня лучше было бы не встречаться. Аполлон Максимович разъяснит вам, что ваше положение оказывается теперь другим, то есть в имущественном отношении... то есть... что средства ваши теперь уж не те... то есть нельзя сказать, что разорение...

Александра. То есть, то есть! Как вы тянете! Сказали бы прямо, что моих денег для вас мало...

Дунаев. Нет, я не то имел в виду. Но мои средства так ограничены, я не могу доставить вам того, что вы привыкли иметь, и я думал, что вы, узнав настоящее положение дел, сами откажетесь...

Александра. От чести быть вашей женою? Вы этого хотите?

Дунаев. Поверьте...

Александра. Довольно. Я поняла. Вы свободны. Идите.

Дунаев. Поверьте, Александра Трофимовна...

Александра. Как?

Дунаев. Виноват, совершенно нечаянно.

Александра. Вам хочется показать, что вы уже забываете, как меня зовут? Это забавно. Придумал – Трофимовна!

Дунаев. Виноват, я думал... мне послышалось... Аполлон Максимович сказал...

Александра. Вы думали, вам послышалось, вам сказали, – ничего не пойму.

Дунаев. Но я думал, что вы знаете. Виноват, я, кажется, смешал.

Александра. Смешали меня с какой-то Трофимовной? Это ваша новая невеста? Да? Прощайте.

Быстро уходит в дверь направо. Дунаев в нерешительности ходит по комнате, тихонько, словно крадучись, подбирается к выходной двери – исчезает в нее.

Александра (возвращаясь). Ушел...

Молча стоит у окна. Входит Реатов.

Реатов. Ушел? Александра, какие у тебя холодные руки. Дай мне обнять тебя. Скажи мне свое горе...

Александра. Жалкий такой... Ушел... Назвал меня Трофимовной...

Реатов. Тебе жаль его?

Александра. Любви моей жалко! Любить такого! Стыд!

Реатов. Прости меня, дитя, за то, что я сделал. Я заставил его снять перед тобой маску, чтоб рассеять твои иллюзии. Я знаю тебя: у тебя гордое сердце, и ты выберешь лучше смертную муку, чем сладкую ложь.

Александра. Да... Благодарю тебя... Но это жестоко – то, что ты сделал.

Реатов. Только жестокая воля – воля.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Александра. Что ты ему сказал?

Реатов. Немногое. Я сказал, что мы разорены, что наследства ты не получишь, потому что ты – наш приемыш, крестьянская девочка.

Александра. Разве это правда?

Реатов. Мы богаты. Он это скоро узнает и вернется к тебе.

Александра. Да я к нему уж не вернусь. Но зачем ты это сказал?

Реатов. Затем, чтобы разом сорвать с него маску. Я не хочу, чтоб ты ему досталась, потому что я тебя люблю, я сам тебя люблю, люблю не так, как любят дочь, люблю тебя пламенной, непобедимую любовью. Не гляди на меня в ужасе своими молниями-глазами. Любовь – не грех, любовь – закон природы. Не мы сами распалили ее в себе – неотразимая сила вложила ее в нас, и мы должны быть счастливы, хотя бы пришлось за это счастье заплатить ценою всей жизни. Мы уедем с тобой далеко, в чужие края, где нас не знают, – мы будем счастливы бурным и жгучим счастьем, сестра души моей, надменная и кроткая... Кто захочет отнять от нас наше счастье, доколе мы, пресыщенные им, не отбросим его от себя, вместе с ненужной жизнью?

Александра. Ужасно то, что ты говоришь. Это грех.

Реатов. Любовь – не грех.

Александра. Ты сказал ему, что я приемыш, что я не дочь тебе. Может быть, это правда? Скажи мне, дочь я тебе или нет?

Реатов молчит.

Александра. Если б я не была твоей дочерью!

Реатов. Хорошо, Александра, я скажу тебе правду, но раньше ответь мне на два мои вопроса. Обещай, что скажешь мне правду.

Александра. Хорошо, я скажу тебе правду.

Реатов. Как бы это ни было тяжело?

Александра. Как бы мне ни было тяжело, я скажу тебе правду. Я скажу тебе правду даже и тогда, если и сама еще этой правды не знаю теперь. Я обнажу свое сердце и из самой глубины его выну правду. И тогда ты мне скажешь, дочь я тебе или нет.

Реатов. Да. Скажи мне: отец я тебе или не отец – это сейчас ты узнаешь наверное, – но и в том и в другом случае чувство твое останется то же? Сердце твое не перегорит же от одного моего слова, которое притом будет слово о прошлом, далеком прошлом?

Александра. Да, сердцу моему все равно, отец ты мне или не отец.

Реатов. Теперь скажи, любишь ли ты меня? Хочешь ли быть моею? Ты побледнела и молчишь, – но ты обещала сказать мне правду. Я жду... Какое долгое молчание! Да, не торопись ответом, испытай свое сердце, – ты скажешь правду.

Долгое молчание. Александра отошла. Стоит. Возвращается.

Реатов. Какую тайну ты несешь мне? Тебе страшно сказать ее. Скажи только одно слово: если ты любишь меня, если ты хочешь быть моею, скажи мне: «Да». А если не так, скажи: «Нет».

Александра (поспешно). Да.

Реатов. Я достиг цели. Но как тяжело! Это почти не радует меня. Да, теперь мой черед сказать последнее, роковое слово.

Александра. Скажи, я дочь твоя или нет?

Реатов. Я люблю тебя.

Александра. Я не дочь тебе? Да? не дочь?

Реатов. Дочь.

Александра. Дочь!.. Что же, сожжем ветхие слова, которые нас разделили. Я хочу...

<1906>

Дар мудрых пчел
ОТ АВТОРА:

Статья Ф. Ф. Зелинского «Античная Ленора» дала мне мысль написать эту трагедию. На ту же тему есть трагедия И. Ф. Анненского «Лаодамия» (Сборник «Северная речь». СПб., 1906).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лаодамия, жена царя Протесилая.

Мойра-Афродита, богиня, движущая миры и волнующая сердца.

Аид, бог подземного мира.

Персефона, богиня, супруга его.

Гермес, бог.

Протесилай, царь Фессалийского города Филаки.

Акаст, отец Лаодамии, царь Иолка.

Лисипп, юноша-ваятель.

Нисса, рабыня.

Антим, раб.

Вестник.

Сатир.

Эос, румяная заря.

Лета, адская река.

Нимфа реки Леты.

Змея.

Эхо.

Хор, дающий голос множеству и природе.

Подруги царицы, жены вельмож.

Жены и Девы.

Народ.

Ночные Колдуньи.

Тени Умерших.

Оры, пролетающие мгновения.

Голоса волн, камышей, цветов в царстве Аида.

Действие первое

У темных, но широких ворот в царство Аида плещутся тяжелые волны Леты. Шелестит камыш, и шелест его иногда слагается в слова, и другие порою доносятся темные речи. Печальное место, лишённое ясного неба и светлой дали. Все туманно и мглисто, все кажется плоским и неподвижным, словно является тенью на экране.

Освещение пепельно-серое; изредка над говорящими вспыхивают яркие фиолетовые лучи, неколеблущийся, неживой свет закованной, заколдованной молнии. Из челна Харона на берег Леты выходит бледный рой вновь умерших. Тени Предков встречают их. Те и другие движутся медленно, и движения их кажутся расчлененными на ряд неподвижных поз.

Тени Предков. Привет вам, милые тени. В мире навеки законченных деяний и вам есть место, и ваша доля утешений ожидает вас.

Вновь Пришедшие. Пройдя смертные томительные муки, покинув печальную землю, мы на челне молчаливого Харона тешили себя надеждою за мрачно-шумными волнами Леты найти на этих берегах вечное забвение скорби.

Шумные Волны Леты. Забвение, забвение, в наших волнах вечное пейте забвение. Мы об одном, лишь об одном поем, плещась об адский берег, – о забвении, о вечном забвении шумная наша речь.

Становится темнее.

Вновь Пришедшие. Как забыть? Слышим, тяжкие раздаются стоны из мрачной глубины нам навстречу. Неужели и здесь, как на земле, царствует горе?

Шелест камышей на берегах Леты. Мы смеемся, мы шумим, мы говорим о забвении, о забвении, о вечном забвении.

Вновь Пришедшие. Мы слышим вопли и стоны, вещающие скорбь. Что даст нам Аид в замену утраченных нами радостей мгновенных переживаний? Чем утешат нас его широко-прохладные сени?

Тени Предков. Персефона тоскует в многоколонном чертоге супруга своего, царя Аида, тоскует, и плачет, и не хочет утешиться. О невозвратном, о невозможном тоскует она, и нет для нее утешения. Только недолгое усмирение скорби приносит ей краткая и сладкая радость вешних восстановлений.

Цветы на берегах Леты. Мы цветом, отцветаем, зацветаем опять, опять, всегда, – цветы вечные, не рождающие, и аромат наш, томный, влажный, мертвый аромат наш – забвение, забвение, вечное забвение.

Вспыхивают молнии.

Тени Предков. От золотой осени до невинно-зеленеющей весны тоскует Персефона, тоскует и плачет, пока не дойдет до ада благостная весть о пробуждении матери Деметры, о сладком, буйном восстании Диониса.

Лета. И сладчайшие имена тонут в моих шумных волнах, тонут в забвении, в забвении, в вечном забвении. Сладчайшее забудется имя, вожденнейший погрузится образ в забвение, в забвение, в вечное забвение.

Мгновенные молнии.

Тени Предков. Вопли менад низойдут к нам и усыпляют скорбь Персефоны, и тогда замирают стенания на ее устах. Гермес приносит ей белые, нежные, едва только раскрывшиеся первоцветы, и она плачет сладко, и смеется нежно и звонко, и недолго радуется радостью. Но легким полетом быстро промчатся улыбающиеся златокудруму Фебу отрадные Оры, – и несет Гермес Персефоне осенние златоцветы, пышные, но пониклые и печальные, – и затоскует опять Персефона, и утешные краткие миги тонут в шумной, мрачной Лете.

Темнеет еще более.

Нимфа в Камышах Леты. Я ныряю, я играю зыбкими улыбками, ожемчуженными в мрачной глубине. Вечный шелест, бесконечный надо мною. Волны полны чем-то преходящим. Жемчуг тусклый, были слезы. Я не знаю. Я играю.

Вновь Пришедшие. Сколь многие годы промчались, и все еще Персефона не хочет утешиться! О великие боги! Или и вечность не истощает ваших мирообъемлющих печалей?

Мрак сгущается.

Тени Предков. Познайте, вступающие в великое царство подземного бога Аида, – вы входите в мир, где все неизменно вовеки, – и радость, и скорбь.

Вновь Пришедшие. Ужасное слово – вовеки.

Шелест Камышей. Доколе не распадутся чары великой богини, равняющей горы и доли и низводящей тени в ад. Доколе не придет последний, и несокрушимый воздвигнется мост.

Мгновенные молнии.

Далекий Вопль Прометея. Расторгну оковы – и ты погибнешь, несправедливый.

Вновь Пришедшие. Чей вопль доносится к нам? Не голос ли это страдающего бога?

Шелест Камышей. Прикованный Прометей грозит богам светлого Олимпа.

Змея. Боги трепещут, но смеются.

Тени Умерших удаляются. Сцена тонет в непроглядном мраке. Слышен затихающий плеск Леты. Внезапная молния разрезывает мрак – и черная завеса раздвигается, открывая темный чертог Аида. На престоле – Аид, и рядом с ним Персефона. Угромо и мрачно лицо Аида, и весь он туманный и еле зримый. Приготовлена трапеза. Подземные боги безмолвно предстоят царю и царице.

Аид. Тоскуешь и плачешь, милая супруга! Не осушая глаз, плачешь. Или сладки тебе слезы? Мне, познавшему конец всякого страдания и всякой радости и этим познанием утвердившему мою державу, мне, богу отжившего, забавны стоны скорби, – но тебя, возлюбленная супруга, мне жаль. Что может сравниться со скорбью богини?

Персефона. Только ад полон моими стонами, – не омрачен златокудрым метатель стрел. Только ад, озаренный безрадостными созвездиями неподвижных молний, рождаемых вечным трением янтарных смол, только ад слышит мои стенания.

Аид. О Персефона! Ты, делящая со мною власть над всем, что было, что жило, что перешло в вечное нет для жизни, неизменной вовеки, – о чем ты можешь тосковать? Непонятна мне тоска твоя, – к зыбким, к неверным переживаниям обращены твои желания, к поспешным утверждениям над безднами мировой пустыни.

Персефона. Здесь, где в мертвом свете мертвых смол бледные проходят передо мною тени и ни единого не вижу милого лица, кого я встречу? Кому скажу привет и сладостное «да» жизни? Кому покличу: «Желанный, милый! Явись мне ныне, сойди ко мне?»

Аид. Неисчислимо население моего царства, – призови кого хочешь, возведи к себе, утешь себя, как пожелаешь.

Персефона. Я ли утешусь призраками и бледными тенями? На то ли мне величие богини?

Аид. И если хочешь, призови, кого хочешь, из Зевесова светлого мира, – к тебе придет всякий, чье имя скажет твой нежный и сладостный голос.

Персефона. Увы! Мрачною скорбью овеваяно мое смутное сердце, – только мертвые, только мертвые приходят к нам из-под милого Зевесова полога, – с золотых полей,

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
взлелеянных моею тоскующею матерью.

Змея. Низойдет и Он.

Персефона. И если Он нисходит, желанный, нисходит он без Гиметского сладкого меда, – только воск – его белые руки, и в померкших очах его скорбь.

Змея. Выпью свет очей.

Аид. К нам приходят все – от нас же никто не найдет дороги.

Тихий Шелест Камышей. Восстанет, воскреснет.

Аид. Добром и злом взвешены и разделены человеческие деяния, добро и зло многие и разные строят дороги. Но все земные дороги приходят в нашу вечную область. Всякое сказывание жизни встречает свое окаменяющее нет и влечется им к берегам Леты. Всякий, кто в ответ первому искусителю сказал когда-то: «Да, хочу жить!» – кончает свой путь у того столба при входе в мои чертоги, на котором я начертал вечное слово: «Нет возврата».

Эхо. Нет возврата.

Тихий Шелест Камышей (как отзвук Эха). Возврата.

Далекий Вопль Прометея. Расторгну узы – погибнешь, погибнешь, несправедный! Зажгу огни, которые ты не погасишь.

Персефона. Все к нам приходят... Как домой, приходят все... Но скроешь ли от меня скорбную истину? Приходят все неволею.

Эхо. Неволею.

Тихий Шелест Камышей (как отзвук Эха). Волею.

Аид. От берегов, где плещет Лета, я слышу хриплый, вещательный крик, – адские вороны кричат, вещая о том, что придут многие, герои и воины, падшие в славных боях за прекрасную Елену.

Персефона. За бедный призрак красоты, за изменчивую земную личину небесной очаровательницы. О счастье земного безумия! О счастливые! О неразумные! Устремились за нею, а быстрый ветер умчал далеко, в страну иную, и похитителя, и его добычу. И не похитителя радует добыча.

Аид. Стремящийся творит сам свои цели. Стрела ранит, вонзаясь, хотя бы и ошибся глаз мечущего стрелы.

Персефона. Из-за призрака, из-за бледной тени стали призраками и под вечную сень сошли мужи, полные доблестей и силы. О злосчастный род людской! О безумное своеволие Айсы! Не истощив своей злобы над людьми и над богами, простерлась ты, страшная Тень! Над богами царящая Ананке, зачем, зачем навеки скорбию омрачила ты сердце мое?

Аид. Пойми, как противоречивы помыслы и желания твои, Персефона.

Персефона. О, да! Иначе как бы не найти им воплощения? Увы! В зыбкое море изменчивости брошены земные утверждения.

Аид. Ныне, Персефона, как и прежде, согласно завету гостеприимства, достойного царского чертога, предложим доблестным пришельцам разделить нашу трапезу.

Персефона. Я встану с моего темного, с моего пышного ложа, я сниму мою тяжелую диадему и царскую мою багряницу, я пойду им навстречу, я омою усталые ноги бедным героям, я поклонюсь вечной муке высокого стремления к призрачной, недостижимой цели. Они хотели, они посмели.

Аид. Ты – богиня и царица. К чему твой труд и унижение? Уже и то им будет великою честью, что ты склонишь к ним божественный взор, и они утешат тебя земною своею и грубою речью. Склониться же перед ними ты не можешь.

Персефона. Утешат. Увы! Они только расскажут, только вспомнят, только повторят. Они мертвые, как мое вечное в скорби сердце, – сладкое упоение предчувствий не взволнует их крови. Мертвы, и слова их – бледные тени свершенных и несвершенных дел.

Вновь Пришедшие (входя в чертог). Приветствуем тебя, великий обладатель и господин наш Аид. Отныне и вовеки мы в твоей власти. И тебе привет, гостеприимная богиня, опечаленная царица Персефона.

Аид. Подъявшие труды, свершившие подвиги, исполнившие тяжкие заветы жизни, пожелавшие, достигшие или отвергнутые и перешедшие Летийские шумные волны, – приблизьтесь, займите места за нашим царским столом, разделите с нами нашу святую и божественную трапезу.

Тени Вновь Пришедших заняли места за царским столом. Протесилай против Персефоны. Мертвое ликование.

Персефона (Протесилаю). Милый гость, поведай нам, кто ты, и откуда, и почему ты печален.

Протесилай. Я – Протесилай, сын Ификла, царь Филаки. Через мрачную Лету принес я печаль о милой моей Лаодамии. На призыв доблестного царя Агамемнона поспешил я с моею ратью к стенам далекой Трои.

Персефона. Зачем?

Протесилай. Мы вознамерились отомстить дерзкому похитителю прекрасной Елены и возратить ее в ее дом, ее мужу, царю Менелаю.

Персефона. Милый гость, тщетным желанием горело сердце ваше, за призраком устремились ваши доблестные рати. Похититель не сохранит своей добычи, но не вернуть, никогда не вернуть того, что похищено.

Протесилай. От живущих на земле сокрыты веления судьбы. Но долг царя и воина повелел мне идти туда, куда устремились и все ахейские рати. Оставив недостроенный мой дом, расставшись с милым другом моим Лисиппом и после первой брачной ночи покинув мою возлюбленную жену Лаодамию, я вверил мою жизнь ветрам, и морю, и жребию битв.

Персефона. И ты увидел стены Трои? Поверг врага решительным ударом?

Протесилай. О царица! Прельщенный громким зовом славы, я первый вышел из корабля на берег и первый был убит дарданцем. И не увижу моей Лаодамии.

Персефона. Милый герой, утешься питиями и яствами подземного мира.

Протесилай. Разлука с милою Лаодамиею омрачает мое сердце, – а ты, великая царица мира, в который сойдут все, насладившиеся светом солнца, скажи мне: отчего скорбию омрачены твои взоры?

Персефона. Милый гость с милой земли, открою тебе печаль моего сердца, – грустно мне, о золотых тоскую я стрелах и о милом, вожденном мне. Не веселит меня власть над этим великим миром, ни многообразие утешений, которые непрерывно предстают очам моим в образе переходящих в неизменную вечность сладостных мгновений жизни, – ничто не радует меня.

Протесилай. Славная царица, супруга великого и могущественного владыки, в чьей власти все мы, свершившие подвиги и труды жизни, – тебе ли печалиться? Ты ли в чем чувствуешь ущерб или недостаток? Всегда получающая, все сохраняющая, ничего не отдающая, ты, и миродержавным Мойрам страшная, – ты ли тоскуешь?

Персефона. Взгляни перед собою – что видишь?

Протесилай. Обильную вижу взоры и обоняние услаждающую пищу и многие вина, источающие благоухания, манящие к себе жаждущие уста.

Персефона. Милый гость, познай истину, одну из многих, открываемых за завесами

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
восторга силою обличающей противоречия мира Иронии, – познай эту истину: мертвое вино и мертвые яства на моем столе.

Протесилай. Царица, как понять мне тебя? Неужели ты хотела бы разрывать живую плоть и пить живую кровь из теплого тела? Дикие люди и великие боги одни ли и те же имеют вождения?

Персефона. Улыбаешься, милый гость, и не понимаешь меня. А тебе ли меня не понимать? Или так быстро смерть отнимает память о сладких Персетрепетах жизни? Но и ты вкушал нектар заревых рос с амвросиею созревших плодов.

Темнеет постепенно, и к концу действия ад окутывается мраком. Голоса звучат глуше, и вся сцена кажется исчезающим во мраке сном.

Протесилай. Никогда не забуду. О милая Лаодамия!

Змея. Нет забвения? Нет забвения!

Эхо. Забвения.

Персефона. О живое вино человеческой жизни, проливаемое в изобилии!

Тени Умерших. Мы страдали.

Персефона. О живая снедь человеческой плоти!

Тени Умерших. Мы хотели.

Персефона. О тело земное, пронизанное солнцем!

Тени Умерших. Мы любили.

Персефона. Мойры, жестокие, какую ткань вы мне ткете!

Тени Умерших. Мы свершили весь наш путь. Не ждем ни радости, ни печали.

Персефона. О златокудрый, рождающий мудрых пчел! Как золотые стрелы, жужжат золотые пчелы. И сладостный в земных цветениях для пчел благоухает мед.

Протесилай. Вздыхая о златокудром метателе стрел и о золотых, его светлую мудростью упоенных пчелах, ты, великая царица, забыла тающий от огня дар мудрых пчел – воск. Как воск, тают личины. Персефона, видишь ли ты Лик?

Три черные завесы мрака закрывают ад, означая конец первого действия.

Действие второе

В Фессалийском городе Филаке, в царском чертоге, еще не совсем достроенном, царица Лаодамия тоскует в разлуке со своим мужем, царем Протесилаем, еще не зная об его смерти. Раннее утро. Царица только что пробудилась. Еще не одета. Рабыня Нисса убирает ее косы и говорит притворно-ласково утешные слова.

Нисса. Не плачь, госпожа, не плачь, милая. Смотри в окно – как свежи и зелены платаны! Какое ясное небо! Какие цветы красуются перед царским чертогом! Слушай, как звонко стрекочут цикады, таясь в траве, как медленно и ровно жужжат золотые пчелы, вечные работницы, собирая сладкий мед и мягкий воск.

Лаодамия (глядит отуманенным взором и говорит, причитает). Налетели на меня, окружили меня темные пчелы печали, изжалили они мое сердце, соты горького меда скопили в нем, злые, – и тает мое сердце, как тает воск.

Нисса. Милая царица, да посиди ты спокойно хоть немного. И мне-то с тобою горе, – не мешай ты мне заплести твои черные косы, убрать их осыпанными утреннею росой цветами, которые так сладко пахнут, а потом покрою твою голову золотым венцом на багряном пурпуре.

Лаодамия. Тоскую о моем милом, о доблестном Протесилае. Горькою мукою полно мое бедное сердце, – горький мед злых пчел! – и помыслы мои черны, – вещицы птицы

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
кружат, и кричат, и пророчат, черными махая крыльями. И как же не плакать мне, злосчастной, жене одинокой, оставленной!

Нисса. Утешься, милая госпожа, – разлука перед свиданием, слезы перед смехом, горе перед счастьем, – так установила судьба, так всегда бывает в жизни свободных и повелевающих.

Лаодамия. Что же мне моя бедная свобода? Вот я и царица, – но что же мне? Какое мне в этом утешение? Мой милый далеко, а я одна. О, зачем я не последовала за ним!

Нисса. Уж так повелось, госпожа, – не идут жены воевать. Говорят, есть царство амазонок, да ведь то у варваров, – а у нас бы засмеяли воительниц.

Лаодамия. Жестокая участь жены! Сидеть дома, тосковать и печалиться, ветру поверять слова скорби.

Нисса. И подругам, госпожа.

Лаодамия. Ветер, ветер перелетный, милый гость, всюду желанный, донеси к возлюбленному моему Протесилаю мои горькие воздыхания и слова мои нежные!

Нисса (надевает на Лаодамию диадему и говорит). Так всегда было, так и будет – войны сражаются далеко, жены устраивают дом, а рабы и рабыни им служат. Зато вернется милый из похода – то-то у них будет радости!

Лаодамия. А если его ранят? Он – самый храбрый, в самую жестокую бросится он сечу.

Нисса (склонившись перед царицей, обувает ее и говорит). Царя защитят его воины, да и на царе крепкие доспехи – и шлем оперенный, далеко блещущий, и твердый щит, и латы, и поножи защищают все его тело.

Лаодамия. А если свирепый враг обрушит на его щит жестокий удар, и разобьет щит и латы, и рассечет своим варварским мечом или проткнет своим ужасным копьем тело милого моего Протесилая? Или лукавая стрела, с тонким визгом, выбрав среди доспехов случайно незащищенное место, вонзит свое злое острие в тело милого моего Протесилая?

Нисса. Раны – честь герою.

Лаодамия. О Протесилай! Раны твоего тела – раны в моем сердце. Не от того ли горит, горит мое сердце? Мое бедное сердце!

Нисса (надевая на Лаодамию багряный хитон, говорит). Каждому судьба дала свою долю печали. Но не надо предаваться скорби. Ты – царица. Вот придут подружки твои, филикийских вельмож почтенные жены, – с ними утешься, как пристойно, пением, играми, разумною беседою, изобильною трапезою.

Лаодамия. Он, возлюбленный мой, терпит труды и лишения, а ты надела на меня, проворная, так, что я и не заметила, золотом шитую багряницу, и золотую диадему, и богато изукрашенные сандалии. Увы мне, жене оставленной, одинокой! Одеждою скорби надлежит мне покрыться, совлечь, совлечь с себя все это, украшенное и блещущее.

Нисса. Ой, милая царица, печалью не накликай бы тебе на царя нашего беду! Как снимешь ты венец? Ты – его супруга, и боги сочетали вас навеки. На тебе венец, а на нем – шлом. Если скорбь скинет с тебя венец, бойся, не сбросила бы завистливая, темная, вечно подстерегающая шлом с его чела!

Лаодамия. А и правду говоришь ты, Нисса. Вот ведь какая я глупая! Печаль отуманила мои мысли. Так нам, вступившим на высокий царский путь, не снять, не снять этой свернувшейся на голове золотой змеи.

Нисса. Да, царица, нельзя снять. Но это не змея, – этот венец обозначает стены ограждения. Увенчанный царь защищает свой город.

Лаодамия. Так не сниму золотого обруча с головы – чешуйчатой змеи ограждения не

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
трону. Жми, жги мою голову, золото, скованное молотом во знамение высокого пути, обольстительная золотая змея власти, – жги, жаль, пей мою кровь, пей свет моих очей! Но эту багряницу ты унеси – она красная, на ней кровь. Кровь, кровь красит царские багряницы.

Нисса. Сильный в бранях – царь. Не убьет – не наденет венца. Так искони повелось, царица, и в далеких веках не будет иначе.

Лаодамия (сбрасывает багряный хитон). Не хочу крови. Унеси багряницу. Надену шерстяной хитон.

Нисса. Тело такое нежное, кожа такая тонкая, – неужели эту наденешь грубую одежду, царица?

Лаодамия. Мой милый терпит труды и усталость, – пусть они падут и на мои плечи. И унеси эти сандалии.

Наклоняясь, снимает сандалии.

Нисса. Хоть их оставь себе, госпожа.

Лаодамия. Нет, брось, брось их в огонь. Не пойду на пути веселия, пока не вернется из страны далекой мой милый. С далекого востока привезет мне Протесилай царские одежды и богато вышитые башмаки. А ныне обнаженными приникну к земле стопами да услышу под ногами содрогание земли от далекого грохота колесниц.

Нисса (надевая на Лаодамию шерстяной хитон). Хорошо, царица, исполню, что хочешь. Вы, могучие и свободные, в знак скорби можете принять и рабский облик, – только бы одно осталось знаменование власти, в диадеме золотой или хотя в мгновенных молниях потупленного взора. А нам, несущим легкий удел рабства, чем бы ознаменовать свою скорбь? Или и самое тело испепелить на костре?

Лаодамия. Взшла бы я на костер, пеплом сбросила бы тяготеющую землю моего тела. Легкою, очищенной в пламени тенью скользнула бы к моему милому, обняла бы его, приникла бы к нему.

Нисса. Говорят, что македонские старухи-колдуньи умеют делать такие страшные дела.

Лаодамия. Как пламенны поцелуи моего милого! Как пламенны и сладки! Как нежны его ласки! О, пусть бы иным героям оставила судьба битвы и славу, а моему Протесилаю – только любовь.

Нисса. Как не пожалеешь тебя, милая госпожа! Только одну ночь была ты в его объятьях. Едва минула сладкая брачная ночь, уже покинул тебя царь Протесилай, – спешил, чтобы не из последних быть ему на поле битвы.

Лаодамия. Стыдно мне, Нисса, но скажу тебе – раньше свадьбы, не свершив жертвоприношений, приходила я к моему милому, в его неоконченный дом, тайно ускоряя мое счастье, потому что я ревновала Протесилая к сладкоречивому отроку Лисиппу, который изваял из воска так много дивных статуй.

Нисса. Не тужи об этом, милая царица, – пусть гнев Геры ты навлекла на себя, но зато заслужила ты милость Афродиты, и Афродита утешит тебя в печалях и защитит тебя от мстительной богини.

Лаодамия. Боюсь, что и Афродита не сжалится надо мною. Гневаются на нас обе великие немилосердные богини – раньше брачного обряда познала я, самовольная, сладкое счастье любви и прогневала этим Геру, а небесная Афродита гневается на Протесилая за его бывшее влечение к черноокому, прекрасному другу его Лисиппу. Увы мне, жене одноночной, мгновенной, оставленной, неутешной!

Нисса. Госпожа, говорят в филAKE, что Лисипп вылепил из воска статую царя Протесилая. Дивно похож царь, точно живой. Говорят, что даже смотреть страшно. Не повелишь ли мне, госпожа, сказать Лисиппу, чтобы показал он тебе эту статую? Может быть, он и продаст ее тебе. Ты бы утешилась, глядя на изображение милого.

Лаодамия долго молчит.

Нисса. Прости, милая царица.

Лаодамия. Благодарю тебя, Нисса. Да, сходи к Лисиппу, скажи, что царица хочет увидеть его. Пусть придет ко мне Лисипп перед закатом докучного дневного светила.

К царице Лаодамии приходят ее подруги, жены филакских вельмож. Нисса уходит.

Подруги. Здравствуй, милая царица, госпожа Лаодамия. Мы встали рано утром, оделись поспешно, сошлись у водоема, над которым сидя, весело смеется изваянный юным Лисиппом молодой сатир, и пришли к тебе с благоуханными цветами, – видишь, еще вьется над этою розою золотая пчела и жужжит, – пришли с утешными речами, с веселыми песнями.

Лаодамия. Привет вам, дорогие подруги! Сколько цветов принесли вы для меня, неутешной!

Подруги. Но что же? Бедная одежда на тебе, и только диадема, высокий знак власти, на смоляно-черных кудрях твоих, Лаодамия. Или слишком рано мы пришли и помешали тебе облечься в одежды, приличные царице?

Лаодамия. Я рада, что вы пришли ко мне, мои милые подруги. Обнимите меня, поцелуйте меня.

Подруги (целуя Лаодамию). Отчего же ты так печальна, так уныло смотришь и так тихо говоришь? Где твоя багряница, шитая золотом, и твои богато изукрашенные сандалии? Зачем эта смиренная одежда? Царице ли носить ее хотя и во дни скорби и печали?

Лаодамия. Мой милый далеко, мой Протесилай.

Подруги. Не печалься, милая царица, не тужи, не затмевай ясного взора частыми слезами, не стесняй высокой груди глубокими вздохами. Минует тяжкое время разлуки с возлюбленным твоим супругом, вернется он, прославленный и светлый, ты радостно обнимешь героя, а мы будем громко и весело славить его и тебя и говорить: «Вот Лаодамия, царица наша, жена царя Протесилая, покрывшего себя великою славою в войне с троянцами».

Лаодамия. Милые мои подруги, благодарю вас за ваши утешные слова, – прямо от сердца идут они. Но не знаю, сможете ли вы, милые, утешить меня. А жажду я утешения. Мы, бедные женщины, как дети, – нас бы утешали да ласкали. Но кто и как меня утешит? Какой страшный сон приснился мне нынче ночью!

Подруги. Расскажи нам, милая Лаодамия, расскажи твой сон. Мы любим слушать рассказы о снах и разгадывать любим, к добру они или к худу.

Лаодамия. Слушайте, милые, я расскажу вам сон мой, – но что разгадывать его? Увы, ясен его страшный смысл!

Подруги. Старые люди говорят, что и прозрачные воды бывают глубоки.

Лаодамия. Нынче ночью видела я во сне моего Протесилая. Темны были очи его, и лицо его было покрыто мглою. Увы мне! Оставил он меня, неутешную.

Плачет. Подруги обступили ее и ласкают.

Подруги. Лаодамия, не плачь, милая, – доскажи нам твой сон. Что же сказал тебе царь Протесилай?

Лаодамия. Видела я, что пришел ко мне мой Протесилай в окровавленной и изорванной одежде. «Прости, Лаодамия, – сказал он мне, – неумолимая увлекает меня в царство Аида. Оскорбленная мною некогда Афродита, – говорил мне Протесилай, – направила вражье копье в мою грудь и предала меня в руки неумолимой». Так говорил мне мой Протесилай, несносною терзая скорбию мое бедное сердце.

Подруги. А ты, милая царица, что ты ответила ему?

Лаодамия. Обливаясь горькими слезами, я сказала: «О Протесилай, мы будем вместе, всегда вместе, – сказала я, – повсюду за тобою, за тобою, Протесилай, и в самый ад, – так сказала я, – последует твоя Лаодамия». И я поспешно подошла к нему, чтобы обнять его, – но уже его не было, и только милый голос его прозвучал издалека: «Прости, Лаодамия», – услышала я и проснулась, обливаясь горячими слезами. Золотые пчелы жужжали за моим окном, жужжали, и золотые стрелы светлокудрого Феба упали на мое плечо, и пчелы темные, злые жалили мое сердце, и ныло от боли мое сердце – соты горького меда, – и я плакала, плакала неутешно.

Подруги. Теперь-то не плачь, милая, – а то и мы, глядя на тебя, заплачем, еще ничего не зная, – и как мы тогда тебя утешим? А может быть, еще и не о чем плакать. Может быть, мелкими и злыми демонами недостроенного дома внушен тебе этот сон. Бывают же, говорят старые люди, такие сны, которые и не могут сбыться, – только опечалить, только смутить человека хотят враждебные демоны, но не имеют силы исполнить свои темные угрозы.

Лаодамия. Ах, милые! Я слышала голос моего Протесилая. Мне ли не узнать его? Он сам приходил ко мне, он прощался со мною. Зачем он прощался? Когда тело его неподвижно лежало на сыром песке, зачем он приходил ко мне легкою тенью, ночным призраком? Зачем сказал мне: «Прости, Лаодамия»? Может быть, его... может быть, он забыл меня для другой, которая понравилась ему больше?

Подруги. О милая Лаодамия, как может молодой муж так скоро забыть свою жену, с которою он провел только одну ночь.

Лаодамия. Одну ночь! Увы!

Подруги. И на кого он тебя променяет? Ты прекрасна, как обитательница светлого Олимпа, и хорошо, что Парис миновал Филаку.

Лаодамия. Там, на далеком востоке, цветут, может быть, розы пышнее и благоуханнее наших. Пышно одетые красавицы, в диамантовых диадемах, в жемчужных ожерельях, в золотых запястьях, обольстят его лукавыми своими улыбками, призывными своими речами, варварскою пышностью своих смуглых тел. Забыл он меня, забыл меня, оставленную здесь, и сам наслаждается любовью в краю далеком и отрадном. Злые разлучницы! Их ласки бесстыдны, их глаза обманчиво-нежны. Из-за блудницы оставили воины родной край, за беглою женою устремились, – и чужие прелестницы обольстят их.

Подруги. Не думай так, милая Лаодамия, – не забудет тебя Протесилай для заморской красавицы. Варварские лица не любы элину, варварский обычай противен ему.

Лаодамия. Ах, милые, говорю, – и сама не верю. Мой Протесилай меня не забудет, мне не изменит. А может быть, она, вещунья сладкая, по ночам таинственно ворожащая под луною, увела его на свой темный луг, зачертила его в свой волшебный круг, опоила его полуночным зелием, обольстила его чародейным веселием... Увы мне, жене оставленной, неутешной!

Подруги. Утешься, милая наша царица, – сама придумываешь ты для себя скорби, которых нет, сама напрасною мукою терзаешь свое сердце.

Лаодамия. И зачем, из-за чего пошли они в такой далекий и трудный путь! Блудницу прославить и увенчать, призрак воплотить, медом жизни напоить беглую тень, – о безумные!

Подруги. Высокому безумию – слава.

Лаодамия. Зачем, зачем слава, омытая в крови? Мне нужна любовь.

С шумом и плачем в чертог быстро входят жены, девы, дети, старцы, вельможи и народ, и с ними Нисса.

Жены и девы. Царица Лаодамия! Вестник, посланный вождями нашего войска, пришел и принес тебе, царица, и городу вести. Одежда его в пыли, истомлен великою он усталостью, и нерадостен его мутный взор. Боимся, что многие печали возвестит он тебе, царица, и нам.

Лаодамия. Протесилая моего убили! Чуюло мое сердце!

Вестник (входит и обращается к царице). Царица Лаодамия, тебе и городу возвестить великую скорбь послан я ныне вождями.

Лаодамия. Протесилая моего убили!

Вестник. Царица, ты знаешь, что долго стояли мы в Авлиде, и ветра не было. И знаешь ты про смерть Ифигении, и про то, как мы покинули Авлиду. Путь был труден, и велики раздоры среди вождей, и море бурно. Но все корабли пришли к троянским берегам. Тогда мы вспомнили слова вещателя.

Лаодамия. Несносный вестник, не томи меня долгим рассказом. Протесилай мой – что с ним? Скажи мне, что он жив.

Вестник. Царица, дело вестника – рассказать по порядку все, что ему велели передать вожди, и все, что он сам видел.

Лаодамия. Ни слова не дам сказать тебе ранее, чем возвестишь мне, жив ли Протесилай.

Вестник. Узнай же, царица, – царь Протесилай убит. Первый вышел он из корабля на берег вражеской земли, и сбылось предвещание – царь Протесилай первый пал, пораженный копьем дарданца.

Жены и Девы. О горе, великое горе! Бедная Лаодамия, плачь, плачь, подыми вопль до неба, – воплями и воздыханиями утоми черное горе, утешь своими слезами мстительных богинь.

Лаодамия. Первый пал! Так, злая, торопилась ты умертвить моего милого, с неумолимую поспешностью нанесла ты мне удар. Иди, злой вестник, я не хочу ни видеть, ни слышать тебя. Иди, иди – говори другим о битве, о геройстве, о доблестях павших и о славе победивших, – мой Протесилай убит.

Вестник. Царица, царь Протесилай убит, но войско наше подошло к стенам Трои.

Лаодамия. Вестник и народ, – идите отсюда на городскую площадь, – ты, вестник, говори народу все, что надлежит, все, что ты знаешь, а я останусь одна с моим горем.

Подруги. О бедная царица! Какую горькую долю дал тебе немилосердный рок! Мы узнаем от вестника о наших мужьях и сыновьях и потом придем к тебе утешать тебя или плакать вместе с тобою.

Вестник, жены и народ уходят.

Нисса. А меня, госпожа, не гони, – мне слушать не о ком, – посижу над тобою, распростертою на ложе, вая над тобою опахалом.

Лаодамия. О, горе мне! Не самая ли я несчастная из жен? Едва обняла мужа, – и нет его, – мстительные, злые, чуждые человеку силы умертвили радость мою. О злая семья верховных!

Нисса. Боги требуют покорности от людей, как господа от рабов.

Лаодамия. Обольстила его призрачная, призраком манила моего Протесилая, в царство теней легким призраком заманила его. Так поспешно, так страстно сорвали мы нежный цвет – между ласками отрока и ударом дарданца насладились мы его мгновенным благоуханием, – и где же ты, счастье наше? Увы мне, жене покинутой, неутешной! Вы, неправедные боги! Или и вовсе недоступны чертоги ваши? О, трепещите, – проклятия горячим пеплом упадут на головы ваши! Восстанет из земного праха муж, который ответит стрелой на стрелу, ударом на удар.

Нисса. Ударом на удар!

Стало темно, и неясными являются очертания предметов. Сонною мглою окутывается ложе Лаодамии. Нисса тихо отходит, и Лаодамия медленно исчезает во мгле.

Афродита в образе старухи – повторяя лицом и одеждою аспект рабыни Ниссы – является и говорит Лисиппу, остановившемуся снаружи, за дверью:

Афродита. Сюда иди, за мною, Лисипп, – зачем ты колеблешься на пороге? Уже обещал ты мне, что отдашь эту статую бедной Лаодамии. Не жалею дивно изваянного воска – Лаодамию пожалей, утешь ее дивным даром.

Входит Лисипп. Он несет завернутую в полотно статую, держа ее поперек тела. Афродита поддерживает. Ставят закутанного идола у порога.

Лисипп. Хитрая старуха, куда ты меня привела? И донныне я не пойму, зачем ты хочешь, чтобы я отдал Лаодамии статую друга моего Протесилая. Для себя лепил я из воска образ моего милого, – нежную памятью воссоздал я дорогие черты. Ей ли, жадной до счастья, очаровавшей друга моего, отдам я то, что великою радостью, растворенною в печали, волновало мое сердце!

Афродита. Милый отрок, уже кончен спор наш. Лаодамии, Лаодамии дивный дар мудрых пчел, – я так хочу.

Лисипп. Жалостью отравила ты мое сердце, печаль мою о друге моем растворила ты в сожалении к жене Протесилая. Кто же ты, коварная?

Афродита. Я – неустанно зовущая.

Светел становится облик дивной богини – и под старческими чертами сквозит величие небесной красоты. И Лисипп, трепеща от внезапного восторга, склоняется к стопам богини.

Лисипп. Узнаю, узнаю тебя, великая богиня! Хотя ты и обличие старой рабыни приняла, но узнаю тебя, дивная, из морской пены рожденная Афродита, небесная очаровательница.

Афродита. Чуждый мне облик я приняла, – но ты, милый отрок, исполнил мою волю, хотя и рабынею тебе возвещенную.

Лисипп. Хвалят меня за мои изваяния и в Филаке, и далече окрест – но еще ни разу не удавалось мне вылепить такой прекрасной статуи, как эта, и так искусно ее раскрасить. Окончил я утешный мой труд – и сам ужаснулся сходству ее с моим милым Протесилаем. И ныне понял я, дивная очаровательница, – твое в этом чародейство.

Афродита. Так, милый отрок, – человек творит, но только боги чаруют.

Лисипп. Говорят в Филаке, что твоим гневом поражен царь.

Афродита. Первые брачные ласки, святые объятия, он прервал, – и навлек на себя мой гнев.

Лисипп. А ныне, богиня, что же ты замыслила? Уже умер царь, – или и царицу новую казнь ты хочешь поразить чарами этого дивного изображения?

Афродита. Не мщение и не награду замыслила я. Мы, боги, иные знаем вожделения, недоступные смертным, и высокие ставим себе цели, выше человека, выше бога, в ту область, где царит верховная Ананке-Айса. Воздвигну умершего, над смертью вознесу чары мои, обаянием моим расторгну плен Протесилая и власть незримого бога.

Лисипп. Он, друг мой, великою упоенный любовью, ныне покоится во владениях тихого Загряя.

Афродита. Расторгну, расторгну я узы смерти. Мною движутся миры.

Лисипп. Богиня, говорят старцы, что миры не ты движешь, великая движет их мать Мойр, державная Ананке.

Афродита. Смешно, когда отроки судят и рядят о богах. Я – любовь, я – роковая, я – Афродита-Мойра. Безрадостно и пустынно томился древний Хаос, и не было ничего в мире явлений, и вечные тосковали матери в довременной своей могиле, скованные

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
ледяным сном. Но в холодном сердце Хаоса, которому дают мудрецы имя Логоса, возникла Я. И, умирая, умер бессильный, истлела безумно-искаженная личина, и проснулись вечные, и зажглись неисчислимы молнии изволений и устремлении. И все, что было в творчестве божеском и человеческом, все из Моего изникло святого лона, все мною рождено, все во Мне только дышит, все устремляется Мною и ко Мне. Только Я, только Я, – люби Меня, милый юноша, – в каждом земном прельщении открывай Мои черты, в каждом очаровании сладостной жизни узнавай Мой зов. Люби Меня.

Лаодамия выходит из мрака, объявшею ее ложе, и тихим голосом говорит.

Лаодамия. Ты пришел, Лисипп? Я ждала тебя. Нисса, уйди.

Афродита опять принимает образ старухи. Что-то бормочет и уходит.

Лаодамия. Лисипп, говорят в Филаке, что ты и мертвые черты делаешь живыми, чародей ты, милый ваятель! О, если бы ты взял меня, как воск, как мягкий воск, и из воска, из мягкого воска изваял бы иную!

Лисипп. Царица, – тебе невольный дар принес я ныне. Для себя лепил я статую, – но дивная, движущая мирами, повелела мне отдать ее тебе.

Снимает покров со статуи – и видно изображение Протесилая, дивно изваянное из воска и раскрашенное искусно. Лаодамия молча смотрит. Заплакала.

Лисипп. Лаодамия, ты плачешь?

Лаодамия. Как страшно! Точно живой.

Лисипп. Страшно! Как странно!

Лаодамия. Если он так похож, – о Лисипп, что же он не молвит слова? А если он заговорит?

Лисипп. Оставляю тебе твоего Протесилая, а сам уйду. Утешься, царица, смотри на милые черты.

Лисипп уходит.

Лаодамия. Увы, слабые руки человека, бессильное искусство земного творца! Этот воск – милый дар, так страшно похожий на моего Протесилая. Но у моего Протесилая сладкая речь, – ты, милый кумир, молчишь. У моего Протесилая пламенный взор, а ты, милый кумир, глядишь и не видишь. Не видишь, не слышишь. А может быть! О безумная надежда! Умолить, умолить незримого бога ты, милый кумир, помоги мне. Или я безумна? Или благим ко мне демоном внушена мне надежда, и неложные чары в тебе, о милый дар мудрых пчел?

Входит Афродита в образе старухи. Лаодамия принимает ее за Ниссу.

Лаодамия. Подойди ко мне, посмотри на этот милый кумир.

Афродита. Это – Протесилай.

Лаодамия. Из воска вылепил его Лисипп. Смотри, как искусно он вылепил этот милый кумир.

Афродита. Для всех – воск, для тебя – утешительный дар, твой Протесилай. Долгие ночи он будет твой. И насладишься, насладишься ласками и негой. Долгие ночи он будет в твоих объятиях, как живой, и как живого ты будешь ласкать его.

Лаодамия. Воск растает.

Афродита. И с воском, в блаженном восторге забвения, истает твое тело, и непорочная Психея придет в объятия Небесного Жениха.

Лаодамия. В мире мертвых, в царстве Аида Протесилай.

Афродита. В царстве Аида только тень Протесилая, – а он, светлокудрый, правит

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
путь в небесах, и светлые навстречу ему, и Ты.

Лаодамия. Утешительна, утешительна твоя сладкая речь. За Ниссу приняла я тебя, – но горьки тихие речи моей Ниссы, а твоя речь – Гиметский мед, и дар твой – милый воск, – а кто же ты?

Афродита. Мирами владеющая, первая из верховных Мойр, тебя, Лаодамия, обрекла я на великий восторг любви, побеждающей Смерть. Сожгу тебя, сожгу в блаженном пламени страдания и Любви.

Лаодамия. Вся душа моя в этом воске. И душа моя – твоя, Протесилай.

Сцена закрывается занавесом ночного мрака.

Действие третье

Сад перед чертогом Лаодамии. Вечереет. Входит Акаст. Останавливается у порога.

Акаст. Приди ко мне, Лаодамия, послушай утешные мои слова.

Выходит Лаодамия, в одежде печальной и бедной, босая. Лицо ее бледно, она истомлена горем и страстью, на губах ее странная улыбка, и глаза ее смотрят, словно не видят предметов.

Акаст. Милая дочь моя, Лаодамия, да будет краткою твоя скорбь. Настало время тебе утешиться, а мне опять на тебя радоваться. Вот, пришел я возвестить тебе великую радость.

Лаодамия. Нет уже для меня радости на земле. Кроважидный Оместес пожрал мою радость, похитил для своей забавы свет моих очей. Нет мне радости на земле, доколе не вернет мне Аид моего Протесилая. Но неумолимы, неумолимы подземные великие боги, и всякое божество навеки враждебно самовольной радости человека, дерзко взятому им счастью. Не радоваться нам, доколе царит над миром жестокая верховная семья.

Акаст. Не говори о божестве слов нечестивых. Каждый день Гелиос восходит в торжественный, высокий путь, – каждый день расточает он земле нашей новые радости. Нового мужа нашел я для тебя, моя красавица.

Лаодамия. Зачем?

Акаст. Разве ты сама не понимаешь, что надлежит нам смирить гнев оскорбленной тобою Геры?

Лаодамия. Не скалится, жестокая. И от нее мне ничего не надо. Не ее стану я молить, склоняясь к ногам милого моего кумира.

Акаст. Детей у тебя нет, недостроен стоит дом Протесилая, ничто не связывает тебя с памятью царя-героя. Протагору отдам я тебя в жены.

Лаодамия. Отец, зачем ты это замыслил?

Акаст. Почтенный Протагор, муж опытный и разумный, достроит дом Протесилая и будет царем в Филаке, потому что угоден он богам, старейшинам и народу.

Лаодамия. Меня бы спросили!

Акаст. Завтра быть свадьбе. Такова моя воля, – а ты, милая моя дочь, должна хорошо знать свойство моей воли – ей надо покориться, хочешь или не хочешь.

Лаодамия. Знаю я, отец, непреклонность твоей воли. А ты знаешь ли силу моей любви? Любовь моя сильнее всякой земной силы. Не буду женой Протагора, ничьею женою не могу быть, не хочу быть ничьею женою.

Акаст. Удивляюсь, Лаодамия, твоему упрямству. Впрочем, женщины и все таковы. Они хотят, чтобы их долго уговаривали и потом повлекли силою. И тогда они сами довольны. Скажи мне, почему ты не хочешь быть женою Протагора?

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Лаодамия. Люблю Протесилая, Протесилая моего.

Акаст. Нет в мире живых твоего Протесилая.

Лаодамия. Люблю Протесилая.

Акаст. Безумная! Пойми, что его нет.

Лаодамия. Нет? Кто это знает! Есть, нет, – не все ли равно! Я хочу.

Акаст. Вижу, что не переспорить мне тебя. Уйду, а ты готовься к свадьбе. Не пойдешь сама, повлекут силою.

Лаодамия. Подожди, отец. Злое ты замыслил. Как мне уговорить тебя? Да и не надо. Пусть свершится воля твоя. Моя воля – только моя воля. Или ты думаешь, что моя воля – ничто? Но пусть... Дай мне только три дня – свершить таинственные обряды и последние очистительные принести жертвы, да умилюсь темного Загря.

Акаст. Три дня, так и быть, еще помедлю. А потом быть свадьбе. Уже агора шумными голосами множества приветствовала возвещенное ей мною избрание твое, и на вопрос старейшин: «Быть ли царем второму супругу царицы Лаодамии, почтенному Протагору?» возгласила громоподобным криком: «Да».

Лаодамия (грустно улыбаясь). Боги отняли моего милого, люди ведут ко мне другого, – а я? Аида и Персефону сладкими умолю мольбами, непреодолимую силою небесной очаровательницы. И восстанет мой милый.

Уходит. Жены филакских вельмож, подруги Лаодамии, в праздничных нарядах, радостно шумною толпою пришли и говорят Акасту.

Подруги. Радуйся, милый царь Акаст. Твоя дочь, наша возлюбленная царица, после краткой скорби вдовства снова вкусит удел брачного счастья. Долго плакала бедная Лаодамия, целые дни ее тяжкие стоны и пронзительные вопли томили нас великою печалью, и многие проливали мы слезы, глядя, как тоскует царица. И только с приближением ночи милая Лаодамия затихала, и улыбалась сквозь слезы, и утешительного ждала сна – словно милого ее супруга, – а наутро опять вставала бледная и усталая, точно сон и не смыкал ее очей, и снова рыдала неутешно. Но ты подумал о том, чтобы Лаодамию утешить да и нам дать царя, – и скоро мы на светлом возликуем празднике. Надлежит почтить печалью умерших, – но не любят светлые боги долгих рыданий. Сладки утехи брачных ночей, – и угодны они олимпийским богиням.

Акаст. Красно говорите вы, милые, а вот мне с моею глупою горе: не радуется ее весть о свадьбе, плачет, не осушая глаз, не хочет утешиться. Боюсь, что силою придется влечь ее к алтарю. Уж вы побеседуйте с нею. Уговорите вы ее, неразумную.

Подруги. Ты не печалься ни о чем, благородный Акаст, – мы скажем ей все, какие знаем, утешные слова. Нельзя же ей не поплакать о первом ее милом. И второй муж за это еще крепче ее полюбит – скажет: привязчива. Скажет: так-то и по мне будет Лаодамия тосковать, если я раньше ее умру.

Акаст уходит. Одна из подруг подходит к двери. Зовет.

Подруга. Милая Лаодамия, выйди к нам, побеседуй с нами. Оставь темный и скучный терем.

Лаодамия. Грустно мне.

Подруги. Идет.

Стали безмолвно и с любопытством смотрят на дверь. И выходит к ним Лаодамия, в одежде печальной и бедной, босая, склоняя туманные взоры, не глядя на милых подруг. Они расступаются, и она тихо входит в их нарядно-пестрый круг. Слушает их речи. Молчит. И утешают ее подруги. Говорят ей ласково.

Подруги. Не плачь, милая Лаодамия, не плачь. Довольно плакать. Уже не одну глубокую наполнил чашу Собирающий слезы, уже немало оросил он ими цветников на

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
туманных полях во владениях Аида. Не вернешь рыданиями и воплями почившего героя, – только сердце томишь, только свет от очей твоих черных слезами застишь, – милые щеки горькою влагою мочишь.

Лаодамия. Как не плакать мне о моем Протесилае!

Подруги. Вечною венчанной славою, он умер смертью героя. В далеких веках не изгладится из памяти потомков его славное имя. Тебе ли о нем печалиться.

Лаодамия. Пустая слава, призрак жизни, сказка, сладкая для буйных мальчишек, любящих драку, – что мне в ней?

Подруги. Не услышит твоих стонов Протесилай. А если и перенесет какой-нибудь шаловливый неведомый маленький бог через Летийские волны твои свирельные вздохи, улыбнется им Протесилай, обитающий ныне в царстве успокоенных теней и свершенных деяний.

Лаодамия. О, если бы он услышал!

Подруги. Подумай, Лаодамия, какое счастье посылают боги тебе взамен утраченного. Новый муж утешит тебя, неутешную, – по тебе он станет у нас царем, – какая тебе честь будет от царя и от народа!

Лаодамия (улыбаясь). Милые подруги, воистину мудры ваши речи, сладостны ваши утешения, и советов ваших нельзя отвергнуть. Так, милые, забуду всю скорбь мою, сброшу все, что было моим, стану совсем иною. И уже не будет, не будет стонущей о герое Протесилае Лаодамии, будет царица, правящая домом и хозяйством благоразумного Протагора.

Подруги. Благо решение твое, милая царица, и слова твои радуют нас. И если ты сама так решила, то уже близка свадьба. Сними же траур, надень наряд приличный.

Лаодамия. А ныне жду ночи. О, как нетерпеливо жду ночи! И когда настанет она – хочу очиститься от погребальных воздыханий обрядом таинственным и утешным. Восторга хочу, уносящего душу.

Подруги. И мы будем с тобою, милая царица, и сделаем все, чего ты захочешь.

Темнеет. Становится прохладно.

Лаодамия. Ты, ночь, слаще дня и радостнее. Когда приходит с тобою чарующая, та, которой боятся глупые дети, та, имени которой не назову – и, может быть, не знаю, – уже давно заснули шумные пчелы, и на горней дороге улеглась наконец последняя мерцающая пыль, яркими брызгами взлетающая из-под копыт дивных коней, из-под колес быстро бегущей колесницы, на которой мчался он, златокудрий, далеко разящий и смеющийся бог.

Небо синеет. Зажигаются звезды.

Лаодамия. И такая утешительная пришла она, блуждающая около распутий, – тихая? безмолвная? да? нет? Тихая, тихая прильнула, смеется и сбросила легкотканую одежду, и мчится в чародейной пляске, и буйным воплем будит ожидающих ночного восторга. Уходит в дом. За нею идут подруги. Входящие в чертог одна за другою, однообразным и привычным движением, опираясь одною рукою о притолку двери, снимают другою рукою сандали. Несколько женщин замедлили на пороге. Беседуют меж собою. Засмотрелись в двери, сблизились, положили руки на плечи подруг.

Одна. Что там делает Лаодамия?

Другая. Тяжелый занавес полуоткрыт, и за ним видна крытая зеленью беседка.

Третья. Восковой в ней стоит кумир, венчанной плушем.

Четвертая. Этот восковой кумир, очертания лица которого нам смутно видны из-под осенения плуша, скажи, кто он? Не Диониса ли он изображает?

Снимают сандали, входят в чертог. В саду одна Нисса. В чертоге зажигаются огни. Слышно пение, шум пляски, звуки флейты, кифары, кимвалов, бубна. Дали темнеют и

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
туманятся. Ночная мгла медленно надвигается.

Лаодамия (в доме).

(Строфа I)

Ночь за ночью пролетала.
Много было их иль мало, –
Бога, друга я искала,
Я нашла, и обнимала
Милый воск высоких плеч.
И от сладостных лобзаний,
От ночных очарований
Я ль должна мечты отвлечь?
Хор подруг.

(Антистрофа I)

Оры быстро пролетают,
Тени меркнут, тени тают,
Взоры странные сверкают, –
Боги тайное свершают, –
И таинственную речь
Я в смущеньи услышала.
С кем царица почивала?
С кем опять должна возлечь?

(Строфа II)

Гостя ждет царица ваша,
Ждет она.
Вот наполненная чаша
Сладкопенного вина.
Встречу радостным желаньям
Пред царицей станет он,
С ней полночным заклинаньем
Обручен.

(Антистрофа II)

Гость ночной тихонько станет
На порог.
Он на плачущую глянет.
Кто же он? герой иль бог?
Или силою заклатья
Воск недвижим оживет
И в царицыны объятья
Упадет?

Нисса. Для госпожи моей флейты играют, кимвалы гудят, тайно венчается она с
восставшим Загреем.

Из ночного тумана выходят, справа и слева, Ночные Колдуньи, в светло-серых
одеждах, босые. В саду сплетаются в хоровод, поют и пляшут, сначала медленно,
потом ускоряя темп.

Ночные Колдуньи.

На перекрестках мы ворожим.
Там стелется туман, как дым.
Все зыблемо, и все нам явлено,
Что дивною навек предуставлено.
Мы знаем и не знаем, что явит день, –
Мы гадаем и видим только тень.
Но когда восходит ворожащая,
В туманную полночь не спящая,
Мы радостно мчимся вокруг темных могил, –
Мы знаем восторг неведомых сил.
Некоторые из подруг выходят в сад; Ночные Колдуньи разбивают свой круг; то
входят в чертог, то выходят из него; смешиваются с подругами, поют и пляшут
вместе.

Хор подруг и Ночных Колдуний.

(Строфа III)

Сходят мертвые к Аиду.
Их приемлет Персефона.
В полночь на распутье выду,
Кличу, кличу: «Персефона!
Ты, царица с темным ликом,
Плачешь, сердце к нам склоняя.
Мы, ночные,
Молим в таинстве великом:
„Дай Лаодамии,
Дай Протесилая“».

(Антистрофа III)
Невозвратно то, что было, –
Но печальна Персефона.
Я над воском ворожила,
Тихо клича: «Персефона!
Ты, предел земных желаний,
Плачешь, сердцем холодея.
Мы, ночные,
Молим в час очарований:
„Дай Лаодамии
Обнимать Загрея“».

Нисса. Пламенные очи менад, их пляска и пение восторгом, восторгом напоили
госпожу. Что же я одна стою? Пойду вмешаюсь в безумный круг, – о, если бы
умереть в легком и свободном беге!

Нисса входит в чертог.

Хор в чертоге.

(Строфа IV)
Сам сковал Загрей
Чары адского порога.
Но сковать ли бога?
Сам расторгший чары
У дверей.
Звон кифары
Славит бога, –
Дионис – Загрей!
Хор в саду.

(Антистрофа IV)
Дионис воскрес!
Вот стоит он у порога.
Слышим голос бога.
Пар восходит тонкий
До небес.
Песней звонкой
Славим бога, –
Дионис воскрес!
Пляшущие жены шумною толпою выбегают в сад. Между ними Лаодамия. Образуют
хоровод, сплетаясь в широкий круг.

Хор.

(Строфа V)
Круг свивайте, развивайте,
Становитесь, сестры, в круг,
Заплетайте, заплетайте
Круг прекрасных рук!
Умер кто-то или ожил,
Засиял или померк,
Ликованья ли умножил,
Воплем сердце ль растревожил,
Утешенья ли отверг, –
Надо всем колеблют боги
Песню бурную отрад,
Окрыляя пляской ноги
С воплем мчащихся менад.

Хоровод разрывается в двух местах; пляшущие движутся двумя змееобразными лентами, от которых сначала одна обегает вокруг чертога, потом другая скрывается в туманном поле и опять выбегает.

(Антистрофа V)

Торжествующий над страхом,
Одоловший ярость мук,
О, пускай внезапным взмахом
Разорвется круг!
Мир дневной в восторге тонет,
Зачарован твой чертог, –
Тени злые милый гонит,
Он придет и взоры склонит,
Тихо ступит на порог.
Тихий, кроткий, но мятежный,
Победивший смерть и ад,
Усладит он песней нежной
Вопли буйные менад.
Хоровод сплетается в один быстро мчащийся круг.

(Эпод)

Руки легкие сплетайте,
Сестры милые, вставайте
В тесный круг, –
Быстро, быстро мчатся ноги,
С нами демоны и боги.
Сестры, сестры! Не разнимайте
Тесно сжатых рук.
Ночные Колдуньи образуют внешний хоровод. Поют протяжно, и под их пение замедляется пляска замкнутых в их кругу подруг.

Хор Ночных Колдуний.

Мы ворожили
Над могилой
Диониса.
Мы собирали
Злые зелья.
Мы вызывали
Из вечных мраков,
Мы вызывали
И дожидались
Гостей загробных,
И зыбким смехом
Смеялись
Вместе с ними.
Медленно движутся оба круга, внешний и внутренний. Слышен печальный напев. Ночь все темнее.

Хор.

(Строфа VI)

Плачьте, жены!
Плачьте, девы!
Мы увидели могилу
Диониса.
Гибель бога возвестили
Нам ночные голоса.
Соком жизни наливались
Травы,
Соком жизни стали полны
Жилы зверя.
Ядом жизни дышит ветер,
Ядом жизни напитались
Стрелы Змия золотого, –
Только он, источник жизни,
Пестро оцветивший поле,
Напоивший зверя,

Взволновавший море,
Отравивший стрелы,
Только он в сырой могиле.
Сам своим упившись ядом,
Мертвый спит.

Свет из чертога все ярче, а ночь все темнее. Вдруг помчались в буйной пляске. Одежды зыблются, обнажая плечи и ноги и почти спадая с иных. Бубен громок. Пение звучит дивным восторгом. К концу антистрофы круг разрывается. В руках пляшущих появляются сорванные с деревьев ветки.

Хор подруг.

(Антистрофа VI)

Смейтесь, жены!

Смейтесь, девы!

Мы увидели восстанье

Диониса.

Радость, радость возвестили

Нам ночные голоса.

Радость жизни напоила

Травы,

Мудрость жизни озарила

Человека,

Стал душою быстрый ветер,

Сладкий мед несут Гимету

Стрелы Феба золотого, –

Дионис, источник жизни,

Семенам дающий волю,

Возводящий зверя,

Укротивший море,

Мед и воск дающий, –

Он упился виноградным,

Веселящим, сладким соком

И поет.

Сад наполнен пляшущими женами, подругами Лаодамии, и чужими. Их неистовые движения разрывают ткани одежд. Мелькают все чаще обнаженные тела, смуглые или темные от загара; в полумраке все они кажутся белыми. Восходит луна. Свет ее часто закрыт тучами – то прояснеет, то опять совсем темно. Видны взмахи ветвей в руках жен.

Хор.

(Строфа VII)

Повинуясь лунным чарам,

Мы помчимся,

Закружимся,

И в безумстве бурно-яром,

Пламенеющее тело

Обнажая смело,

Предадим ударам.

Кличем, мчимся

И кружимся,

Повинуясь лунным чарам.

Все чаще и чаще взмахи рук, держащих ветви. Слышны удары веток о нагие тела, вскрики, визги и стоны внезапной боли.

(Антистрофа VII)

В час полночного раденья

Быстро мчимся

И кружимся,

И в восторге исступленья

Пламенеющее тело

Обнажаем смело,

Вольного мученья

Не боимся,

Мчимся, мчимся

В час полночного раденья.

Хоровод сближается тесно. Объятия и поцелуи перемежаются с неистовыми ударами

ветвей.

(Строфа VIII)

Руки смелые мелькают.
Боль внезапна и остра.
Поцелуи чьи-то тают.
Сладко, больно мне, сестра.
Стон и визг от острой боли,
Брызжет кровь, –
Не боюсь внезапной боли!
Все в моей безумной воле, –
Кровь, и слезы, и любовь.
Хоровод сливается на короткое время в широкий круг жен, которые мчатся одна за другую, ударяя одна другую ветвями. Все обнажены, кроме двух, которые отходят в сторону.

(Антистрофа VIII)

Звонки тонкие удары,
Визг менад и тонкий свист.
Боль, восторг, и кровь, и чары.
Круг мелькающий лучист.
Быстры ноги, быстры руки,
Брызжет кровь.
Вы быстрее мелькайте, руки!
Все мое: восторг и муки,
Пляска ночи и любовь.
К концу антистрофы хоровод разворачивается и мчится в туманное поле. Звуки пения и пляски постепенно удаляются. Две женщины, отделившиеся от пляшущих, заботливо оправляют одежды и говорят тихо.

Первая. Мне страшно. Не уйти ли?

Вторая. И я боюсь. Они обезумели.

Первая. Рвут на себе дорогие и нарядные одежды, – а в чем потом будут ходить на собрания? Купцы из Тира когда еще приедут, а наши рабыни такие ленивые и неискусные.

Вторая. Великая скорбь отуманила разум царицы. Жалко смотреть мне было на нее, как она пляшет, неистовая, с пламенными взорами, безумные выкрикивает слова, и последние куски одежды упадают с ее прекрасного тела.

Первая. Да, горюет, а сама хитрая – шерстяной надела хитон, да и то не свой, а рабыни своей Ниссы, – его и не жаль ей разорвать. А на подругах дорогие сидонские ткани. Такие глупые.

Слышно, что пляшущие приближаются. Пение и бубен ближе и громче, хотя слова еще невнятные.

Вторая. И боли не чувствуют, а уже кровь проступила на их телах.

Первая. Что тело! Была бы цела одежда, а пролить сколько-нибудь крови для очистительного обряда хорошо, – угодно богам и царице и полезно для здоровья. Но этого наряда мне жалко, я пойду домой.

Вторая. И я. А царица не обидится?

Первая. Ей не до нас. Да и без нас много. Какие-то чужие набежали, бесстыдные и неистовые. О нас и не вспомнят. Надо бы только поискать сандалии – они у меня совсем мало ношенные и очень красивые, – да где их найдешь в такой суматохе.

Вторая. Придем за ними завтра.

Уходят.

Хор в туманном поле.

(Строфа IX)

Смейтесь, пляшите.

Жив или умер,
Воскрес или спит
В области мрачной,
Где лета шумит,
Да или нет.
Возвестите,
Это – одно.

Луна за тучами. На сцене почти совсем темно. К концу пения строфы в сад вбегают пляшущие; во мраке слабо мерцают их нагие, смуглые тела.

(Антистрофа IX)

Смелые, смейте!
Днем или ночью,
Видит весь народ
Или только стены
Буйный хоровод, –
Честь или стыд,
Разумеете:
Так я хочу.

Черная ночь окутывает сцену. Голоса смолкают. Огни чертога тускнеют, исчезают. Глухой шум. Плеск воды.

Действие четвертое

Раскрывается царство Аида. Еще темнее, чем в первом действии. Боги и Тени Почивших слабо видны, и только по временам вспыхивают неживым огнем янтарные светочи адского свода. Аид почивает на престоле. Лицо его угрюмо и туманно, – и печален лик Персефоны.

Персефона. Передо мною предстоишь ты, милый герой, с печалью во взорах и с желанием в сердце. Увы! Никакое желание не властно открыть путь, проходимый только в одну сторону, – путь безвозвратный.

Протесилай. Великая богиня, прежде чем я начал говорить, ты уже знаешь, что я скажу. Докучна тебе речь моя, – но дай мне словами излить скорбь мою и тем облегчить мое сердце.

Персефона. Говори, милый герой, – если ты еще не забыл слова живой страсти, утешны будут они мне, неутешной.

Доносится сверху пронзительный вопль Лаодамии, сопровождаемый далекими отзвуками флейты и кимвал.

Лаодамия. Заклинаю воском, даром мудрых пчел, – вы, невидимые боги, дайте мне Протесилаю моего.

Протесилай. Я слышу призывный стон Лаодамии, – небесная Афродита сладким голосом кличет меня. Из земных пределов донесся ко мне призывный стон Лаодамии, и непреодолимая власть в нем, и он зовет меня.

Персефона. Зовет меня!

Протесилай. Не могу противиться этому зову, – в царстве свершенных деяний коснеть не могу. Я должен вернуться в мой недостроенный дом, – я должен, – никогда еще полуночные чары небесной очаровательницы не были так могущественны.

Опять доносится вопль Лаодамии, сопровождаемый слабым звоном кифары и короткими гулами бубна.

Лаодамия. Протесилая, Протесилая моего отдайте мне, подземные боги! Даром мудрых пчел заклинаю вашу свирепость, умоляю вас, подземные боги, отдайте мне Протесилая!

Персефона. Аид, отпусти Протесилая на землю. О себе никогда не молила и теперь не молю, – долг супруги, царицы и богини запрещает мне мольбы о недолжном, провидение, свойственное богам, заграждает мои уста для речей безумных. Но его отпусти.

Аид. Как хочешь ты, Персефона, чтобы я вернул ему жизнь? Великое колесо мира повернуть в обратную сторону я не хочу. И разве ты не знаешь, что минувшее неозвратно?

Свирельный вопль царицы Лаодамии явственнее слышен – к земле приникла она и вопит, – и жалобный звон кифары вторит ее воплю.

Лаодамия.

Один час – приветить,
Второй час – насладиться,
Третий час – расстаться,
И после плакать
И умереть.

Только три часа
дайте мне, неумолимые
Боги, –

Аид и Персефона.

Персефона. Не о невозвратном говорю, – верни его на землю хотя на краткие сроки, дай ему хотя недолгие радости соединения с милою.

Вопли тоскующей Лаодамии сопровождаются ударами бубна и короткими звонами.

Лаодамия.

(Строфа I)

О Персефона!

Ты знаешь, ты знаешь

Путь невозможный

Из-за Леты.

Ты знаешь, ты помнишь

Золотокудрого бога.

Ты знаешь, ты знаешь,

Чья сила

В тающем воске.

(Антистрофа I)

О Персефона!

Ты помнишь, ты хочешь

Тихой услады

Поцелуя.

Ты знаешь, ты помнишь

Смерть победившего бога.

Ты хочешь, ты хочешь

Веселья,

Сладкого меда.

Аид. Страшным призраком предстанет он живым, – холодом обвеет трепещущие от вожделения груди.

Персефона. Утешающий призрак! Если призраком утешено сердце, все же оно утешено. И холод, веющий от милого пришельца, – холод великого утешения.

Аид. У меня утешен холод, – моя темная область утешительна страдающему сердцу. Низведи к нам Лаодамию, – и утешены будут оба.

Лаодамия.

(Эпод)

Я пришлю тебе чашу

Сладкого меда

С моим Протесилаем.

Я смешаю

Вино и мед

В глубокой чаше

Из воска.

За вино, и за мед, и за восковую чашу

Дай мне, дай мне

Хоть на три часа Протесилая.

Персефона. Красота милого героя и скорбь его о разлуке с милою наполнили мое

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
сердце неизъяснимую жалостью.

Аид. Жалость? Подумай, кого ты жалеешь! Не тень ли, скользнувшую по стене!

Персефона. Тень!

Протесилай. Молю тебя, Аид, отпусти меня.

Подземные боги.

(Строфа II)

Сочетать живую с мертвым
Может только царь Аид.
Только раз придет обратно
Успокоенный к жене.
Он вернется, и живое
Принесет вино,
И утешит, засмеется
Здесь, у Летских вод, Загрей.

(Антистрофа II)

Отпусти Протесилая
К Лаодамии, Аид.
Приведет его обратно
В час назначенный Гермес.
То, что было волей к жизни,
Вечная любовь,
Сочетает жизнь со смертью,
Но твоя победа, царь.

(Эпод)

Жизнь и смерть,
Пронзенные любовью,
Айса взвешивает ныне
И вещает:
«Жизнь и смерть,
Да и нет –
Одно!»

Персефона. Он – только человек. Красотою подобный богу, он – только человек.

Аид. Из мира вечного и святого стремишься ты, Протесилай, в мир преходящего бытия. Ты хочешь вернуть невозвратное, не думая о том, что неустанные Оры умчали земную жизнь к иным достижениям.

Персефона. О Аид, отпусти его!

Аид. Лаодамия, которую ты зовешь своею, обручена другому. Знаешь ли ты это, Протесилай?

Протесилай. От ненавистного ей брака спасти ее – вот зачем она зовет меня свирельным стоном.

Аид. С того дня, когда воцарился я здесь, только дважды покидал я мое царство. За Персефоною – первый раз, и второй раз – к небесному врачевателю. Тягостен земной воздух для ступившего на мой берег Леты. Так, исполню ради молений Персефоны мольбу твою, великодушный герой. Три часа на земле дам тебе, – и знаю, второй раз ты не придешь докучать мне безумными жалобами. Гермес, три часа дарованы Протесилаю и Лаодамии. Пospеши.

Опять смыкаются тройные стены мрака. Слышен гулкий плеск Леты. Затихает. Проясняются слегка очертания царского чертога. В темный сад тихо входят Протесилай и Гермес.

Гермес. Дверь не замкнута, – но тебе не переступить порога, если не впустит тебя Лаодамия. Стучись. Проси приюта.

Гермес отошел и скрылся. Протесилай стучится в дверь. Из-за двери слышен взывающий вопль Лаодамии.

Лаодамия. Кто-то стучится. Страшно мне. Как темно! Все ушли. Я одна у ног моего

Протесилая. Кто-то стучится в мою дверь. Холодные повосковели ноги, и моим губам их не согреть.

Протесилай. Лаодамия,пусти меня.

Лаодамия. Чей-то голос зовет меня. Чей голос? Или, приколдованный чарами воска, вернулся он? Боюсь верить. Чье же это чародейство, пагубное и злое, из ночной тьмы воздвигающее зовущий вопль?

Протесилай. Лаодамия!

Лаодамия. Обманчивый призрак, уйди, не пугай меня! Мой милый, Протесилай мой, со мною. Из воска я воздвигла его, в него перелила я душу мою, душу мою сочела я с душою Протесилая. Ночной, неведомый, сокройся! Стал воском возлюбленный мой.

Протесилай. О Лаодамия, это я! Ночной пришелец – я. Взывавшему за оградой в ночи, кто бы он ни был, надлежит открыть дверь. Ночью к тебе прихожу я. Я – Протесилай, мне ли не откроет дверей Лаодамия! О Лаодамия, это – я!

Лаодамия. Он, мой милый, здесь, – он был в моих объятиях. А ты, пришелец...

Протесилай. Встань, Лаодамия, открой свою дверь,пусти меня скорее! Мал срок, данный мне, –пусти меня скорее! Взывающего за оградю, в холоде ночи, под ворожащую луною,пусти меня скорее!

Лаодамия. Милый мой со мною, – со мною мой милый, мой неизменный, мой.

Протесилай. Ласки расточаешь ты моему восковому идолу, моему идолу повторяешь ты страстные и нежные слова. Так много любви и вожеления вложено в этот воск, что не мог я и во владениях Аида не почувствовать твоих ласк, твоего нежного и сладкого зова. Широкие ворота Аидова дома разверзлись для меня, – пламенная сила твоих заклятий победила ад. Отвори мне, Лаодамия, – я – твой Протесилай. О Лаодамия, это – я! Открой, открой мне дверь, не сокращай сладких минут любви! Только три часа даровал нам Аид.

Лаодамия. Не смею не слушаться, боюсь открыть мою дверь, – что же мне делать? Темно. Едва мерцает последняя лампада. Холодно. Одежды чьи-то. Разбросали. Ушли нагие. Мы звали? Чаровали? Докликались, дозвались, и он пришел!

Стремительно открыла дверь. Выбежала в сад. На ней белая одежда, едва надета. – чья-то чужая, спешно поднятая. Бросилась к Протесилаю, свирельным воплем окликнула его.

Лаодамия. Протесилай, мой милый!

Протесилай молча обнимает Лаодамию. Она дрожит. Отходит. Одежда скользит с ее тела, падает к ее ногам, обнажая вздрагивающее прекрасное тело.

Лаодамия. Ты холодный, холодный, – землю сырою пахнет от тебя.

Протесилай. Из земли сырой возник я снова, из области покоя и неподвижных снов пришел я к тебе, Лаодамия, в твою милую область, в страну вечного сгорания. Трудный путь свершил я, Лаодамия, движимый зовущей силою любви. Тебя люблю, Лаодамия, и пришел к тебе возвестить закон небесной Афродиты: Люби Меня.

Лаодамия. О Протесилай! Мой бедный герой! Как холодны твои руки! Иди ко мне, насладись моею любовью, – я отопрею тебя на моей груди, и, когда пройдет данный богами срок, я не отдам, не отдам тебя Аиду! С тобою, за тобою пойду я повсюду, – за тобою, с тобою, мой Протесилай!

Лаодамия уводит Протесилая в свой чертог. Завесою черного мрака закрывается мир.

Действие пятое

Сад становится светлым. Тихо встает кроткая Эос. От тихого и темного чертога ложится тень на прохладу дремлющего сада.

Эос. Ночь проходит. Моя пора. Встречу ясного, ненаглядного – и уйду.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Разгорается, сияет веселыми улыбками, ждет.

Оры (пролетая). Здесь выходец из Аидова царства, очарован весь дом чарами тайны и молчания. Все хранит безмолвие, и даже ветер пробегает стороною, не шевельнет занавесою двери.

К терему подходит Антим с цветами для жертвоприношения.

Антим. Госпожа моя, встань, отгони от себя очарование утреннего сна. Уже поздно, – хотя и молчит таинственно весь дом, – уже поздно, и я принес тебе цветы.

Змея. А ты не боишься?

Антим. Царица Лаодамия, в тот самый час, как ты велела, вот видишь, я пришел к твоему терему, я принес тебе все цветы, которые ты велела мне принести.

В кустах кто-то смеется тихо, – и от утренней прохлады вздрогнул старик. Серебристый слышен плеск воды в водоеме.

Антим. Эти цветы, они для жертвоприношения нужны тебе, – боги их примут благосклонно, – свежи и благоуханны эти цветы.

Змея. Царица молчит. Что твои цветы для милой Лаодамии!

Антим. Всегда Лаодамия в это время выходила из своей опочивальни и шла в сад наслаждаться прохладой утра, запахом роз и нежным стрекотаньем цикад. Сегодня в ее терему так тихо, – и все в доме молчит. Что это значит? Боюсь, не случилось ли чего.

Сатир (высовывая из-за куста косматую голову). Приятель, дверь-то приоткрыта. На твоём месте я бы посмотрел в щель, что там делает Лаодамия.

Антим (заглядывая в дверь). Лаодамия! Царица! Да она не слышит. Эге!

Сатир. Приятель, что там делает твоя госпожа?

Антим. Что я увидел, о том и сказать страшно.

Сатир. Ну, говори, что ты там увидел. Я бы и сам посмотрел, да чую, что там есть кто-то, с кем не следует мне встречаться.

Антим. Да что! Тебе-то можно сказать – ты не наш. Лаодамия, забывши всякий стыд, обнимает на своем ложе тайком забравшегося к ней гостя. Нагая прильнула к нему и ничего не слышит, знай себе целует и ласкает.

Сатир. А ты знаешь, кто там?

Антим. Не видно – темно. Вот она, прославленная верность! Вот почему не хочет Лаодамия нового мужа! Видно, все женщины одинаковы. Еще царица! На то ли дано ей носить золотом шитую багряницу!

Сатир. Что же ты теперь сделаешь? Войди к Лаодамии, прогони любовника, – Лаодамия тебя обнимет так же крепко, только бы ты никому не говорил о том, что видел.

Антим. Что ты говоришь? Какие глупости! Разве это можно? Стар я стал для таких дел и уж очень противен был бы царице.

Сатир. Я старше тебя, но будь я на твоём месте, уж я бы зацеловал прекрасную Лаодамию.

Антим. Я верен моим господам. Надо идти скорее, рассказать Акасту об этом нечестивом и позорном деле, – поскорее, пока не узнали другие, чтобы никто не проболтался. Уж я-то верен, а другие...

Входит Акаст. Сатир прячется.

Акаст. С кем ты тут говорил, Антим? А где же Лаодамия?

Антим. Горе мне, господин мой! Верен я тебе, как собака, – а какую скорбную должен я сказать тебе весть! Поспеши, господин, пока не узнали другие, – в чертог Лаодамии иди поспешно, как только можешь, пока он, ночной гость, не успел уйти.

Акаст подходит к чертогу. Заглядывает в дверь. Смеется.

Акаст. Так-то, Лаодамия, хранишь ты верность! Утешилась скоро. Таковы-то вы все. Падки на мужские ласки. Что теперь нам делать? Хоть бы никто не узнал.

Антим. Уж я-то не проболтаюсь.

Акаст. Надо поскорее прогнать этого дерзкого.

Подходит к двери. Хочет ее открыть. Дверь отворяется. Выходит отуманенным призраком Протесилай. Акаст в ужасе отступает. Антим с воплем бежит, потом прячется за кусты и оттуда слушает.

Акаст. Протесилай, ты жив? Лживы были рассказы о твоей смерти?

Протесилай. Из Аидова царства вышел я, – Аид сжалился над моею любовью и стонами Лаодамии и отпустил меня к моей милой.

Акаст. Так ты – мертвец!

Протесилай. Акаст, не бойся меня.

Акаст. Ужасен вид пришельца из-за Леты, но я – воин и царь. Не мне бояться бледной тени. Зачем ты здесь? Зачем простираешь из адского мрака руки к той, которой еще долго быть среди живых? До брака ты взял ее, – и после смерти хочешь овладеть ею, ненасытный!

Протесилай. Она – моя. Неразрывными узами любви и верности связана она со мною. Спроси, о чем ее мечты. О моих ласках, о моих поцелуях. Спроси, чем она утешена. Долгие ночи она сгорала, тая, как воск.

Акаст. Что ты говоришь! Противны богам и нечестивы речи твои. Лаодамия – невеста Протагора, ты же – пленник Аида. Твои возвращения к нам не нужны людям и страшны им.

Протесилай. Старик, разве ты еще не знаешь прав неумолимой смерти? Или неведома тебе власть отживших?

Акаст. Жизнь-то, говорят, посильнее. Вот ты умер, а мы делаем, как хотим, не спрашиваем, любо ли это тебе. И Лаодамию твою отдадим другому, а с нею и твое царство. Что прошло, того не воротить. Тень и останется тенью. И уже легким призраком ты стоишь, и уже с туманом свивается одежда твоя, и сквозь тебя уже я различаю очертания деревьев.

Протесилай. Акаст, умрешь и ты. Смертный путь неизбежен, все пройдут им, и моя Лаодамия со мною. Навеки связало нас обещание любви, и нам нельзя разорвать нашего неизменного союза.

Акаст. Кто ты, чтобы из-за гроба простирать над нами свою пагубную власть? Власть иная над нами, знай, нечестивый, воля к жизни влечет нас путями жизни.

Протесилай. Уйди, старик, не мешай мне и Лаодамии моей почивать, нежно обнимая друг друга.

Акаст. Хорошо ли, подумай сам, ты делаешь, являясь Лаодамии, обманчивыми грезами смущая бедную? Филаке нужен царь, и Лаодамии – муж. Тебе то что – никакой ты не имеешь ныне нужды, тебе бы только обниматься с милою на досуге, – а нам, живым, надо подумать о доме и о городе.

Гермес приходит от востока и обращается к Протесилаю.

Гермес. Протесилай, пора нам идти. Близок час, когда над землю вознесется

Протесилай. Милый спутник трудного и дальнего пути, как рано пришел ты!

Гермес. Пора. Срок, данный Аидом, прошел. Долог наш путь к тройным стенам мрака, которыми оградил незримый свое тихое царство.

Протесилай. О Гермес, помедли еще хотя немного. Дай мне побыть в сладкой предутренней прохладе и еще хоть раз взглянуть на мою Лаодамию, озаренную снова первым сиянием дня.

Гермес. Пойдем. Минул наш срок. Если ты еще замедлишь, навеки бесприютною и тоскующею тенью будешь ты скитаться здесь, пугая чутких псов и неразумных детей.

Оры (пролетая). Гелиос! Гелиос! Восходящее солнце не видно из-за чертога, но ликующие лучи его озаряют сад и сверкают на утренней росе.

Протесилай и Гермес исчезают, сливаясь с резкими дневными тенями.

Акаст. Дивные и ужасные дела творят великие и малые боги под покровом ночной тьмы. Но вот возносится сребролукий, далеко разящий бог. Он один хочет царить ныне на земле и на небе и, благий к почитающим его, гонит полуночные страхи, злых демонов и блуждающих по дорогам мертвецов. И теперь я поспешу силою светоносного бога отогнать непрошенного пришельца и заклясть его следы, чтобы многие ночи протекали для нас спокойно. Антим!

Антим робко вылезает из-за кустов. Становится на ноги. Молча, боязливо озирается.

Акаст. Не бойся, Антим, гость ушел, и мы позаботимся, чтобы он и не возвращался никогда. Созови скорее всех рабов и рабынь – пусть зажгут здесь, против порога, костер очищения. Сгорит в очищающем пламени костра ложе, где почивал полуночный страшный гость, и снова чистым явится дом.

Антим проворно уходит. Слышны голоса и растущий шум. Акаст отворяет дверь чертога и останавливается на пороге.

Акаст. Да там и другой! Кто же это еще? Кого еще обнимает безумная Лаодамия? Какое еще горе, какой стыд она готовит мне и городу? Входит в чертог. В это время рабы поспешно раскладывают костер. Он медленно разгорается. Его пламя бледно в ликующих лучах восходящего солнца. Из чертога слышен шум, гневные крики Акаста и пронзительный вопль Лаодамии.

Лаодамия. Не тронь, не тронь моего милого!

Акаст выносит из дому статую Протесилая. Лаодамия выбегает за ним. Хватает за руки Акаста и вопит.

Лаодамия. Не дам, не дам! Оставь, оставь его мне. Не гляди, что он так недвижим, – только днем повосковел он, – ночью он опять придет ласкать меня и шептать мне слова нежной любви.

Акаст (гневно кричит). Рабы, что же вы смотрите! Неистовая вцепилась в мои руки, не справиться мне с нею. Отнимите от нее восковой кумир!

Рабы несмелою толпою окружают Лаодамию и отнимают от нее статую.

Лаодамия. Рабы, не смейте! Не дам, не дам моего милого!

Антим охватил Лаодамию сзади и тащит ее к порогу дома. Статуя в руках Акаста. В это время, привлеченные молвою и шумом, начинают приходить по одной, по две подруги Лаодамии в простых домашних одеждах.

Лаодамия. Горе мне! Отняли моего милого!

Подруги. Что здесь? Что это отняли у Лаодамии?

Окружают Лаодамию и Акаста. Во время последующих речей рассматривают статую,

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
обнимают Лаодамию, тихо говорят с вновь приходящими женами.

Акаст. О Лаодамия, теперь я понял причину твоего упрямства!

Подруги. Это – статуя, которую изваял Лисипп. Какой он искусный! Воск точно живой. Только не дышит.

Акаст. Не знаю, кем создан этот кумир, но я видел – как живого обнимала его Лаодамия.

Подруги. Несчастливая Лаодамия! Бездушным кумиром утешалась ты, и того у тебя отнимают.

Акаст. Да как же не отнять! Не хочу я, чтобы она так мучилась. Ведь она – царица, ей надо выходить замуж, а вот она так изводится!

Подруги. Несчастливая Лаодамия, – не забыть ей Протесилая!

Акаст. Так вот они, очистительные обряды! Это – чары преступные, нечестивые. Придумал их тот, кто замыслил нарушить волю богов, разорвать преграду между жизнью и смертью, распространить власть мертвых над миром живых. Мертвого гостя Лаодамия призвала к себе из Аидова темного царства – вот зачем ей этот идол! Поймите, что его надо сжечь.

Подруги. О страшных делах вещаешь ты нам, Акаст.

Костер на дворе разгорается.

Акаст. Смотрите сами, – вот, это не более как воск, – а она его обнимала, оболещенная каким-то неведомым демоном, враждебным жизни, обнимала, – и разжимались восковые руки для нечестивых страшных объятий. Слуги выносят из чертога венки, кимвалы, тирсы, бубны, одежды и все складывают в разгорающийся костер.

Лаодамия (шепчет). Милый воск.

Акаст. И этот восковой идол, так дивно изваянный, – вот чем ворожила ты, нечестивая! Пора, пора нам разрушить это злое очарование!

Венки и одежды пылают. Акаст несет статую к огню. Лаодамия – до этого времени она неподвижно стояла у порога, удерживаемая подругами и рабынями, – вдруг метнулась к Акасту. Обвила руками статую. Спротивляется Акасту и слугам, которые опять отнимают у нее милый кумир.

Лаодамия. Не отдам моего друга! В этом воске – душа моя, душа Протесилая. Не отдам, не отдам!

Подруги (плачут и восклицают). Бедная Лаодамия! Как нам жалко тебя! Но мы не можем помочь тебе. Не одолеть, не одолеть, милая, тебе сильных! Отнимут у тебя твое утешение. Покорись, Лаодамия, милая, не спорь тщетно с ними!

Кто-то из слуг сильно толкнул Лаодамию. Она шатается. Подруги поддерживают ее. Статуя сломана. Акаст поспешно бросает ее в огонь.

Акаст. Гори, гори, проклятый кумир!

Лаодамия. О, неразумная я! Не сама ли я вымолила только три часа!

Пылает костер. Воск тает. Поспешно входит Лисипп.

Лисипп. Поздно прихожу я. Свершилось безумное дело. Милый лик друга моего сожгли.

Лаодамия. Милый отрок, и ты плачешь. Взяли моего друга. Сожгли. Власть воздвигли над нашей любовью люди!

Лисипп (у костра). Они все смеют.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

Лаодамия. Сожгли. Но я пойду за ним. Огонь, сладкою мукою сожги земное мое и темное тело, – и пойду за милым моим к широким воротам Аидова чертога! Бросается к огню.

Акаст. Держите, держите безумную!

Подруги. Милая царица, что ты замыслила?

Подруги и рабыни удерживают Лаодамию. Она вырывается. И вдруг ослабела, как тающий воск. Бессильно отдается милым подругам, и они отводят ее к порогу.

Лаодамия. Как тает воск.

Подруги. Лаодамия, милая, что с тобою? Лицо твое бледно, и глаза не смотрят, и ты шепчешь тихо.

Лаодамия. Как тает воск.

Акаст. Утешайте, утешайте ее, милые подруги, – тяжела ей потеря милого и последняя разлука с ним. Но вот сгорит проклятый, чародейный идол – и утешится моя Лаодамия.

Лаодамия падает.

Подруги. Помогите царице, ей тяжко! Поддержите ее, она падает. Она вся стала желтая, как воск. Повосковелые губы так страшно шевелятся, и она шепчет тихо.

Лаодамия. Где мой кумир? Где мой венок?

Подруги. Все в огне.

Лаодамия. Милый мой!

Подруги. Царица умирает. Тело ее бессильно и недвижно. Осторожно, осторожно опустим ее на траву, дальше от костра. Царица умирает. Милая Лаодамия, что ты шепчешь? В последний твой час что ты нам скажешь?

Лаодамия. Как тает воск.

И умерла Лаодамия на пороге недостроенного дома. Акаст молча плачет. Подруги с воплями окружают тело.

Подруги. Умерла, умерла Лаодамия. О, дивная смерть! Плачьте, плачьте о милой Лаодамии, но с плачем соедините и великую радость и славьте, славьте небесную очаровательницу, роковую Афродиту! Слава, слава тебе, Афродита! Над смертью торжествуешь ты, небесная, и в пламенном дыхании твоём тает земная жизнь, как тает воск.

Ликующие лучи восшедшего над землю солнца заливают всю сцену. Пламя костра пылает, подымаясь прямо кверху, яркое, но бледное. Светлую завесу от востока закрывается сцена, – завеса чистая и белая, – ясная смерть.

<1907>

Победа смерти
Действующие лица:

Король Хлодоверг.

Берта, его жена.

Альгиста, её служанка.

Мальгиста, мать Альгисты.

Этельберт, брат Берты.

Лингард, паж.

Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки.

Действие первое

Те же сени слабо освещены факелами, вставленными в железные кольца у колонн. Из дверей в зале слышатся громкие голоса пирующих, песни, смех, звон бокалов.

Песня (в зале).

В чаше крепкое вино
Горько! горько! горько!
Королева под фатой –
За туманом зорька.
Но в фате для короля
Развернется складка.
Целовать жену в уста
Сладко! сладко! сладко!

Альгиста и Мальгиста стоят близ входа в столовую, таясь за колонною. Альгиста закрыла свое лицо серым покрывалом. Говорят тихо:

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, ты не боишься?

Альгиста. Я не боюсь.

Мальгиста. Настало время совершить великий наш замысел, увенчать красоту и низвергнуть безобразие.

Альгиста. Безобразная и злая, глупая и жадная, достойная дочь многих поколений королей жестоких и коварных, она веселится и торжествует. Она хочет быть королевою – зачем?

Мальгиста. Нет, не Берта хромая, дочь кровожадного короля Коломана, – ты, моя прекрасная Альгиста, достойна быть королевою.

Альгиста. Я буду королевою. И не будет Альгисты, и забудется имя Альгисты, – а я буду королевою.

Мальгиста. Может быть, последний раз называю я тебя моею дочерью. Дай же мне еще раз поцеловать лицо моей Альгисты, цветущие розами уста моей милой дочери. Завтра я склонюсь пред тобою, как рабыня перед госпожой.

Альгиста быстро откидывает покрывало. Любуется ею мать, целует её прекрасное лицо. Альгиста закрывается.

Альгиста. Я стояла здесь долго одна, прячась в темном углу за столпами. Здесь, передо мною, после венчального торжества, с королем прощались рыцари, привезшие королевну нашу Берту. Ушли, уехали, и теперь только мы две остались при ней. Потом смотрела я, как здешний король, и Берта, и гости вошли в тот зал и сели за стол. Сидят и пируют, а я стою одна и смотрю. С моего места видно мне лицо короля, и рядом с ним Берта.

Мальгиста. Госпожа наша Берта, следуя древнему обыкновению, сидит, покрытая левантскою тканью, расшитою золотом.

Альгиста. Пусть Берта закрыта своею златотканною вуалью, – я знаю, я помню её изрытое оспою лицо, я знаю, что одна нога госпожи моей короче, чем другая, и хитро сделанными золотыми каблуками она скрывает это.

Мальгиста (тихо смеётся и говорит шепотом). Много пышных обрядов придумали владыки, чтобы возвеличить себя выше нас. Их тщеславие и нам иногда на пользу. Король Хлодовег еще не видел лица госпожи нашей.

Альгиста. Я знаю. Хотели обмануть здешнего короля. Увидел бы завтра утром, да уж поздно было бы. Не прогонишь разделившую ложе, хоть бы и противна она была.

Мальгиста. Нет, мы дадим ему жену прекрасную и мудрую. Он упился вином. Сейчас

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
он не увидит её лица во мраке опочивальни, а потом не поймет, кто чем его обманул.

Альгиста. Обман и коварство не нами начаты. Владыки увенчанные и сильные открыли путь коварства и зла.

Мальгиста. Пир кончается. Уйду. Не надо, чтобы меня увидели с тобою.

Поспешно целует Альгисту и уходит. Из столовой выходит паж Лингард.

Лингард. Устал. Хоть на пол сесть. Легко сказать, – с утра на ногах.

Идёт в тот угол, где Альгиста.

Лингард. Да тут кто-то есть. Кто ты?

Альгиста (притворно глухим голосом). Я служанка королевы Берты, Альгиста.

Лингард. Что ты тут делаешь впотьмах? Пировала бы с другими девушками. Они все пьяны. Или и ты устала? Отдохнем, посидим вместе.

Обнимает Альгисту, хочет поцеловать.

Альгиста. Поди прочь, или я закричу.

Лингард. Недотрога! Разве я тебе противен?

Альгиста. Ты красив, но сегодня нам некогда целоваться. Да и нельзя. Сейчас пойдут из-за стола, и я должна буду раздеть госпожу нашу Берту и погасить огни в опочивальне, чтобы не разглядел король раньше времени, чего не надо.

Лингард. А чего не надо?

Альгиста. Чего не надо? Не хорошо будет, если новобрачный увидит раньше времени рябое лицо королевы. Пожалуй, прогонит! Скажет, – уходи, пока ты еще дева.

Притворно смеётся.

Лингард. Так Берта, говоришь, рябая?

Альгиста. Как кукушка. И хромая.

Лингард (смеётся). Значит, короля обманули?

Альгиста. Да. Но ты пока молчи.

Отходит, притворно хромая.

Лингард. А ты зачем закрылась? Да и ты, никак, хромая? По госпоже и служанка!

Альгиста. Что ты! Я никогда не хромала.

Прислоняется к стене.

Лингард. Дай-ка я сам посмотрю. Уж и ты не рябая ли?

Хватается за её плач. Альгиста кричит пронзительно громко.

Лингард. Дура, с тобою в петлю попадешь.

Убегает. Из залы выходят король, Берта, рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки.

Король. Кто-то кричал здесь о помощи. Кто осмелился потревожить наш светлый и радостный пир? Найти и поставить дерзкого перед нами.

Альгиста вмешивается в толпу королевских служанок. Пажи и слуги с нестройным шумом и восклицаниями мечутся по сеням. Рыцари стоят в воинственных и несколько смешных позах, грозно вращая глазами; лица их красны от обильно выпитого вина.

Король. Ты испугана, милая моя супруга Берта? Ты дрожишь?

Берта. Нет, господин мой, рядом с тобою я ничего не боюсь.

Король. Кто-то с пьяных глаз поднял крик и, сам испуганный своей дерзостью, скрылся. Для нашей радости прощаем дерзкого. Верные слуги наши, оставьте ваши поиски женщины, проводите королеву в нашу опочивальню.

Берта, дамы и служанки уходят в опочивальню, и с ними Альгиста.

Король. А мы, друзья, вернемся за стол и выпьем последнюю чашу.

Король, рыцари, пажи и слуги уходят в столовую. Дамы, проводившие королеву в опочивальню, возвращаются и уходят по боковой лестнице налево. Сени пустеют. Из столовой слышны громкие крики, нескромные песни, пьяный хохот. По боковой лестнице осторожно поднимается Мальгиста. Осматривается. Крадется к дверям опочивальни. Прислушивается. Быстро уходит, прячась за колоннами. Из опочивальни выходят служанки. Смеются. Говорят пьяными голосами:

Служанки:

- Какая скромная!
- Не хотела при нас раздеваться.
- Даже лица не открыла.
- Только свою молодую служанку оставила.
- Да и та странная, – закрылась покрывалом и молчит.
- Старая Мальгиста шепнула мне потихоньку, что её дочь – рябая.
- И хромая, будто бы, и потому носит башмаки с разными каблуками, один высокий, другой низкий.
- Все равно увидим, – не век же им прятаться под своими длинными вуалями.

Уходят вниз по лестнице. Из опочивальни выходит Альгиста, босая, в сорочке, покрытая большим темным плащом. Разрезывает кинжалом кожу на груди. Отходит в темный угол и, полузакрывшись плащом, ложится. Из столовой выходит король, сопровождаемый шумною толпою. Короля провожают до опочивальни.

Король. Друзья, благодарю вас за то, что вы разделили мой торжественный пир и веселили меня и королеву веселыми песнями и благопристойными шутками. Теперь идите спать, оставив здесь стражу, и да благословит нас всех Бог.

Рыцари, пажи и слуги кричат громко и нестройно:

- Да хранит Бог короля и королеву на многие годы! Да пошлёт он счастья королю, и королеве, и наследнику! И наследника! Счастливой ночи, государь! И удачной!

Король уходит. Рыцари унимают шумливых и смешливых пажей. Уходят. У дверей опочивальни остаются два вооруженные рыцаря. Разговаривают шепотом. Потом дремлют, прислонясь к колоннам и опершись на свои копья. Некоторые факелы гаснут. В тишине слышатся шорохи и шелесты. Альгиста стонет. Рыцари встрепенулись.

Первый. Здесь кто-то есть.

Второй. Помнишь, кто-то закричал, когда еще сидели за столом?

Первый. Здесь лежит женщина.

Они нагибаются к Альгисте.

Альгиста (со стоном). Помогите!

Рыцари освещают её факелом.

Первый. Красавица!

Второй. Кто-то полоснул её ножом в грудь.

Первый. Слабый удар. Красавица испугана, но не опасно ранена. Плохой удар, точно ребенок или женщина.

Первый. Кто ты, красавица?

Альгиста. Берта.

Второй. Она Берту зовет.

Альгиста. Я Берта.

Первый. Королева?

Альгиста. Да.

Первый. Но королева с королем в опочивальне. Ты бредишь, красавица.

Второй. Она опять закрыла глаза.

Первый. Что же нам с нею делать?

Второй. Позовем сенешалья.

Первый. Хорошо ли будет, если все сразу узнают эту темную и странную историю?

Второй. Что же делать?

Первый. Постучимся к королю. Он нас похвалит за скромность. Может быть, эту красавицу или кого другого понадобится убрать без шума, чтобы никто и не узнал, что тут было.

Второй. Пожалуй, что так.

Отходит от Альгисты. Альгиста громко стонет. По сцене пробегает Мальгиста, вопя:

– Где дочь моя Альгиста? Альгиста, Альгиста, где ты?

Убегает. За сценой слышны её вопли. Вбегают рыцари, женщины и пажи. На шут выходит король.

Король. Что здесь?

Восклицания, шум.

Альгиста. Господин мой, Хлодовег, спаси меня!

Король. Кто эта женщина?

Первый. Она лежала здесь в темном углу, раненая кем-то. Мы спросили ее, она сказала нам, что она королева Берта.

Король. Что она говорит! Королева в опочивальне покоится на моем ложе.

Альгиста (слабым голосом). Раздели, ушли. Одна осталась. Закрывала лицо. Но я её узнала. Ударила меня кинжалом. Вытащила меня сюда. Рабыня моя Альгиста замыслила на меня злое.

Король. Что ты говоришь, несчастная! Неужели с рабыней разделил я мое ложе!

Альгиста. Горе мне! Я умираю, я, дочь короля, я, супруга короля, я, юная и прекрасная, а она, – моя рабыня, рябая и хромая девка Альгиста будет королевою!

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Лежу на камнях, а рабыня моя на моем ложе!

Король. Женщины, войдите в мою опочивальню, оденьте королеву, и приведите её сюда, – и здесь королева уличит обманщицу, и правда воссияет ярче солнца.

Мальгиста (вбегая). Добрые люди, скажите, где моя дочь Альгиста?

Король. Посмотри, не это ли твоя дочь, раненая кем-то.

Мальгиста. Альгиста, дитя мое, кто тебя обидел?

Бросается к Альгисте. Всматривается. Вскрикивает с громким криком. Отходит. Опять бросается на колени перед Альгистой.

Мальгиста. Милая госпожа моя Берта, что с тобою? Зачем ты лежишь здесь, на холодных камнях, полунагая? За что твой супруг отторг тебя от своего ложа?

Альгиста. Верная моя Мальгиста, какое горе! Какой стыд! Твоя дочь, раздевая меня, ударила меня кинжалом. Как мертвая упала я к её ногам. Она вытащила меня сюда, бросила в темный угол и сама ушла на мое ложе.

Мальгиста. О, горе мне! Безумная Альгиста, что ты замыслила!

Берта выходит из опочивальни, и женщины с нею.

Мальгиста. Несчастливая дочь моя, безумная Альгиста! Зачем подняла ты руку на свою госпожу?

Лингард. Так вот зачем она уверяла меня, что королева – рябая и хромая!

Первый. Когда? Что ты говоришь?

Лингард. Подожди, я все расскажу королю.

Берта. Мальгиста, что ты говоришь! Или горе помутило твой разум? Вот лежит дочь твоя Альгиста, раненая кем-то.

Мальгиста. О, коварная! Ты – Альгиста, ты – моя дочь, а здесь лежит госпожа наша

Берта. Убить её ты замыслила, но она еще жива и уличает тебя, преступница!

Король. Кому же верить?

Берта. Я – Берта, дочь короля Коломана.

Альгиста. Я – королева Берта.

Берта. Я с тобою венчалась, Король.

Альгиста. Я с тобою венчалась, Хлодоверг.

Берта. Я сидела с тобою за пиршественным столом.

Альгиста. Я, сидя за столом, просила: «Господин мой, поцелуй мои плечи».

Берта. Я говорила эти слова.

Альгиста. Вслух?

Берта. Я шептала их на ухо моему господину.

Альгиста. Как же я могла бы их услышать?

Берта. Мальгиста научила тебя.

Альгиста. Никто меня не учил, я хотела, чтобы приласкал меня господин мой.

Берта. Верните рыцарей, которые привезли меня, – они скажут...

Альгиста. Король, тебе рассказывали, конечно, послы моего отца, что я прекрасна?

Король. Да. Разве взял бы я уroda!

Альгиста. Король, смотри, какая я красивая, смотри, какая она рябая.

Берта. Да, но я – королева, а ты, красавица Альгиста, моя служанка.

Альгиста. Смотри, король, у неё одна нога короче другой.

Берта. Я хромая, но королева.

Альгиста. Король, разве послы моего отца говорили тебе, что Берта – рябая и хромая?

Король. Нет. Я и не взял бы в жены хромую и рябую, и не думал, что король Коломан меня обманет.

Альгиста притворяется потерявшей сознание.

Мальгиста (склоняясь над нею). Милая моя госпожа!

Берта. Сеть обмана, широкая сеть обмана раскинута надо мною. Кто поможет мне разорвать вязкие петли обмана? Кому крикну: «Помогите»? Оставили меня жертвою обмана.

Король. Вижу, кто из двух – обманщица. Но скажите, бароны и рыцари, как по вашему, кто королева?

Рыцари. Эта прекрасная раненая дама.

Король. Кто обманщица?

Рыцари. Эта рябая и хромая женщина.

Король. Что сделать с нею?

Мальгиста. Король, прости мою дочь! Враг человека помутил её мысли. За мою верность королеве прости мою дочь.

Король. Уведите её далеко в лес, и да будет над нею воля Господня. А её мать...

Альгиста. Король, оставь при мне эту верную женщину. Видишь, родную дочь уличила она, – истинно верная душа!

Король. Да будет, как ты хочешь, милая королева.

Берта. Бедный король, ты поверил обману.

Берту уводят. Альгисту поднимают и несут в опочивальню. Люди уходят. Слышен бесстрастный голос:

– Проходит ночь. День. Ночь. День. Ночи и дни. Годы. Во мраке времен проходят быстро годы. Десять лет.

Действие второе

Те же сени. День. Из средних дверей стремительно выходит Альгиста. На ней торжественный наряд королевы. Она беспокойно мечется по сеням. Мальгиста выходит за нею. Слышен конец песни.

Баллада Этельберта

И вот король поверил
Седому колдуну,
И выгнал он за двери
Любезную жену.

Обманутые славят
Отродье колдуна,
И королевством правят
Волшебник и она.
А где же королева?
Она в лесу глухом.
Вернется ль королева?
О том спую потом.
Альгиста. Король заметил?

Мальгиста. Нет, госпожа, – все заслушались песен захожего певца.

Альгиста. Ты узнала его?

Мальгиста молчит.

Альгиста. Что же нам делать?

Мальгиста. Он ничего не посмеет сказать. Не станет же он говорить, что король Коломан, отец Берты и его отец, – обманщик.

Альгиста. Мне страшно!

Мальгиста. Не бойся, милая дочь моя.

Альгиста. Нет, даже не страшно, я устала. Я думала не то. Я верила, что люди хотят свободы и света. Как настойчиво, как хитро, ночью и днем, повторяла я королю одно и то же всеми словами, какие находила! Он мне верил, он наконец научился думать по-моему. Но он ничего не может сделать, кроме того, что делали его предки: воевать, судить, награждать. Ничего дерзкого. Господа хотят властвовать, – это я понимаю. Но народ, – все эти простые люди, земледельцы и ремесленники, о, как они хотят быть рабами! Только рабами.

Мальгиста. Все говорят, что при тебе король стал милостив к народу, щедр к своим слугам, справедлив для всех, прибегающих к его суду. Народ благословляет имя твое, милая королева наша Берта.

Альгиста. Прославляют имя Берты! Но откроется правда, узнает король мое имя, – прославит ли он сладкое имя Альгисты?

Мальгиста. Король не узнает.

Альгиста. Узнает.

Мальгиста. И узнает, да не поверит.

Альгиста. Идут.

Мальгиста отходит от неё и становится за колонну. Альгиста становится впереди сеней, в полуоборот к средним дверям, так что её лицо в тени. Из залы выходит король, принц Этельберт в одежде захожего певца, рыцари, дамы и пажи.

Король. Милая Берта, свет моих очей, зачем ты ушла от нас? Он спел нам еще две песни, одну лучше другой.

Альгиста. Велико искусство захожего певца. Кто бы из людей мог петь так сладко и так коварно? Не силою ли нечистого беса внушены ему его хитрые напевы?

Король. По всему видно, что он человек благочестивый.

Альгиста. Враг человека и в рясе приходит. У меня от его злых песен закружилась голова.

Король. Прости, милая Берта, я думал, что тебе приятно. Певец, возьми это золото и иди отдыхать. Хороши твои песни, велико твое искусство, и боюсь, – не чародейная ли в нем сила.

Этельберт. Моя сестра поёт лучше, и если от моих песен ушла милостивая госпожа

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Берта с королевского светлого пира, то пение сестры моей утешит королеву.

Король. Где же твоя сестра?

Этельберт. Здесь, ждёт на дворе. Если позволишь, король, я приведу ее.

Король. Приведи.

Этельберт (проходя мимо Альгисты). И девка Альгиста в королевах.

Альгиста. Сын обманщика идёт с обманом на обман.

Этельберт. Бичу и розгам предадут прекрасное тело, и позорной смерти.

Уходит.

Король. Что бормотал тебе захожий певец?

Альгиста. Непонятные слова. Он одержим нечистым духом, и ум его охвачен злыми, жестокими видениями. Мерещатся ему измены, обманы, кровь, муки и смерть. Напрасно велел ты ему позвать его сестру. Если и она такая же, наведут они на тебя, милый мой господин, и на меня, бедную, злые чары.

Король. Так пусть скажут им, чтобы они не входили.

Но едва король начал говорить, по средней лестнице уже стремительно поднималась Берта с мальчиком, а за ними Этельберт.

Король. Милый певец, усладили наш слух твои песни. Верю, что еще искуснее и приятнее пение и голос твоей сестры, – но королева устала и не может слушать песен. А ты, искусница, не досадуй, что напрасно ожидала своей очереди петь. Возьми это золото и удались, может быть, мы с королевою призовем тебя завтра.

Берта. Устала и я, королева Берта. Изгнанная тобою, милый супруг, потому что обманщице Альгисте поверил ты больше, чем мне, скиталась я долго по дремучим лесам, по крутым горам, по широким долам. Рысучие ветры меня обвевали, частые дожди меня мочили, красное солнце меня палило, колючие кустарники рвали мою одежду и царапали мое тело, о песок и о камни изранила я мои ноги. В поле под стогом родила я тебе, король, сына. Повила его нищая старуха, окрестила я его в бедной деревенской церкви, назвала его Карлом, и будет он королем великим. Возьми его, милый король, и меня не гони с твоего ложа.

Альгиста. Спела ты, певица, свою песню, хоть и не хотели тебя слушать. Ну что же, пой себе дальше, – о себе спела, обо мне пой.

Берта. Ты – моя служанка Альгиста. Вон там, за столом, прячется, бледная от злобы и от страха, твоя мать Мальгиста.

Этельберт. Милая Берта, не унижай себя спором с рабыней. Король, узнай, что я – Этельберт, сын короля Коломана, брат твоей несчастной супруги Берты, которую ты изгнал, обманутый злою Альгистойю.

Альгиста. Он – безумный, и сестра его такая же.

Этельберт. Со мною рыцари, привезшие десять лет назад Берту. Ты их узнаешь, и они скажут тебе правду.

Трубит в золотой рог. По средней лестнице всходят двенадцать рыцарей.

Этельберт. И вот, король, грамота от короля Коломана.

Подаёт королю грамоту. Король берёт её.

Король. Канцлер, распечатай эту грамоту, и мы прочтём её, как надлежит читать королевские послания, стоя на королевском нашем месте. А теперь ты, захожий певец, называющий себя принцем Этельбертом., скажи нам еще раз, утверждаешь ли ты, что вот эта женщина, пришедшая с тобою, – она то и есть прекрасная Берта, дочь короля Коломана.

Этельберт. Да, это – королева Берта, твоя жена и дочь моего отца, короля Коломана.

Альгиста (смеётся). Прекрасная Берта! Красавица! Смотри, король, какой у неё большой рот! Какая она рябая! И одна нога у неё длиннее другой.

Берта. Ты все это хорошо помнишь, Альгиста, – да и тебе ли не помнить! Ты одевала и обувала меня.

Этельберт. Сестра моя была прекрасна, но злыми чарами по дороге сюда испортила её

Альгиста. Смотри, король, как сестра моя похожа на меня.

Альгиста. Такой же рыжий урод, как и она.

Этельберт. Однако девушки моей родины, да и в других странах, засматривались на меня, и любая из них...

Альгиста. Золотом брякнешь, – распутная девка виснет на шею.

Этельберт. Король, допроси моих спутников. Может быть, ты припомнишь их лица.

Король. Вернемся в наш королевский чертог, прочтем эту грамоту, рассмотрим дело и решим его по совести. И грозен будет суд наш для замысливших обман.

Уходит в среднюю дверь. За ним все, кроме Альгисты и Мальгисты.

Мальгиста (подходя к дочери). Милая госпожа, иди на свое место рядом с королем. Ничего не бойся. Не признавайся. Король тебя любит и только тебе поверит.

Альгиста. Останусь здесь. Я устала. И не хочу быть Бертою.

Мальгиста. Что ты говоришь, безумная! И себя, и меня погубишь.

Альгиста. Разве я не прекрасна? Разве я не была ему верна? Разве у меня нет ему сына? Видела ты? Притащили сюда чахлого выродка, а мой сын, мой сын, – сильный, прекрасный, мой сын, о Хильперик!

Мальгиста. Видишь, все за тебя, милая дочь моя. Так не бойся, иди смело, займи свое место, король только тебе поверит.

Альгиста. Настал час последнего испытания. Если он меня любит, если долгие дни и сладкие ночи нас навеки сковали, то он меня не отвергнет и увенчает Альгисту. Иду, открою мое имя.

Мальгиста. Безумная, невозможное ты замыслила.

Альгиста. Иду.

Идёт к дверям в зал. Мальгиста её удерживает. Краткая борьба.

Альгиста (кричит). Король, я – Альгиста!

Быстро входит в зал. Мальгиста бежит за нею.

За сценой.

Король. Альгиста?

Шум. Отдельные возгласы.

Альгиста. Я – Альгиста. Вот, Хлодовег, я перед тобою, суди меня, как хочешь, казни или милуй, – но вспомни, вспомни, король, как была я тебе...

Король. Молчи! Обманщица и рабыня опозорила мое ложе!

Собрание пьес. Книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Рыцари и дамы. Обманщица! Рабыня! Смерть ей!

Альгиста. Милый король мой Хлодовег, я была тебе верною женою.

Король. Молчи! Позорной смерти...

Альгиста. Хлодовег, милый супруг мой Хлодовег...

Король. Женщины, заставьте её молчать.

Альгиста глухо вскрикивает. Шум, восклицания. Выделяется один голос:

– Замолчите! Король произносит свой грозный приговор.

Король. Снять с обманщицы венец, ожерелье и одежду королевы. Ты, любезная королева Берта, займи свое место. Обманщицу позорной и лютой казнить смертью перед народом, – бичу и розгам предать, обнажив её тело... и сечь до смерти, и тело бросить в ров на съедение собакам. И мальчишку бить и повесить. А мы с тобою, королева, пойдём и с высокого будем смотреть балкона на её муки и слушать её вопли.

Заглушенные возгласы Альгисты. Вопли Мальгисты. Смех. Шум. Крики. Шум постепенно возрастает. Слышен грубый хохот. Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки начинают выходить из зала. В их толпе крики.

Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки:

– Обманщица уличена!

– Эта простая девка Альгиста.

– С неё сорвали все уборы, и возложили на настоящую королеву.

– Где её будут наказывать?

– Здесь, на дворе, среди этого народа, который пришел смотреть на зрелище.

– Смотрите, её уже раздевают.

– Обманщицу казнят сегодня же.

– Лютою и позорною смертью.

– Её высекут до смерти розгами и бичами из воловьей кожи.

– И её мальчишку повесят.

– Я плюнул ей прямо в глаза!

– Я надавал ей пощечин!

– На ней одна рубашка, но мы её сейчас сорвём.

– Ведут, ведут!

Из дверей зала выводят Альгисту. Все толпятся вокруг нее, хохочут, кричат, издеваются. Её ведут по широкой лестнице вниз в партер, где двор замка. Сени окутываются мраком. Слышен вопль Мальгисты.

Мальгиста. Добрые люди, добрые люди, спасите дочь мою Альгисту!

Действие третье

Те же сени. Ночь. Слышен вой собак. Полная луна бросает ясную полосу света на верхние ступени и на край площадки, оставляя остальное место в тени.

Сени сначала пусты. Потом по боковой лестнице медленно поднимается Мальгиста. Несёт на плечах тело Альгисты, полунагое, едва прикрытое окровавленной и изорванной одеждою. Положила Альгисту на место, озаренное луною, села над нею,

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
плачет, тихо причитает:

Мальгиста. Дочь моя, дочь моя! Забили, замучили. Долго хлестали беспощадные бичи, и хохотали слуги и мальчишки. И умерла моя Альтиста. И бросили её в ров замка на съедение собакам, – но псы не тронули ее, и выли над её телом, выли в тоске над телом ласковой госпожи. И поднималась луна, и выли псы, и тоска моя восходила к небу.

Плачет, точно воет. Слышен вой собак. Мальгиста поднимается тихо и уходит, причитая.

Мальгиста. К холодной луне и к ясному небу восходит моя тоска. Воют псы, нюхая кровь ласковой госпожи, – и я завою на месте, где в землю впиталась её обильно пролитая кровь.

Ушла. Альтиста поднимается, зовет.

Альтиста. Спящие, встаньте!

Все тихо. Альтиста падает. Мальгиста возвращается. Несёт ребенка. Положила его рядом с Альтистой. Села над ними и плачет, причитает.

Мальгиста. И невинного не пощадили отрока. Избили, измучили, убили, бросили с матерью рядом. О, Альтиста, Альтиста, дочь моя!

Альтиста приподнимается и вскрикивает.

Альтиста. Спящие, встаньте!

Мальгиста склоняется над нею, спрашивает её тихо.

Мальгиста. Дочь моя, милая, ты жива?

Альтиста. В этот страшный час только мертвые живы.

За окном слышна переключка часовых. Кто-то поднимается по лестнице сбоку и заглядывает в сени. Замок мало-помалу наполняется тихими, все возрастающими, шорохами, шумами.

Мальгиста. Дочь моя, скажи мне, ты не умерла? Ты жива?

Альтиста. Близок час последнего испытания.

Мальгиста. Или из мертвых встала ты, разбуженная силами ворожащей в тихом небе или таинственным шепотом блуждающей около ночных распутий?

Альтиста. Смотри, – вот два пути, – он изберет один из них. Жива ли я, мертва ли я...

Медленно поднимается и зовет.

Альтиста. Жив ли ты, мертв ли ты, сын мой Хильперик, встань!

Мальчик поднимается. В свете луны видны бледные лица Альтисты и мальчика и окровавленные их одежды. Альтиста обращается лицом к дверям, ведущим в королевскую опочивальню, и кричит голосом громким и диким, наполняющим всю громаду здания:

Альтиста. Спящие, встаньте!

В замке слышен шум, смятение, крики, звон оружия. Через сени пробегают слуги, пажи, рыцари, женщины. Сени наполняются смятенным народом. Слышны восклицания:

– Кто здесь так громко кричал?

– Что случилось?

- Враги напали?
- Не мертвые ли встали?
- Не трубу ли архангела мы слышали, зовущую на страшный суд?
- Страшно!
- Дивные дела здесь творятся!
- Пролитая кровь вопиет к небу.

Темно.

- Где факелы?

Кто-то вносит факел, потом другой, еще и еще. Люди с факелами беспорядочно мечутся по сеням... Иные факелы вставлены в кольца. Люди кричат:

- Смотрите, здесь Альгиста!
- Замученная королева встала!
- И её сын!
- Горе нам, не злое ли совершили мы здесь дело?

Мальгиста. Горе вам, – злое вы совершили здесь дело, прекрасный вы разбили сосуд и многоценное пролили вино!

Возрастающим светом факелов все более освещаются сени. Альгиста и её сын у края лестницы, остальные теснятся к стенам и колоннам. Выходит король, Берта и Этельберт. Хлодовег и Берта едва одеты, но на головах их короны. В руке короля обнаженный меч. Шум затихает. Все, кроме короля, останавливаются неподвижно и смотрят на Альгисту.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, скажи ему сладкие слова любви.

Альгиста. Король, злое ты совершил дело, но моя любовь тебя прощает. Оставь эту чужую, иди за мною, иди к жизни светлой и свободной.

Король. Кто ты? И зачем ты здесь? Если ты жива, сокройся от нашего праведного гнева. Если ты от мертвых встала, вернись к своему покою, и живущих на земле не тревожь ночными явлениями.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, зови его, чтобы он шел за тобою.

Альгиста. Милый господин и супруг мой Хлодовег, я – твоя

Альгиста. Я люблю тебя, я пришла к тебе призвать тебя ко мне. Иди ко мне, иди за мною.

Король. Ты меня обманула.

Альгиста. Я была верна тебе, я останусь верна тебе до конца.

Берта. Король, убей волшебницу.

Альгиста. Хлодовег, скажи мне, любил ли ты меня?

Король. Любил.

Альгиста. Скажи мне, любишь ли ты меня?

Король. Люблю.

Альгиста. Иди же за мною.

Король. Муки ли заслуженной тобою кары помрачили твой разум? Или воздвигнутая злыми чарами пришла ты к нам? Скажи нам, кто же ты? Полночный призрак или живая Альгиста?

Берта. Король, зачем же в руке твоей меч? Вонзи его железо в злое сердце обманщицы.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, очаруй его сладкими словами любви, таинственные скажи ему заклинания.

Альгиста. Господин мой, к тебе пришла я, – возьми меня так, как ты сам хочешь, живую или мертвою. Властью моей безмерной любви, силою моих нестерпимых мучений, над жизнью и над смертью торжествующею моею волею купила я у земли, и у неба, и у темного подземного мира твоё тело, и твою душу, и твою полночную тень. Вот, я перед тобою, едва жива, едва мертва, дыханием едва дышу, тлением едва тлею, на страшном колеблюсь перекрестке, кровь моя в сырой земле, и голос мой в луне ворожащей, – и я зову тебя: иди ко мне, избери наш путь к жизни или к смерти по своей воле, иди со мною живую, люби меня, – или останься здесь, но и здесь со мною, с мертвою мною. Люби меня, господин мой и супруг, навеки мой, люби меня.

Король. Обманом ты взшла на мое ложе, ты похитила имя и честь королевы.

Берта. Она – чаровница. Скорее пронзи её мечом.

Альгиста. Когда ты меня любил, когда ты меня ласкал, когда ты нежные шептал мне слова, что нам были и блеск твоей короны и твоя верховная власть! Не напоила ли я тебя всеми сладостями любви? Не всякую ли твою радость я прославила светлым моим веселием? Не всякую ли твою печаль я растворила в моих слезах? Не была ли я тебе ясным небом, и прохладною тенью, и птицей-щебетуньей, и звонко-лепечущим ручьем? Мои белые, мои голые руки легче королевского ложились ожерелья на твои утомленные плечи. Слаще фалернского вина были тебе знойные поцелуи моих алых губ. Ярче многоцветных алмазов и рубинов твоей короны сияли тебе мои очи. Не была ли я прекраснее всех королев? И не ты ли говорил, что я – мудрейшая из жен, что слова мои падают, как золото, на легкий пепел речей старейших твоих вельмож?

Король. Ты была прекрасна и мудра, и я тебя любил. Но минувшее невозвратно. Удались.

Берта. Пронзи мечом.

Альгиста. Я не уйду от тебя. Мы соединены навеки тайною силою моей любви.

Король. Вот жена моя, королева Берта, – под охраною верных в своей светлице почивает сын наш и наследник Карл, – тебе и твоему сыну нет места между нами.

Альгиста. А ты меня любишь?

Король. Люблю.

Альгиста. Так пусть останутся здесь королева Берта и юный Карл. Отдай ему свою корону, иди за мною. Я открою тебе счастливый и вольный мир, я уведу тебя в долину меж дальних гор, где нет владык и рабов, где легок и сладок воздух свободы.

Король. Безумны твои речи. Я – король.

Берта. Убей.

Альгиста. Хлодовег, твоя судьба в твоих руках. Смотри, гаснут факелы. Слушай, – за окном воют чуткие псы, обнюхивая на тонкой дорожной пыли неведомый след. Смотри, король, как все тихо, темно и неподвижно вокруг тебя. Слышишь, они молчат, и только мои слова падают во тьму перед тобою.

Король. Безумная, уйди. Пажи, уведите ее.

Все вокруг короля неподвижны и смотрят на Альгисту.

Альгиста. Здесь только я, вся жизнь и вся смерть во мне, – а выбор твой,

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

Хлодогег, мой милый господин и супруг. Приближается последний миг. Судьба не ждёт. В последний раз говорю тебе: иди за мною, со мною иди к жизни, только со мною жизнь, – а там, где цепенеешь ты, король, в безумии своей короны, в своей кровавой мантии, – там смерть. Иди за мною, сними свой венец.

Король. Я не пойду за тобою. Я король. Удались, безумная.

Из-за окон слышны удары церковного колокола.

Альгиста. Час настал. Хлодогег, твой выбор сделан. Ты не уйдешь? Нет?

Король. Нет.

Мальгиста. Холодным камнем среди камней стоит он перед тобою,

Альгиста. Альгиста, змеиноокая дочь моя, страшными очаруй его словами, вечной обреки его неподвижности.

Альгиста. Холодным камнем среди камней стоишь ты передо мною! Камней, король, холодным камнем стой, пока не изложет и тебя время.

Альгиста падает у ног короля. Её сын падает на её труп. Король и остальные стоят неподвижно. Слышен бесстрастный голос:

– Смотрите, – умерла Альгиста, умер Хильперик. Неутешная навеки над ними мать. Смотрите, – окаменел Хлодогег и бывшие с ним. Смотрите, – они стоят, уподобясь иссеченному из камня изваянию. Смотрите, – плоскою картиною становится зрелище окаменелой жизни, и меркнет луна, и всякий свет бежит от этого места, и черным облаком смерти закрывается громада надменного чертога. И верьте, – Смертию побеждает Любовь, Любовь и Смерть – одно.

Примечание

Содержание этой трагедии заимствовано в общих чертах из предания о королеве Берте Длинноногой, матери Карла Великого. Имя короля изменено с намерением, чтобы оторвать эту трагедию от истории и даже от легенды, которая завязывается несколько иначе и кончается не совсем так, как у меня. Вот как изложена эта легенда в книге Г. Н. Потанина «Восточные мотивы», стр. 5–7:

«Французский король Пепин хочет жениться; пэры едут в Венгрию в город Буду, и просят у венгерского короля его дочь. Король очень польщен этим сватовством, но боится, что Пепин отвергнет невесту, потому что она уродлива: у вся одна нога больше другой. Однако пэры, хотя лично убедились в этом, остались при прежнем решении. Родители отпускают дочь с двумя служанками, старой и молодой; старая – Маргиста, молодая – её дочь Альгиста. Невеста принята в Париже с почетом; наступает ночь, Берта должна идти на брачную постель. Маргиста высказывает опасение, как бы Пепин не убил ее; Берта смущена, Маргиста согласна послать вместо неё Альгисту, чтобы спасти принцессу. Берта проводит ночь в комнате Маргисты, а утром крадется в королевскую спальню, чтобы незаметно для короля сменить Альгисту. При её входе Альгиста наносит себе рану ножом и обвиняет Берту в желании убить ее. Король, принимающий Альгисту за Берту, возмущен и велит казнить мнимую Альгисту».

Ночные пляски

(Драматическая сказка в трех действиях)

ОТ АВТОРА:

Тема этой пьесы заимствована из сказки «Ночные пляски», которая помещена в книге «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (М., 1897, изд-во И. Д. Сытина, том II, стр. 223–225).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Король Политовский.

Королевы, его дочери, их двенадцать.

Юный поэт.

Короли: Свейский Фряжский Басурманский Зельтерский Татарский хан.

Королевичи: Дацкий Эфиопский Американский.

Шут.

Скоморох и прочие скоморохи.

Генерал.

Старый боярин.

Другой боярин и прочие бояре и дворяне.

Архиерей и прочие архиереи.

Попы. Дьяконы. Игумны. Пономари.

Богатый купец и прочие купцы.

Приказчик богатого купца.

Сухопарый лекарь.

Ярышка. Юрист. Хулиган.

Ласковая старушка и прочие старые старухи.

Знаток искусства. Критик.

Человек с книжкой под мышкой.

Трудовик.

Намалеванный старик.

Молодые жены.

Гуляры. Поэты. Бабы-веселухи.

Простые люди.

Слуги короля Политовского.

Малявинские бабы.

Печаль Юного поэта.

Сны.

Действие первое

Во дворце короля Политовского пир. Пиршественный покой изукрашен. В глубине покоя пять ступеней, во весь покой шириною, ведут на высокое место, где длинный стол; за ним еще пять ступеней таких же на высочайшее место, где стол такой же. Внизу перед высоким местом направо и налево – по длинному столу, одним концом к высокому месту, другим – к стороне сеней, а середина покоя пустая, где бы входить. Перед покоем, где бывает оркестр, там сени, изукрашенные весьма, а где партер – там словно бы двор. За высочайшим местом дверь дубовая, красною медью кованная, к Политовскому королю в опочивальню. Над дверью полати неширокие, за перильцами на точеных столбиках, а входить на полати с двух сторон из сеней потайными лесенками; по той одной лесенке ход в королевнины светлицы вверху, в тереме. Сидят хозяйева и гости. На высочайшем месте за столом король Политовский, по бокам – его высокие гости, по три короля и по три королевича с каждого боку, все тринадцать в ряд, лицом к покою. На высоком месте за столом двенадцать Королевиц, все в ряд, лицом к королю и высоким гостям, а к почтенной публике спиною, – и почтенной публике то бы не в обиду сталось. За столами внизу сидят гости и гостьи, за каждым столом только с одной стороны, лицом к середине покоя;

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
почетные гости к высокому месту поближе, а у кого чести меньше, те от высокого места подалее. В сенях стоят челядь дворцовая и также гусяры, гудошники, свирельщики, вопленники, плясуны, бабы-веселухи и всякие другие забавники и забавницы. Им дают, что останется. Во дворе народ пришел на пир смотреть, на своих харчах.

Король. Короли и королевичи, отцы духовные, дворяне, и купцы, и простые люди! Я пригласил вас, чтобы вы дали мне совет или делом помогли в великом нашем горе.

Короли и королевичи (дружески).

- Это мы можем.
- По дружбе охотно.
- Только бы нам не было убытка.
- Со всем удовольствием.
- Мы вам, а вы нам.
- Взаимно, значит, и для политики.

Дворяне (гордо).

- Мы недаром носим наши шпаги.
- Мы рады обнажить меч во славу короля.
- Только укажи, кого повоевать.

Архиереи (смиренномудренно). Господу помолимся.

Попы (благоговейно). Господи, помилуй.

Дьяконы (елейно). Подай, Господи.

Игумены (с возделением). Рука дающего да не оскудеет.

Пономари (с упованием). Всякое даяние благо.

Купцы (себе на уме, с расчетцем).

- Раскошелимся, это что говорить.
- На покупателя накинem, а тебе дадим.
- А ежели торговать повелишь безданно, беспошлинно сибирскими соболями и заморскою бакалеею, так мы, Господи благослови, и еще понатужимся.
- Да, Господи, да мы ли не дадим!
- Мы от чистого сердца!
- Как перед Истинным.

Простые люди (смиренно). Сиротским делом, сколько животов хватит.

Молодые жены (с воздыханием). Охо-хо-хо-шеньки!

Старые старухи (с сокрушением). Грехи тяжкие!

Гусяры и поэты (с радостью). А мы споем.

Поют, что хотят.

Скоморохи (с весельем). А мы сыграем.

Играют, кто во что горазд.

Бабы-веселухи (с удаью). А мы спляшем.

Пляшут по-всякому.

Король. Все рады, все готовы. Хорошо быть королем. Только горе-то у меня больно великое. Разве что только всем миром обмозгуем.

Свейский король. Говори, не сомневайся, врагов тебе здесь нету, все соседы тебе други.

Фряжский король. Мы ста дальны, да вы ста нам любы. Говори, ништо.

Дацкий королевич. А мы послушаем.

Все (с поклоном). Послушаем.

Король. Горе мое в дочках. Вот их у меня двенадцать, все здесь перед вами, горят, как свечки, горе, говорю, мне с ними, горькое горе.

Пригорюнился. Королевны смеются, точно тростиночки по ветру шелестят.

Король (с негодованием). Горе, говорю, горькое с ними, а они, слышь, смеются. Я – слезы проливать, а они – руками махать.

Королевны (смеются, точно птички в роще заливаются, и говорят чинно и по порядку).

– Како тако горе!

– Горе у нас и не ночевывало!

– Горе к нам и в окны не заглядывало!

– Горе и мимо наш дворец не хаживало!

– Разве мы не пригожи? – говорит самая красивая.

– Разве мы не хороши? – говорит самая добрая.

– Разве мы не румяны? – говорит самая здоровая.

– Разве мы не белы? – говорит самая тонкая.

– Разве мы батюшком не холены? – говорит самая нежная.

– Разве мы матушкою не ласканы? – говорит самая ласковая.

– Разве мы нянюшками не лелеяны? – говорит самая милая.

– Разве мы не послушны? – говорит самая послушная.

– Разве мы не забавницы? – говорит самая веселая.

– Разве мы в ятях ошибаемся? – говорит самая грамотная.

– Разве мы не разумницы? – говорит самая мудрая.

– Разве мы не рукодельницы? – говорит самая искусная.

Король (с укоризною). Нет у меня жены, а у вас матери. Вам бы надо, милые дочери, меня веселить да радовать.

Королевны (скромнехонько).

– Мы рады тебя веселить.

– Разве мы не угождаем тебе?

– Мы и пригожи, мы и хороши, мы и румяны, мы и белы, мы и батюшком холены, мы и матушкой ласканы, мы и нянюшками лелеяны, мы и послушны, мы и забавливы, мы и в ятях не ошибаемся, мы и разумницы, мы и рукодельницы.

– Мы ли тебя не радуем?

Король (нахмурившись, точно бор перед грозой). Радовали прежде, а теперь мне с вами горе.

Королевы (плача, будто горлинки). Государь ты наш батюшка, король Политовский, чем же мы тебя прогневали?

Как заплакали королевны, так и все женщины за столами и в сенях пригорюнились, плачут, горько рыдают, слезами обливаются. Короли и королевичи усами моргают, в красные шелковые платки сморкаются, а прочие гости вздыхают и сморкаются вежливенько, кто во что.

Король (гневно). Замуж не идете, молодых людей гоните, никого не любите, все вас стали бояться.

Королевы (рыдая, будто морские белые белуги).

– Мы любим только тебя.

– Все другие в этой стране люди нам противны.

– Они – злые.

– Жестокие.

– Издеваются друг над другом.

– Живут насилием.

– Каждый о себе заботится.

– И каждый хочет быть лучше другого.

Король (горестно). Люди везде таковы. И вы такие же будете.

Королевы (все враз). Никогда.

Шут (бубном машет, гостей смешит, сам выговаривает). Девушки хороши, красные пригожи, а откуда же берутся злые жены?

Королевы (с упрямством).

– Мы и не хотим быть женами.

– Мы останемся девами.

– Мудрыми, – говорит мудрейшая.

– Прекрасными, – говорит прекраснейшая.

– Веселыми, – говорит самая веселая.

– Добрыми, – говорит самая добрая.

– Кроткими, – говорит самая кроткая.

– Непорочными, – говорит самая непорочная.

– Девами, – говорят все враз.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Король. И еще горе мне с вами. Каждую ночь вы уходите, а куда? неведомо.

Королевы (зардевшись, кисейным рукавом закрываются, тихо говорят).

– По ночам мы спим.

– Сладко.

– Крепко.

– Видим сны.

Король (грозно). Но я знаю, что вы уходите, что ни ночь.

Королевы (не испугавшись).

– Приди в нашу опочивальню в любую ночь.

– Ты увидишь нас тихо спящими.

Король. Приходил не раз и видел на ваших постелях неживые ваши подобия.

Королевы.

– Это мы спали.

– Разве ты, отец, не заметил нашего дыхания?

– Не видел наших улыбок мирному сну?

– Не различил наших лиц?

– Это были мы.

– Разве здесь есть похожие на нас?

Король. Какими чарами вы это сделали, не знаю. Но страх стоял над этими изголовьями и торопил уйти.

Королевы.

– Это – воображаемый страх.

– Он зародился от рассказов суеверных старух.

– Отвергнутые женихи слагают небылицы.

Король. Отчего же каждую ночь изнашиваются ваши покрывала? Изорванные, лежат они утром, – и каждый день шьют вам новые.

Королевы.

– Непрочная ткань рвется, – что жалеть о ней?

– Мы носим тонкие покрывала, – как им не изнашиваться скоро!

– И разве людям дано знать, кто изнашивает их покровы?

Король. Дороги эти покрывала, и не след расточать казну на такое излишество.

Королевы.

– Твоя казна не истощится.

– Вся страна несет тебе деньги.

– Бедные женщины, которые ткут наши покрывала, кормятся этой работой.

– А также и те, кто их вышивает.

Шут. В рваных одеждах и босые, а вокруг них тощие дети.

Человек с книжкой подмышкой. Оставили бы себе прибавочную ценность или на себя потратили бы прибавочный труд..

Слуги. Пошел, пошел!..

Человека с книжкой выгоняют.

Шут. В холодных хатах спят, а сами ткут багряницы.

Королевы.

– Глупый шут! Уж если мы живем во дворцах, а они в лачугах, то у людей и не может быть иначе.

– Ведь мы не собираем подати.

– Не мы учредили строй и законы.

– Мы только подчиняемся пышным обычаям.

– Но в простых одеждах и босые ходили бы и мы охотно.

– Охотнее, чем в наших диадемах.

– Весело быть простыми и свободными.

– Плясать и горланить песни на протонародных базарах.

– Наш дворец – крепкий затвор.

– Вы, затворившие нас в затворы, золотите кольца наших цепей!

– Осыпайте алмазами наши оковы!

Король (грозно). Замолчите и отвечайте. Здесь, перед всеми, я вас спрашиваю, и отвечайте передо всеми. Хочу я узнать, куда вы по ночам уходите и что там делаете!

Королевы (упрямо).

– Мы никуда не уходим.

– Мы спим по ночам.

Король (печально). Так они всегда отвечают мне, упрямые. Что же мне делать? Дочки непослушные, но милые, уйдите к себе, а мы будем вести мудрые речи о вас. Правду говорят за глаза – в глаза только льстят или злословят.

Королевы (одна за другою встают со своих мест, вереницею проходят перед королем, кланяясь ему низко и так, чтобы это выходило красиво и с покорностью. Кланяясь, королевы, говорят отцу). Прости, государь наш батюшка, да хранит тебя Господь многие лета!

Король целует каждую в уста сахарные и каждой отвечает в особину, румяную щечку родительной дланью треплючи.

Король. Ступай себе с Богом, милая дочка, да будет над тобою наше родительское благословение отныне и до века нерушимое.

Потом, одна за другою, Королевы кланяются гостям направо и налево, так чтобы это выходило приветливо и с достоинством. Кланяясь, Королевы говорят гостям.

Королевы. Простите, дорогие гости и гостьи, в чем что мы не так, нас не корите, добром поминайте, живы, здоровы бывайте, лиха избегайте, добра прибывайте и нас

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
не забывайте!

Каждой отдельно гости направо и гости налево отвечают поклонами, все более глубокими по мере отдаления от короля, – от наклона головы королями до земного поклона простых людей.

Гости и Гостьи (отвечают каждой в особину). Прости, милая королева, в чем мы тебе согрубли, и то ты нам не попомни, держи нас в добром вспоминаньице, сама словно красная ягодка во темном бору красуючись, да хранит тебя Бог на многие лета, а мы – твои гости, верные слуги и усердные богомольцы.

Королевы, выйдя в сени, перемигиваются. Бегут на полати, прячутся за точеными столбиками и подслушивают. Король же молчит ровно столько времени, сколько надобно, чтобы королевы дошли до своих светлиц в терему, а наверх поглядеть не догадается. Гости в ту пору пьют, едят, прохлаждаются, наверх по тому же не взглянут.

Король (кряхтит). Эх-эхе-хех!

Шут (бренчит позвонками колпака). Милостивые государыни и милостивые государи, помолчите, король говорить хочет.

Все замолчали и стали смотреть на короля. Один Скоморох по верхам глядит.

Король. Друзья мои, короли и королевичи многих стран, отцы духовные, дворяне, и купцы, и простые люди, не сумеет ли кто из вас разгадать мне эту мудреную загадку, насчет того, куда мои дочки по ночам ходят и что они там, шальные, делают? Что покрывала-то рвут, казне-то убыток чинят немалый ведь! Кто разгадает, за того отдам любую дочь замуж да полцарства за приданое.

Пока король говорит, самая веселая Королева, смеючись, из-за столбика точеного столь много высунулась, что Скоморох, по верхам глядячи, ее увидел. Началась у них, во время последующих речей, очами переглядка и руками перемашка, словно бы так они разговаривали.

Скоморох. А я тебя вижу.

Королева. Врешь, не видишь.

Скоморох. Ан, вижу.

Королева. И видеть нечего – нас тут нет.

Скоморох. А и врешь – все вы за точеными столбиками прячетесь, вся дюжина.

Показал пальцами.

Королева. У, глазастый! противный!

Скоморох. Один я вижу, все другие уши развесили.

Королева. Миленький, не выдавай!

Скоморох. Ничего, будь спокойна, не выдам.

Королева. Ей-богу не выдашь?

Скоморох. Вот те крест честной!

Королева. Я тебя поцелую в переносицу.

Скоморох. Подари лучше синь кафтан, – мой-то поизносился.

Королева. Ладно.

Скоморох. Да сапожки сафьяновые, – мои-то поистоптались.

Королева. Ладно.

Скоморох. Да шапочку, – моя-то поистрепалась.

Королевна. Ладно, – и будет с тебя, больше не проси.

Скоморох. Ну-к что ж! с меня и будет! много ли скомороху надо! Я не хулиган, я человек хороший.

Меж тем на вопрос короля гости чинно отвечают.

Басурманский король. Запереть их покрепче да приставить к ним евнухов побольше. Если хочешь, брат и друг, я пришлю тебе евнухов очень искусных.

Король. Безобразие противно будет моим дочерям.

Эфиопский королевич. Бей их плетью, пока не признаются.

Король. Бил бы, да то не в нашем обычае.

Татарский хан. Припусти к ним шпионов.

Король. Не хочу заводить в моей земле гнуса.

Американский королевич. Выдай их замуж.

Король. Да не идут.

Зельтерский король. Это у них от глистов, – дай им слабительного.

Король. Глистов у них и в заводе не было.

Архиерей. Отпеть бы в терему молебен, окропить бы опочивальни их высочеств святою водою, окадить бы постели королевен росным ладаном.

Король. На Бога надейся, а сам не плошай. Бог нам не скажет, куда мои дочки ходят, – тут надобен человеческий разум.

Генерал. Так как, по моему рассуждению, у их высочеств есть сообщники, то я полагал бы этих злодеев военным судом повесить.

Шут. Судом повесить, веревкой рассудить, генералы наши умны, годятся в игумны.

Сухопарый лекарь. Дай мне осмотреть королевен, государь, – может быть, я сумею вылечить их от ночных прогулок и лунатизма.

Король. Дочки мои здоровенькие, а тебе, клистирная трубка, смотреть их нечего, да еще как бы не сглазил.

Ярышка (таинственно). Обыскать.

Трудовик (меланхолично). Только заснешь, а они тут как тут.

Король. Резон, но не политика.

Богатый купец. Я так полагаю (поглаживая бороду), что дело это, значит, денежное, и оно, то есть, требует расхода и, например, того, издержек. Оно бы, я так полагаю (поглаживая бороду), можно бы с аукциону подряд сдать, то есть, на поставку, значит, тех и прочих, к кому и куда, значит, оные персоны ходят. Но дабы избежать огласки, то я так полагаю (поглаживая бороду), что оно бы под рукою поспросить сподручнее, и, значит, с вольного торга я бы взялся, можно сказать, себе в убыток, только для королевского удовольствия, за полтора миллиона, значит, (поглаживая бороду), со всем удовольствием.

Шут. У этого дяди пошехонская поговорка, да зато американская складка.

Король. Смотри, купец, кабы у тебя с этих денег мошна не лопнула. Больно ты лаком на мою казну.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Богатый купец. Два процента скостим (поглаживая бороду), – это мы можем.

Король. Скости сто два процента, тогда подумаем.

Богатый купец считает на пальцах и думает.

Юрист. В ночных прогулках их высочеств я не усматриваю состава преступления, а потому полагал бы оставить дело без последствий.

Король. Твоими бы устами да мед пить.

Хулиган. Наплевать!

Король. Ась?

Хулиган. Да ты, король, на это дело плюнь, – пусть ходят, куда хотят.

Король. Проплюешься. Тут что ни плёв – сто рублёв, а то и более.

Богатый купец задумался. Ему кажется, что и за уступкою ста двух процентов подряд выгоден. Он крикает, поглаживая бороду, и хочет согласиться. Но его одергивает

Приказчик (шепчет). Брось, дядя, окромя убытков других прибытков не предвидится.

Богатый купец. Врешь?

Приказчик. Как перед Истинным!

Ласковая старушка. И я их выпрошу, и я их вымолю, и они мне скажут.

Король. Больно ты ласкова, бабушка, да ин беда – не скажут они тебе, не таковские.

Юный поэт. Все диалоги, которые мы выслушали, являют собою точный символ извечной антиномии.

Шут. А ты антимоний не разводи, говори прямо.

Юный поэт. Скажу кратко – никто не берется узнать, где бывают в таинственные ночные часы королевны, – я это узнаю.

Король. Ладно, узнай. Не узнаешь в три ночи – на третье утро повешу. А узнаешь – твое счастье, – любую королевну бери замуж, а приданое дам, как обещал, от своего слова не попячусь. Только смотри, парень, не сдуру ли ты расхвастался? Лучше откажись, пока не поздно.

Шут. У нас петли мягкие, пеньковые, а вешальщики опытные.

Юный поэт. Мы, мудрецы и поэты, хранители и провозвестники древнего обетования о преображении святой плоти, мы не даем пустых обещаний. Я сказал – я сделаю.

Король. Ну, сам смотри. В петле невесело будет, так на меня не пеняй. Милые гости, не обессудьте на моей хлеб-соли, а потчевать больше нечем.

Гости и Гости вылезают из-за столов, кланяются королю и благодарят его. Король Политовский уходит, после него и все, кто куда, по чинам. Юный поэт остался один и размышляет.

Юный поэт. Тщетно гордость, хулиган ума, говорит мне: «Наплевать!» – благоразумие покачивает своим вязаным колпаком и спрашивает: «Что ты наделал?» и печаль моей души проснулась в своем алькове, – ах, милые альковы! – и, зевая, рыдает: «Увы, увы, увы!», свинья – печаль!

Печаль юного поэта (внезапно являясь, свирепо). Сам свинья! И никакого нет алькова, а вот ты попляши.

Исчезла так же внезапно, как и появилась.

Юный поэт. Что я наделал? Взглянул узнать, а сам ничего не ведаю. Если не узнаю, ведь король меня повесит. А это – очень неприятное положение. Или состояние? Положение – горизонтальное, состояние – вертикальное, а висеть? Не знаю. В моем мозгу, – кажется, это точно? – сложились два стиха:

Когда меня повесят,
То чем меня утешат?
Виселицу украсят?
Но я не буду видеть.
Все девушки заплачут?
Но я не буду слышать.
Вот, даже шесть стихов. Кажется, это не плагиат? Впрочем, ведь я живу в доисторические времена, сказочные, когда, по меткому выражению Некрасова,

Свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо.
Все поэты, которым я мог бы подражать, будут жить после меня. Неприятное положение. Или состояние?

Стоит – раскручинился, пригорюнился.

Намалеванный старик. Не сойти ли мне с картины? Не утешить ли мне малого?

Кряхтит и лезет из рамы.

Юный поэт (в восторге). Вот – торжество искусства.

Знаток искусства (вдруг явившись). Это – фотография. Искусства здесь нет.

Впрочем, его уже и нет на сцене.

Малявинские бабы. А мы споем, пока старик вылезает. (Поют громко и пляшут шибко.)

Горка ты горка,
Горушка крутая,
Травка шелковая!
Да по той ли горке
Мил удалый ходит,
Во скрипку играет,
Короля потешает.
Послушайте, люди,
Что в городе бают:
Парней продавают.
Купцы закупают,
Девять на денежку,
Десятого в придачу.
Намалеванный старик. О чем, добрый молодец, призадумался?

Юный поэт. Как мне, дедушка, не призадуматься? Взглянул я для короля проведать, куда его дочери по ночам уходят, а сам ничего не ведаю.

Намалеванный старик. Да, это дело трудное! Только узнать можно. Вот тебе шапка-невидимка, с нею чего не высмотришь! Да помни: как будешь спать ложиться, королевны подадут тебе сонных капель испить; а ты повернись к стене и вылей в постель, а пить не моги.

Юный поэт. Да ведь они увидят.

Намалеванный старик. А ты им глаза отведи.

Юный поэт. А как же отвести им глаза?

Намалеванный старик. А ты посмотри на потолок да и зачитай грустным голосом стихи:

Выхожу один я на дорогу.

Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно.
Спит земля в сияньи голубом.
Девки – дуры, тоже засмотрятся, на потолке звезды увидят.

Юный поэт. Да увидят ли?

Намалеванный старик. Верь в магию слов, и они поверят словам.

Юный поэт. Спасибо тебе, дедушка.

Старик лезет на прежнее место, Юный поэт его подсаживает, и тут первому действию конец.

Действие второе

В терему опочивальни двенадцати королевен, одна за другою, разделенные арками; рядом, за стеною, – малая коморка с одною кроватью для Юного поэта. В стене между коморкою и королевниными опочивальнями – дырка малая, проверчена буравчиком. Королевы, в длинных ночных одеждах, смотрят в окно.

Королевы. Вот идет наш страж.

Смеются, словно колокольчики звенят.

Королевы.

- И он ничего не узнает.
- А не открыться ли ему?
- Он – прекрасный, – говорит самая прекрасная.
- Он – белый, – говорит самая тонкая.
- Он – румяный, – говорит самая здоровая.
- Он – стройный, – говорит самая стройная.
- Он – мудрый, – говорит самая умная.
- Он – хитрый, – говорит самая искусная.
- Он – добрый, – говорит самая добрая.
- Он – ласковый, – говорит самая нежная.
- Он – веселый, – говорит самая смешливая.
- Он – смелый, – говорит самая бойкая.
- Он – сильный, – говорит самая сильная.
- Он – гордый, – говорит самая надменная.
- Хорош-то он хорош, но и он, как все.
- Выберет одну из нас в жены.
- Будет царить в своем уделе.
- Будет угождать людям.
- Будет славить земные очарования.
- Не пустит избранницы своей ни к другому человеку, ни к заклятому царю.

– Нет, утаимся от него.

– Опоим его сонным зелием.

Смеются, как бубенчики бренчат.

Юный поэт (входит в комнату малую). Время к ночи подходит, – (бормочет он), – летит на серых крыльях. Летучая мышь, взмахами мягких крыльев отсчитывая миги, – о миги! миги! – мечется туда и сюда и засыпает вниз головою. Но я не засну. Вот моя кровать, и над нею скважина, – я повертел ее буравчиком. И мой взор острее буравчика.

Взоры, как у мальчика,
Острее буравчика.

Королевны в начале его речи ушли за сонным зелием. Осталась одна – сидит на кровати и, улыбаясь, прислушивается. Потом остальные Королевны вернулись. У одной в руках кубок. Идут одна за другою в дверь к Юному поэту, та, что с кубком, сзади всех. Каждая королева, входя, кланяется поэту и говорит, каждая со свойственною ее характеру интонациею.

Королевны.

– Здравствуй, милый поэт.

– Здравствуй, прекрасный поэт.

– Здравствуй, синеокий поэт.

– Здравствуй, русокудрый поэт.

– Здравствуй, мудрый поэт.

– Здравствуй, хитрый поэт.

– Здравствуй, добрый поэт.

– Здравствуй, веселый поэт.

– Здравствуй, ласковый поэт.

– Здравствуй, отважный поэт.

– Здравствуй, могучий поэт.

– Здравствуй, надменный поэт.

Юный поэт (кланяется каждой отдельно и отвечает каждой).

– Здравствуй, милая королева.

– Здравствуй, прекрасная королева.

– Здравствуй, черноокая королева.

– Здравствуй, чернокудрая королева.

– Здравствуй, мудрая королева.

– Здравствуй, хитрая королева.

– Здравствуй, милостивая королева.

– Здравствуй, веселая королева.

– Здравствуй, нежная королева.

– Здравствуй, смелая королева.

– Здравствуй, могучая королева.

– Здравствуй, гордая королева.

Королевы встали в ряд и смеются, словно гусельки гудят. Юный поэт стоит перед ними и делает улыбку за улыбкою, перемежая их спокойным выражением лица.

Королевы (переглядываются и говорят одна другой).

– Угостим поэта вином!

– Угостим.

– Пусть выпьет за наше здоровье.

Приближается к Юному поэту одна королева с бокалом и говорит.

Королева. Милый поэт, выпей это вино за наше здоровье и пожелай нам чего сумеешь и как сумеешь.

Юный поэт (берет бокал). Охотно выпью за ваше здоровье, милостивые и ласковые королевы. И от всей души желаю вам счастья столько же полного и широкого, сколь полон и широк дивный круг ваших совершенств, и столь же высокого, как эти звезды – (поднимает бокал), – там, в недостижимом небе, там, смотрите, где звезда с звездой говорит, где в небесах торжественно и чудно.

Королевы (смотрят вверх и повторяют в тихом восторге все вместе).

– Звезда с звездой говорит!

– В небесах торжественно и чудно.

В это время Юный поэт выливает вино в свою постель.

Королевы (уходя одна за другою, говорят).

– Покойной ночи, поэт!

Юный поэт (отвечает каждой). Покойной ночи, королева.

Королевы (вернулись к себе. Говорят тихо).

– Мы смотрели на звезды, которых не было видно.

– Над нами был только потолок.

– Но мы видели, как в небесах торжественно и чудно.

– Мы слышали, как звезда с звездой говорит.

– Поэт очаровал нас только словами.

– Магиею слов.

– А разве мы не учили этих слов в нашей хрестоматии?

– Но хорошо, что он выпил вино.

– А если не выпил?

– Нет, выпил.

– Он спит.

– Подождем, пока он заснет совсем крепко.

Королевы ложатся в свои постели. Поэт тоже. Тихо и темно. Юный поэт

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
подсматривает. По опочивальням ходят Сны и навязываются королевнам и Юному поэту.

Сны.

- Возьми меня на эту ночь.
- А ты меня.
- Или меня.
- Я – мирный сон.
- Я – безмятежный сон.
- Я – веселый сон.
- Я – страшный.
- Я – вещей.
- Я – крепкий.
- Я – глубокий.
- А я – кошмар, – хорошенький, цепкий уродец.

Королевны и Юный поэт (отгоняют Сны и говорят им тихо).

- Не надо.
- Не хочу.
- Уйди.
- Не пущу.
- Иди к больным.
- Иди к усталым.
- Иди к печальным.
- Иди к умирающим.

Одна Королевна (встала, тихо говорит). Сестры, пора.

Королевны.

- Пора.
- А он?
- Надо войти к нему.
- Не всем.
- Пусть одна.
- Кто пойдет?
- Я, – говорит самая бойкая.

И пошла к Юному поэту, тихохонько. У двери постояла, послушала, отворила дверь медленно и вошла к поэту. Юный поэт лег спокойно.

Королевна (тихо шепчет ему). Милый поэт, ты спишь? Ты спишь в такую прекрасную ночь? Ты спишь в тот час, когда я пришла к тебе? Взгляни, – я красивая девушка,

у меня голые, стройные руки. Все спят, только я одна не сплю, потому что я хочу, чтобы ты сказал мне ласковые слова. Я молодая и красивая девушка, у меня голые, белые плечи, и стопы ног моих обнажены, я печальна, я томлюсь странною тоскою. Многие говорили мне, что они меня любят, и они были молодые, прекрасные и знатные, но я не верю их любви. И сердце говорит мне, что еще никто меня не любил... Или я много сказала? Ты все-таки спишь? О глупый поэт!

Слушает. Юный поэт лежит молча и неподвижно.

Королевна (возвращается к сестрам). Он спит, – (говорит она им тихо), – спит крепко.

– Он не скоро проснется, – говорят другие Королевы и смеются тихо, как былинки шелестят.

– Пора, сестрицы, пора!

– Заклятой царь ждет нас!

– И его милые гости.

– И его милые гости.

– Надо взглянуть.

Юный поэт подсматривает. Королевы надевают шитые покрывала. На постелях оставляют свои подобия. Мудрейшая из Королевы отодвинула высокое изголовье своей кровати. Открылся ход. Королевы уходят одна за другою.

Юный поэт надевает шапку-невидимку и крадет за ними. Все ушли, и только на королевных кроватях остались неживые подобия спящих девушек. Становится темно. Потом сцена преобразается в освещенную лунным светом палату в подземном царстве закланного царя. Слышен голос:

Все цветы раскрыли глазки.
Рейте, вейте в легкой пляске,
Зачинайте ласки-сказки,
Забывайте сон дневной.
Там, под солнцем, только маски,
Здесь развязаны завязки,
Святы лики, сняты маски,
Все святое предо мной.
Рейте, сестры, в легкой пляске,
С нами вместе пляшут сказки
Под волшебницей луной.
Царевны пляшут. Тем второе действие и кончается.

Действие третье

Та же палата, что в первом действии. На высочайшем месте за столом король Политовский, от сна восстав, вкушает пития прохладные. Позади его стоят слуги ближние, про дела домашние докладывают с усердием. А внизу за столами бояре сидят, мед, пиво пьют и о чем-то думают, и у всех большие бороды. А у дверей стоят Шут и слуги. Входит из сеней Юный поэт, останавливается перед высоким местом, королю челом бьет.

Юный поэт. Здравствуй, король.

Вид у поэта очень гордый, и он кажется именинником.

Король. Уследил ты моих дочерей?

Юный поэт. Обещал – и сделал. Король, я уследил прекрасных королевен.

Король. Куда же они ходят?

Юный поэт. Прекрасные королевны ходят в подземное царство к закланному королю, всю ночь там танцуют, исполняют танцы в стиле знаменитой Айседоры Дункан под

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
музыку великих композиторов разных времен и народов.

Король. Верные слуги, позовите моих дочерей!

Слуги. Королевы сами идут.

Король ждет, пьет мед и поэта потчует. Королевы вошли в сени. Засматривают в чертоги тихо переговариваются.

Королевы.

– А Юный поэт уже там.

– С нашим отцом сидит.

– Батюшка наш с ним ласков.

– Но он же не был с нами!

– Мы его там не видели!

– Когда мы спускались по лестнице, мне показалось, что кто-то наступил на мое платье, – говорит самая хитрая, – это примета была плохая, она вещала нам беду.

– Полно, ничего не будет, – говорит самая смелая, – просто ты зацепила платьем за какой-нибудь гвоздь.

– Когда мы шли по той роще, где цветут золотые цветы, – говорит самая чуткая, – слышалось мне, что вся роща зашумела.

– Так бывает в той роще, – говорит самая зоркая, – когда сломят один цветок.

– В царстве заклётого царя все едино, – говорит самая мудрая, – страдание и ущерб в одном чувствуется всем живым в этом царстве.

– Ах, сестрицы, – говорит самая робкая, – это что-то недоброе нам сулило.

– Не бойтесь, – говорит самая беззаботная, – это у заклётого царя в чертогах музыка гремела, а не роща шумела.

Входят одна за другою в чертог.

Каждая Королева (отдельно низко кланяется королю, целует его руку и говорит). Здравствуй, милый батюшка наш король, с добрым утром... Как почивать изволил, какие сны тебе, батюшка, снились, и изволишь ли ты быть в добром здоровье?

Король целует каждую нежно в уста сахарные, треплет ласково по румяной щечке и милостиво отвечает каждой в особину.

Король. Здравствуй, милая дочка, прекрасная моя королева. Почивал я крепко, сны видел хорошие, как ты, моя красная ягодка, с могучим и славным королевичем венчался. Встал я весел и радостен, и здоровьем, по Божьей милости, крепок. А ты, ясочка моя ненаглядная, как почивать изволила, какие сны тебе, моей голубушке, снились, да и встала ли ты веселехонька, да и живешь ли ты здоровехонька?

Королева (каждая королю так ответ держит, низко кланяючись и отцову руку во второй раз целуючи). Благодарствую тебя, милый батюшка, на добром слове. Спала я крепко, на котором боку заснула, на том и проснулась, во всю долгую ноченьку ни разу не ворохнулась. А сны я видела все веселые, как тебе, батюшка, Бог дал победу над супостатами, королями чужими и над здешними крамольниками, как по улицам флаги развесили, народ бежит, ура кричит, в ладоши хлопает. А встала я, млада красна девица, веселехонька, а живу я, млада красна девица, по Божьей милости и для твоей родительской радости, здоровехонька.

Так одна по одной отходят от короля, садятся на свои места и пьют китайский чай со сладким сахаром внакладку, Выборгским кренделем закусывают.

Король (пьет мед и дочерей допрашивает). А куда вы, дочки, нонче ночью ходили? А где вы, богоданные дочки, ночью нонче были?

Королевны.

– Мы никуда не ходили, – говорят враз шестеро.

– Нонче ночью, – прибавляет одна из них.

– Мы нигде не были, – говорят враз другие шестеро.

– Ночью нонче, – прибавляет одна из них.

Король. А у заклятого царя не были? Вот Юный поэт на вас показывает, уличить вас хочет, говорит – всю ночь вы плясали очень весело и вприсядку, и по-всякому.

Королевны.

– Где же ему, батюшка, уличить нас, когда он всю ночь мертвым сном проспал!

– Он все это во сне видел.

– Рядом с молодыми девушками снятся веселые сны.

– Как не присниться веселым пляскам, когда за стенкой девушки о своих секретах шепчутся!

Смеются, словно стеклышки звенят.

Король (с удивлением). Вот так девушки у меня выросли! Смеются, им и горюшка мало.

Юный поэт. Фряжская пословица в русском переводе говорит: смеется хорошо, кто смеется последний.

Старый боярин. Пословица не мимо молвится.

Другой. Пословица до веку не сломится.

Шут. Глупая речь – не пословица.

Король. Однако, поэт, чем же ты докажешь, что они там были?

Юный поэт. Королевны хотели опоить меня сонным зелием, но я отвел им глаза и вылил сонное зелие в мою постель.

Королевны.

– Он нас обманул!

– И поэты лгут!

– Поэты лгут, как все!

– Тьмы низких истин им дороже их возвышающий обман.

Юный поэт. Я шел за ними, а они меня не видели, – на мне была шапка-невидимка.

Вынимает шапку-невидимку и демонстрирует ее, надевая и опять снимая. Слышны возгласы удивления.

Шут (завистливо). Фокус!

Поэт (презрительно). Шут, в этой драме ты играешь самую скучную роль. Никто не смеется твоим шутностям.

Шут (сердито). Я не шучу. Я – королевский шут и говорю серьезно.

Королевы.

- Какое искусство – сделаться ничтожным!
- Искусство, полезное для шпиона!
- Поэт, воображающий, что ты – тайновидец, ты – только шпион.
- Ты – тема для юмористического стихотворения.
- И для пародии.
- И для самой неприятной пародии – дружеской.

Юный поэт. Я шел за королевами. Куда они, туда и я, как нитка за иголкой.

Королевы (смеючись, точно птенчики щебечучи).

- Старо!
- Неостроумно!

Юный поэт. Мы вошли в потайной ход за кроватью мудрейшей из королевен. Когда мы проходили в той роще подземного царства, где растут золотые цветы, я сорвал один цветок. Вот он.

Вынимает из кармана золотой цветок. Цветок благоухает.

Юный поэт. Вот и улика налицо – цветок, вынесенный из подземного царства заклятого царя, – золотой цветок.

Бояре и слуги. Золотой цветок!

Юный поэт. Благоуханный цветок!

Бояре и слуги. Как хорошо пахнет этот цветок!

Юный поэт. Виданы ли на земле такие цветы?

Бояре и слуги.

- На земле нет таких цветов.
- И не может быть.

Королевы.

- Злой поэт! – он погубил одно из прекраснейших цветений в царстве заклятого царя.
- Он оторвал этот цветок от родной почвы таинственного края.
- Из мира сладкой сказки он вынес его в свет земного дня!
- Чтобы любовались им равнодушные люди.
- И скучные эстеты.

Критик. Да, цветок этот представляет творение высокого искусства. Лепестки его отчеканены так строго, что кажется, что он благоухает. Вечный аромат творимой красоты исходит от него.

Юный поэт. Вслед за королевами пришел я во дворец заклятого царя. Пышность и красота этих чертогов превосходит все, что может дать самое изысканное и богатое воображение. Я еще не успел найти всех слов, достаточно великолепных и редких, которыми можно было бы передать обаяние этих чертогов. Описание их составит тему моей особой поэмы. Теперь же буду краток.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Король. Да, друг, говори покороче, будет лучше.

Королевы печально смеются, словно в речке струйки плещутся.

Юный поэт. Сам закланной царь со своими придворными, – о, великолепие одежд! о, красота лиц! о, прелесть движений! – встретил прекрасных королевен. И казалось мне, что красота и прелесть их умножились весьма, – не дивно ли это?

Бояре и слуги.

– Дивно!

– Уж и так они красивы.

– Куда еще краше!

– Глазам не вынести такой красоты.

Юный поэт. Заиграла музыка, – о, дивное очарование звуков! – и все, широким и свободным кругом, понеслись в легком танце, и я со всеми, невидимый, прекрасный, стройный и легкий.

Королевы смеются, словно жемчужинки раскатились.

Юный поэт. Велел царь вино разливать и гостям разносить. Я, юный, и прекрасный, и невидимый вами, смеющийся, чем бы плакать, королевны, взял с подноса один бокал, вино выпил, а бокал в карман сунул. Вот и другая улика.

Вынимает из кармана золотой кубок.

Бояре и слуги.

– Сияющий бокал!

– Что написано на нем?

– Буквы сияют, как пожары!

Королевы.

– Взял бокал, а знаешь ли его повеление?

– Прочитал ли его начертание?

– Или только теперь разберешь, по складам, его сияющую надпись?

Юный поэт. Вы опять устремились в пляшущий круг, после слов закланного царя:

Все цветы раскрыли глазки.

Рейте, вейте в легкой пляске,

Зачинайте ласки-сказки,

Забывайте сон дневной.

Там, под солнцем, только маски,

Здесь развязаны завязки,

Святы лики, сняты маски,

Все святое предо мной.

Рейте, сестры, в легкой пляске,

С нами вместе пляшут сказки

Под волшебницей луной.

Вы плясали, а я стоял. Мне казалось, что царь еще не кончил и хочет говорить. Я стоял перед ним под серой шапкой-невидимкой и глядел прямо в его неизъяснимо-глубокие очи, и он сказал мне:

А ты, пришедший невидимо,

Земные возлюбивший дни,

Ищи меня неутомимо

И в сердце грусть мою замкни.

И если память позабудет

(Цветы земные – из тафты),
Тебе цветов мой вечно будет
Напоминать, что видел ты.
И если б сердце замолчало
(Там диадемы – только жемчуг),
Напомнят блеск и звон бокала
Тебе таинственную весть.
Покинув царство зачатое,
Не верь святыне злого дня,
И начертанье золотое
Читай всегда: «Люби Меня!»
Королевы (повторяют). Люби Меня! (Смотрят одна на другую и говорят.)

– Что же нам делать?

– Сознаемся?

– Да, признаемся.

– Теперь уже нельзя не признаться. (Отцу.)

– Поэт сказал правду. (Поэту.)

– Ты прочитал начертание золотого кубка.

– Но, поэт, понял ли ты его? – спрашивает самая добрая.

– Поймешь ли его когда-нибудь? – спрашивает самая мудрая.

– Но сохрани его, поэт!

– Передай новым поколениям этот золотой цветок и этот кубок с начертанием вечной заповеди.

Король. Повелеваю вам, верные слуги, засыпать потайной ход в подземное царство зачатого царя.

Слуги. Исполним, ваше величество.

Король. А ты, поэт, выбирай из моих дочерей себе в жены, какая полюбится. Вот они проходят перед тобою.

Королевы послушны, идут одна за другою перед юным поэтом.

Король (приговаривает).

– Вот эта – самая красивая.

– А эта – самая румяная.

– А эта – самая белая.

– А эта – самая добрая.

– А эта – самая нежная.

– А эта – самая ласковая.

– А эта – самая милая.

– А эта – самая послушная.

– А эта – самая веселая.

– А эта – самая грамотная.

– А эта – самая мудрая.

– А эта – самая хитрая.

Все королевны прошли и сели допивать свой чай внакладку.

Король (Юного поэта спрашивает). Которую же выберешь себе в жены?

Юный поэт. Я выбираю себе в жены ту, которая по нраву поэтам наших дней.

Выбирает, какую хочет.

Король. У меня не вино курить, не пиво варить, не приданое шить, – все готово. Сейчас же честным пирком да и за свадебку.

Начинается великое ликование, а всей сказке тут пришел конец.

<1908>

Ванька ключник и паж Жеан
Драма в тринадцати двойных сценах
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь.

Княгиня.

Ванька.

Старый слуга.

Девка-чернавка.

Кабацкие женки.

Пьяницы.

Княжеские слуги.

Поганый татарин.

Граф.

Графиня.

Жеан.

Агобард, дворецкий.

Раймонда, служанка.

Скворец.

Веселые девицы.

Пажи.

Графские слуги.

Первая картина

Широкий княжеский двор. Толпится всякая челядь княжеская – князя ждут. Князь выходит на крыльцо, с ним княгиня. Все им низко кланяются, а они величаются. Из толпы проталкивается Ванька. Кланяется князю в ноги и говорит.

Ванька. Здравствуй, князь с молодой княгинею, на многая лета!

Князь. Откуль тебя, молодец, к нам занесло?

Ванька. Жил-был я у батюшки единый сын; во дрекушке был у матушки, и во любви

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
был у батюшки. Охвоч-то я был, молодец, гулять-загуливать, долгие вечера прохаживать, темные ноченьки проезживать. Стрелял гусей, лебедей, стрелял сероплавных утешек. Да женил меня батюшка неволею, неохотою, приданого много, человек худой.

Князь. Вестимо – приданое большое на грядке висит, худая жена на кровати лежит.

Ванька. Пошел я, молодец, от худой жены да неудачливой из земли в землю, попал я, молодец, к тебе на княжеский дворец. Бью челом, да поклоняюсь, сам тебе, князь, да во служение даваюсь.

Кланяется в ноги.

Князь. А служить-то верно ли станешь?

Ванька. Служить я стану верою-правдою, в очью, заочью неизменной.

Князь. А и живи ты у меня, молодец, в конюхах.

Ванька. На том бью челом. Много доволен твоею княжескою милостью. Дай Бог тебе доброго здоровья и с молодою княгинею на многая лета.

Кланяется в ноги.

Двор графского замка. На дворе слуги и пажи. Выходят на крыльцо граф и графиня. Все им низко кланяются, а они милостиво отвечают на поклоны. Из толпы выступает Жеан. Склоняет колени перед графом и говорит.

Жеан. Милостивый господин мой граф и милостивая графиня, будьте благосклонны ко мне, бедному отроку, сыну благородных и благочестивых родителей.

Граф. Прекрасный отрок, кто ты и откуда?

Жеан. Имя мое Жеан, прозвище – Милый. Родом я из Гогенау. Отец мой – старый воин и верный ваш вассал, Роберт Сокол. Отец научил меня владеть оружием, от матери выучился я играть на лютне и петь забавные и приятные для дам и девиц песни, а добрый монах обители в Гогенау, брат Фома, не жалел трудов и розог, чтобы обучить меня чтению и письму. Родители послали меня в свет, чтобы я поступил на службу к одному из знатных господ, – и вот я склоняюсь к ногам вашим, милостивейший господин мой граф, и умоляю вас принять меня на службу. Обещаю служить вам верно и усердно, всею крепостью моих сил и моего разума, и даже не жалея самой моей жизни для пользы и выгод моего господина и его любезной и прекрасной супруги, прелести которой сияют, подобно солнцу, если возможно одному солнцу сиять при другом, еще более блистательном.

Граф. Мальчишка болтает неплохо и кланяется-таки усердно.

Графиня. Мне кажется, что из него выйдет хороший паж.

Граф. Посмотрим. А пока пусть послужит под рукою нашего конюшего Адальберта.

Жеан. Да благословит вас Господь победами и славою, милостивый граф. Да благословит вас Господь счастьем и любовью, милостивая графиня.

Кланяется низко и целует полу графского плаща и край графинина платья.

Вторая картина

Светлица в княжеском доме. Князь и княгиня с сидят одни.

Князь. Свет моя княгинюшка, душа Аннушка, а кто тебе хорош, кто пригож?

Княгиня. Ты хорош, ты пригож. Ты мне милей красна солнышка, ясна месяца. Из князей, из бояр, из торговых гостей, из простых людей никто с тобой, свет мой, не сравняется силой-удалью молодецкою. А и очи у тебя соколиные, а и брови у тебя соболиные, а и кудри твои черней темной ноченьки рассыпаются. А и мудрее тебя никто не сыщется, – слово скажешь – рублем подаришь.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Князь (самодовольно). Да уж я, вестимо. Уж меня взять. (Целуются.) А из дворни кто хорош, кого жаловать?

Княгиня. А из дворни хорош Ванька-конюх. И он год у нас жил, вина горького не пивал, сладким медом не закусывал.

Князь. А и быть Ваньке ключником. (Кричит.) Ванька!

За сценой слышны крики.

– Ванька, Ванька!

– Где Ванька?

– Князь Ваньку кличет.

– Беги, пострел, за Ванькой скорейча.

– Ванька!

– И где он, леший, запропал?

– Ванька, черт, леший, шевелись, колода дубовая, князь тебя зовет.

– Иди, пентюх неколоченый, – князь дожидается, шибко гневается.

– Дай ему туза, чтобы шибче бежал.

– Беги, беги, Ванька, закатывай, – князь тебя из собственных рук пожалует.

– Ну, чего мнешься, – иди!

– Иди, иди!

Кто-то вталкивает Ваньку в светлицу. Ванька влетает, бухает в ноги. Поднимается, встряхивает волосами и вторично кланяется в ноги степенно.

Ванька. Я, значит, тутотки, Ванька, значит.

Князь. Ай гладок ты, Ванька. Бог тебя, молодца, милует, а я, князь, тебя крепко жалую: вынимаю тебя из конюхов, кладываю тебя, добра молодца, в ключники.

Ванька. На том тебе, князь с молодой княгинею, много благодарствую. (Кланяется в ноги.) Пожалуйте ручку. (Целует князю руку.) Государыня княгиня, пожалуйста ручку. (Целует княгине руку.)

Князь. Ты, Ванька, смотри, не своруй, береги наше добро пуце своего живота.

Ванька. Уж это как есть, на том стоим.

Кланяется в ноги.

Князь. А и своруюшь ты, Ванька, велю драть без милосердия, а потом нещадно повешу.

Ванька. Уж это как есть, такое дело.

Кланяется в ноги.

Князь. А и будешь ты верен, Ванька, я тебя много пожалую.

Ванька. Твоей милости, князь, рад служить, это что и говорить.

Кланяется в ноги.

Князь. А теперь, Ванька, иди.

Ванька. Будь здоров, князь с молодой княгинею, на многая лета, а я тебе верный

слуга.

Кланяется в ноги, уходит и сплевывает.

Княгиня. Обходительный молодец.

Князь. Я на него в надежде, что не сворует.

Княгиня. Он не такой, не сворует.

Князь и княгиня целуются.

Комната в графском замке. Граф и графиня сидят одни.

Граф. Свет моих очей, душа моей души, милая моя Жанна, кто люб тебе на этом свете?

Графиня. Возлюбленный мой господин, когда я жила дома, милее всех на свете были мои милые родители. Но ведь тебя тогда я еще не знала.

Граф (улыбаясь). А потом?

Графиня (кокетливо). А также моя старенькая няня. Но ведь тебя тогда я не знала.

Граф. А потом?

Графиня. Я видела много прекрасных и доблестных рыцарей, но ты, мой возлюбленный повелитель, всех прекраснее и доблестнее. Твоя грудь шире, чем грудь рыцаря Ромуальда из Нормандии, победителя на одиннадцати турнирах. Твой голос звучнее, чем голос Руанского соборного пономаря. А твои ласки пламеннее и слаще...

Краснеет и умолкает. Граф самодовольно крутит ус. Графиня робко смотрит на него и радостно улыбается.

Граф. Хочу твоим именем наградить того из слуг, кто усердием заслужил твою милость.

Графиня. Мальчишка Жан, который служит на конюшне, так усерден, что забавно смотреть на него. Дует и плюет на мое стремя и трет его рукавом, чтобы оно блестело, как червонное золото.

Граф. Быть Жану пажом.

Звенит кинжалом о подножие канделябра. Входит старый дворецкий Агобард.

Граф. Старый хрен Агобард, призови-ка ты к нам Жеана, мальчишку с конюшни, того, смазливового, что кличут Милым. Да пусть приоденется и помоется, чтобы не пахло от него здесь тем, чем не надо.

Агобард. А мальчишка Жан тут как тут – сам пришел принаряженный и свои светлые кудри расчесал волос к волосу.

Граф. А! Что ему надо?

Агобард. Да так, глупости. Милостивая госпожа и смотреть не захочет.

Графиня. А что такое, милый Агобард?

Граф. Любопытная дочь Евы.

Агобард. Сущие глупости. Уж я его гнал, да просится очень жалобно. Скворца, слышь, поймал, посадил в клетку да научил его кое-какие слова болтать, хочет поднести милостивой госпоже. Право, такие глупости!

Графиня (радостно). Это презабавно! Агобард, милый старый хрен, зови его сюда скорее, и пусть несет скворца.

Агобард (ворча, открывает дверь и кричит). Эй, ты, мальчишка, иди-ка сюда. Да кланяйся ниже, неотесанный неуч!

Жеан входит, низко кланяется, подходит к графу и графине и становится перед графинею на колени. В руке его клетка, в клетке скворец.

Скворец (кричит). Многая лета!

Граф хохочет громоподобно. Графиня заливается детски-веселым смехом. Смеются и Жеан, и Агобард.

Жеан (когда смех несколько затих). Милостивая госпожа...

Скворец (кричит). Граф грозен врагам!

Опять смеются все. Граф и графиня сидя на своих высоких креслах, Агобард стоя у двери, и Жеан на коленях перед графинею. Смеются долго. Когда смех затихает, опять говорит.

Жеан. Милостивая госпожа, соблаговолите принять эту ничтожную дань от усерднейшего, хотя и меньшего из слуг ваших.

Скворец (кричит). Прекрасная графиня!

Все опять смеются по-прежнему.

Графиня. Спасибо, Жеан Милый, твой подарок очень мне нравится. Скворец будет висеть в той комнате, где я вышиваю.

Граф. Ты ловок, Жеан Милый. Из тебя будет, вижу, толк. Увольняю тебя от службы под рукою конюшего нашего Адальберта и ставлю тебя нашим пажом. Паж Бернар из мальчишек вырос и уже стал бегать за девочками. Пора ему быть оруженосцем. А ты вместо него будешь служить за столом возлюбленной моей супруге, графине Жеанне.

Жеан радостно кланяется графу в ноги.

Агобард (ворчит). Большая, большая честь мальчишке! Мог бы и пониже за столом стоять – много и постарше его есть пажей.

Граф (смеется). Старый хрен разворчался. Ну а ты, мальчишка, смотри у меня, служи усердно.

Жеан. Милостивый граф, верность моя не знает предела, и мое усердие спорит с моею верностью о том, кто из двух пламеннее и сильнее.

Целует протянутые ему милостиво руки графа и графини.

Граф. Смотри, чтобы графинины тарелки были еще чище, чем ее золоченое стремя. Только не дуй и не плюй на них.

Граф и графиня смеются. Жеан краснеет.

Граф. Старый хрен Агобард научит тебя всем порядкам, как и что. Ты его слушайся да держи ухо востро, а то у меня расправа коротка.

Жеан. Где гнев, там и милость. А если в чем провинюсь, милостивый господин, то ведь порядок всем нам ведом. Наш брат без того не живет, чтобы когда не побили.

Граф. А за верность и усердие будешь награждаем.

Графиня (ласково). Много награждаем.

Жеан. Не для наград, за честь и за совесть служить буду.

Кланяется низко.

Граф. А теперь, мальчуган, иди.

Жеан кланяется низко, поднимается и отходит. Графиня нежно смотрит на мужа, положив руку на его колено. Говорит ласково.

Графиня. Жеан, подойди-ка. (Графу). Можно?

Граф молча кивает головою. Жеан подходит и кланяется.

Графиня. Жеан, от тебя не очень пахнет конюшней?

Жеан. Милостивая госпожа, я выкупался в речке. Потом твоя служанка, которая очень красива, хотя обладает только сотою долею красоты твоей, юная Раймонда, плеснула в ковш сколько-то капель розового масла и эту воду вытерла все мое тело, от шеи до пяток.

Графиня. Добрая Раймонда!

Смеется. Граф хохочет, Жеан краснеет.

Агобард (ворчит). Эту Раймонду и мальчишку, обоих бы плетью.

Графиня. Ну, ну, старый хрен, не ворчи. Жеан, если ты такой душистый, так подойди ко мне совсем близко. За скворца я хочу поцеловать тебя в твои алые губы. (Графу.) Можно, милый мой господин?

Граф. Тебе-то можно, милая моя Жеанна. Ты – моя верная женка.

Агобард (ворчит). Большая, большая честь такому мальчишке. Я бы его и с Раймондою вместе...

Жеан (низко кланяясь). Милостивая графиня награждает меня выше заслуг.

Подходит близко. Графиня берет его левою рукою за шею, правую за подбородок, смеется и целует его в губы так нежно, что Жеан багряно краснеет. Граф хохочет.

Графиня (нежно). За скворца.

Скворец (кричит). Многая лета!

Жеан кланяется низко, стыдливо закрывается рукавом и убегает. Граф хохочет.

Граф. Мальчишка услужливый и ловкий.

Графиня. Говорят, он поет искусно.

Граф. Старый хрен, смотри за ним построже. Толк из него выйдет. Да смотри, чтобы он обучался биться, как надлежит воину, и крепко знал все, что к конному и пешему бою принадлежит.

Графиня (вздыхая, шепчет). Битвы да раны. Кого убьют, кого искалечат.

Граф. Долгий мир люб лишь бабам да трусам.

Агобард уходит. Граф и графиня целуются.

Третья картина

Сад при княжеском доме, княгиня ходит, цветы нюхает, на Ваньку поглядывает. Ванька похаживает близко, охорашивается и посвистывает.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька (подходит). Чего изволишь, княгиня?

Княгиня смеется и заигрывает. Ванька кобянится.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня. Что-то мне нонича жарко, Ванька.

Ванька. Скинь сарафан, княгиня.

Княгиня. Гы-ы!

Ванька заигрывает. Княгиня кобянится.

Княгиня. Да ну ты к лешему!

Ванька. Гы-ы!

Отходит и кобянится.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня. Что-то у меня, Ванька, на закукорках чешется, промежду лопаток зудит.

Ванька. Стань, княгиня, к березе, почешись, княгиня, о березу спиной.

Княгиня смеется и заигрывает. Ванька кобянится.

Ванька. Княгиня, а княгиня!

Княгиня. Чего тебе, Ванька?

Ванька. Стань ко мне поближе, я тебя по спине кулаком огрею, чтобы не чесалось.

Княгиня смеется и ломается. Ванька охаживает около нее и поплевывает.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня смеется. Ванька изловчается и бьет княгиню ладонью по спине.

Княгиня (пронзительно визжит). И-и-их! Черт, леший, этак саданул!

Ванька (хохоча). Уж больно ты гладкая!

Княгиня. Как саданул, аж мне еще жарче стало.

Ванька. Скидай сарафан, да и вся недолга.

Княгиня (смеясь и закрываясь кисейным рукавом). Увидят.

Ванька. Видеть здесь некому.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня. Уж больно ты гладок, Ванька. Гы-ы!

Ванька хохочет. Княгиня заигрывает.

Княгиня. Чего тут на солнце преть? Уж мне невтерпеж. Пойдем, Ванька, в мои покои, во особые.

Ванька (смеясь). А зелена вина поставишь?

Княгиня. Да уж поставлю.

Ванька. А сладкого меда дашь?

Княгиня. Да уж дам.

Ванька. А печатным пряником угостишь?

Княгиня. Да уж угощу.

Ванька. А в сахарные уста поцелуешь?

Княгиня. Да уж так и быть, поцелую.

Ванька. А сарафан скинешь?

Княгиня. Да ну ты к ляду, скину.

Ванька. И все прочее по тому же?

Княгиня. Подлипало ты, Ванька, – да уж скину, потому как очень мне жарко и совсем даже невтерпеж!

Смеются оба.

Ванька. А голая спляшешь?

Княгиня. Ну ин спляшу, была не была.

Ванька. Бери меня, добра молодца, за ручку правую, веди в свои покои, во особые.

Уходят вместе.

Сад при графском замке. Графиня, держа в руке белый веер, проходит мимо розовых кустов. Жеан стоит за кустами и смотрит на графиню нежно и скромно.

Графиня. Жеан!

Жеан. Я здесь, графиня, неизменно готовый служить вам и графу.

Графиня. Граф охотится, мы одни.

Бросает на Жеана томный взгляд. Жеан краснеет.

Графиня. Милый Жеан!

Жеан. Что прикажете, милостивая госпожа?

Графиня. Солнце такое высокое и знойное, небо безоблачное, сыновья Эола спят, и даже ветреный Зефир притаился в кустах у речки. Так мне душно и жарко, глаза мои туманятся, и беспокойное сердце шепчет, – знаешь, что оно шепчет?

Жеан. Милостивая графиня, темен, но внятен юному слуху язык сердца.

Графиня. Противный Жеан, ты, кажется, вообразил что-то.

Жеан улыбается нежно и лукаво. Графиня краснеет.

Графиня. Жеан, зачем ты смотришь на мою грудь? Я открыла ее не для тебя, а для сладких вздохов моего белого веера.

Жеан. Простите, милостивая графиня.

Жеан отходит в сторону и бросает на графиню украдкой страстные взгляды.

Графиня. Жеан, что же ты мне не поможешь? Ты забыл, что должен служить мне?

Жеан. Что прикажете, милостивая госпожа?

Графиня. Застежки моего пояса колют мои пальцы, – расстегни мой душный пояс, сними его с меня.

Жеан (исполняя это, целует графинины руки и говорит со вздохом). Этот пояс имел свои минуты счастья. Жестокий! Его объятия слишком утомили милостивую госпожу.

Графиня. Дерзкий Жеан, не мечтаешь ли ты заменить его тесным поясом своих сплетенных рук? О, какой ты!

Треплет его по щеке. Жеан краснеет и улыбается нежно.

Жеан. Милая графиня Жеанна!..

Графиня. Что скажешь, Жеан? Говори, говори, не бойся. Если и лишнее скажешь, я, так и быть, рассержусь не очень.

Жеан. Я ваш верный слуга, милая госпожа Жеанна. Моими руками я готов заменить ваш пояс, моим телом – ваше платье.

Графиня. О, какой ты!

Краснеет и смеется. Жеан смотрит на нее смелым и вожденным взглядом.

Графиня. Противный мальчишка, Жеан!

Жеан (тихо). Милая Жеанна!

Графиня. О, вот какой ты!

Жеан становится на одно колено и целует графинины руки.

Графиня. Очень жарко, когда целуют одно и то же место.

Жеан. Милая Жеанна, ваше тело благоухает, как райский крин.

Целует ее плечи.

Графиня. О мальчишка, да ты умеешь целовать!

Жеан (вздыхая). Несносные преграды одежд!

Графиня (смеется). А ты бы хотел?

Жеан. Здесь никто не увидит, кроме высокого солнца и верного пажа Жеана.

Графиня. Жеан, знаешь, ведь ты – красавец. Правда!

Жеан. Говорят, госпожа.

Смеется. Графиня щекочет его и щиплет. Жеан, извиваясь в ее руках, нежными движениями рук и плеч ласкает ее груди. При каждом его прикосновении графиня краснеет и тихонько вскрикивает.

Графиня. Совсем истомилась я на солнце, в этом саду, где и тень деревьев пронизана змеиными лобзаниями царящего на небе чудовища. Какой он злой, этот дракон! Говорят, что он весь покрыт золотой чешуей. Жеан, проводи меня в мою спальню и побудь там со мною.

Жеан. Я рад служить милостивой госпоже.

Графиня. Ты споешь мне песенку.

Жеан. Хотя бы и две, и сколько прикажете, графиня. А вы, милая Жеанна, сыграете мне на лютне?

Графиня. Как же тебе отказать, милый Жеан. Я сыграю тебе на лютне.

Жеан (вздыхая). Несносные преграды одежд!

Графиня (простодушно). Но ведь их же там не будет!

Жеан. Милостивая госпожа, извольте опереться на мою руку. Так вы не устанете – лестница близка, а по ее темным и прохладным переходам в тишину вашего покоя я снесу вас на руках, милая Жеанна!

Уходят вместе.

Четвертая картина

Княгинина спальня. Ванька важно сидит за столом, величается; княгиня за ним ухаживает, ставит на стол меда сладкие и закусочки вкусные.

Княгиня. Сама-то я, княгиня, стольничаю, сама-то я, княгиня, чашничаю, сама-то я, княгиня, постельничаю. Кормлю-то добра молодца, кормлю-пою, низко кланяюсь; ешь, пей, Ванька, досыту, сам ешь, меня тешь.

Низко кланяется.

Ванька (равнодушно). Кланяйся в ноги, Перекраса очень красивая, перекрасивая – княгиня Аннушка.

Княгиня (кланяясь Ваньке в ноги). Не могу я наглядеться на твою красоту молодецкую.

Ванька. Стели перину пуховую на кровать, на тесовую, складай круто-складно сголовьеце, натягай одеяло соболиное.

Княгиня ловко и проворно исполняет сказанное. Стоит и ждет. Ванька ест, громко чавкает, пьет, громко чмокает; наевшись, напившись, громко рыгает и крестит рот.

Княгиня (вкрадчиво). Душенька с Богом беседует.

Ванька (сонно). Чего?

Княгиня. Душенька, говорю, с Богом беседует.

Ванька. Ай выходишь ты дура, княгиня, – ты меня сладко напоила, накормила, я тебе вежливенько отрыгиваю, а душенька тут ни при чем. Ну, что ль, готова кровать?

Княгиня. Готова, Ванька, готова.

Низко кланяется.

Ванька. Бери меня за белые руки, веди меня к тесовой кровати, ложи меня, удаля добра молодца, на пуховую перину.

Княгиня все исполняет.

Ванька. Дура, сапоги с меня снять забыла.

Княгиня низко кланяется и разувает Ваньку.

Ванька. Скидай сарафан.

Княгиня снимает сарафан и низко кланяется.

Ванька. Раздевай тело белое, разувай ноги резвые.

Княгиня раздевается совсем и низко кланяется.

Ванька. Пляши.

Княгиня низко кланяется и пляшет.

Ванька. Пой.

Княгиня пляшет и поет.

Ванька. Будет. Ложись подле меня.

Княгиня низко кланяется и лезет на кровать.

Ванька (кричит). Ай да баба! Сахар, а не баба!

Княгиня. Гы-ы, желанненький мой! Сокол мой ясный! Харя твоя поганая, чем ты меня взял?

Ванька (важно). Естеством.

Графинина спальня. Жеан внес графиню на руках и посадил ее в кресло.

Графиня. Да ты сильный, Жеан! По темным и прохладным переходам высокой лестницы ты взнес меня на руках, как легкое перо. Чего же хочешь в награду за твое усердие?

Жеан. Держать вас, графиня Жеанна, держать на своих руках, у своего сердца слышать нежный трепет вашей белой груди, – о милая Жеанна, это уже такое высокое блаженство, с которым не сравняются и утехи того сада, который был насажден самим Богом.

Графиня. Между двумя реками, Жеан, не правда ли?

Жеан. Между двумя руками, как между двумя реками, охватив мой рай, я наслаждался кратким, хотя и неполным блаженством. Веянием быстрого бега приподнималась иногда завеса райских обителей, завеса легко колеблемая и уже не утвержденная на жесткой ограде строгого пояса. И стою теперь я, бедный паж, перед легкой, но опущенною завесою, и несносная воздвигнута опять преграда между трепетом моих желаний и отрадою моего рая.

Графиня. Что же преграды для смелого! А знаешь, Жеан, хотя здесь и не так жарко, как в саду, а все-таки душно. Мальчишка, сядь ко мне на колени.

Жеан прижимается к графине. Графиня медленно снимает с него кафтан.

Графиня. Видишь, мальчишка, я сама служу тебе. Хочешь, я налью тебе вина и подам его тебе?

Жеан. Если милостивую графиню это забавляет, то я, верный слуга ее, готов быть на час господином милой Жеанны.

Графиня. Добрым господином?

Жеан. Если захочешь, милостивая Жеанна, то и жестоким.

Графиня. О мальчишка, ты дерзкий! Но посмеешь ли ты?

Жеан. Если захочет милостивая графиня, то и посмею.

Графиня стаскивает с колен полураздетого Жеана. Наливает два кубка вина. Один подает Жеану.

Жеан. За здоровье милостивого графа.

Пьют.

Графиня. Что же ты стоишь? Здесь никто не увидит, – вот мягкое ложе, ляг на него, а я на тебя полюбуюсь.

Жеан (садясь). Такие пыльные башмаки, и подошвы в песке.

Графиня. О мальчишка, ты уже требуешь услуг!

Нагибается и стаскивает с него обувь.

Графиня. Теперь ляг.

Жеан ложится, графиня смотрит на него и смеется. Жеан краснеет. Графиня быстро обнажает его.

Графиня. Пей, милый Жеан.

Пьют.

Графиня. Ты покраснелся от вина.

Жеан. Не от вина, милая Жеанна, а от желаний.

Графиня. Чего ты хочешь?

Жеан. Твоих поцелуев.

Графиня смеется и целует его.

Графиня. Ты глупый, Жеан, – разве ты больше ничего не хочешь?

Жеан. Хочу.

Графиня. Чего же ты хочешь?

Жеан. Падения несносных преград.

Графиня смеется и раздевается.

Графиня. Мы с тобою глупые, Жеан, как Адам и Ева. Не позвать ли нам мудрого змия?

Жеан. Жеанна, змий уж здесь. Вот он смотрит в окошко. Разве ты не слышишь, что он шепчет?

Графиня (смеется). Слышу. Он соблазняет меня попробовать это яблоко.

Слегка кусает его за щеку.

Жеан. О Жеанна, это – моя щека! Он шутит, злой змий. Мне он не то шепчет.

Графиня. А что, Жеан?

Жеан. Он шепчет мне: возьми ее за ее черные косы, повергни ее на ложе и делай с нею, что хочешь.

Легонько берет графиню за волосы и тянет ее вниз. Графиня притворилась испуганною.

Графиня (кричит). Жеан, Жеан, не тащи так сильно, я сама лягу, я сама...

Падает рядом с Жеаном на ложе. Жеан смеется и обнимает ее.

Графиня. Противный, ты меня напугал.

Жеан. Милая Жеанна, но ведь это совет змия, а он знает, как это делается.

Графиня. Милый Жеан, брать женщин силою умеет и поганый татарин, и дикий москвит. Любовь хочет дерзновения, но ненавидит насилие.

Жеан. О моя милая нагая проповедница! Ты столь же мудра, как и прекрасна.

Графиня. Возлюбленный мой! Ясный мой сокол! О негодный мальчишка, чем ты меня пленил, Жеан?

Жеан. Любовью, о милая Жеанна, любовью. Жеанна! Жеанна! Возлюбленная моя! Жеанна!

Обнимает и ласкает ее страстно.

Графиня. Жеан, Жеан, Жеан!

Пятая картина

Сад. Княгиня из окна глядит. Ванька под окном похаживает, поплевывает и посвистывает.

Княгиня. Ванька ты, Ванька, подлец, что ты со мною изделал? Как была я мужу верная жена, а нонича как я ему погляжу в очи?

Ванька (сплевывая). Так и поглядишь. Все вы, бабы, до нашего брата охочи.

Сад. Графиня из окна роняет платок. Жеан его поднимает, целует и прячет.

Графиня. Жеан, Жеан, противный! Что ты со мной сделал! Я графу была верною женою, – а теперь как я ему погляжу в очи?

Жеан. Гляди ему смело в глаза, милая Жеанна. Разве ты единственная, которую он ласкает?

Графиня. Жеан, но ведь я же – его жена.

Жеан. Ты и останешься его верною женою.

Графиня. Изменять мужу очень грешно.

Жеан. Помолясь, покайся и молчи, – Бог простит, попрашит, граф не узнает.

Графиня. Ай правда, Жеан. Поцелуемся лучше – уж заодно.

Шестая картина

Княгинин терем. Ванька с княгинею за столом сидят, угощаются, беседуют.

Княгиня. Ванька ты, Ванька, удалый добрый молодец, не ходи-ка ты во царев кабак.

Ванька. Эка вывезла! В кабак да не ходить! Дура ты дура, а еще княгиня!

Княгиня. Я дура, а ты, умный, меня послушай. У тебя, умного, одна дума, у меня, дуры бабы, семьдесят семь думок.

Ванька. Ври!

Княгиня. Как ты зайдешь, удалый, во царев кабак...

Ванька. И зайду.

Княгиня. Напьешься ты, Ванька, зелена вина.

Ванька. И напьюсь.

Княгиня. Будешь ты, удалый, в хмельном разуме.

Ванька. Ну и буду.

Княгиня. Тут ты, удалый, раскуражишься и поразбракаться...

Ванька. Это как есть, такое дело. Богатый хвалится богатством, бедный хвалится своею бедностью, сильный хвалится своею силою.

Княгиня. А ты мною, Аннушкою, порасхвастаешься.

Ванька. Да неужто ж я такой свиньей буду! Да тебя, мою голубушку, нешто позорить стану! Да ни в жизнь! Да лопни мои оченьки! Да тресни моя утроба! Да провалиться мне на этом месте! Да будь я, анафема, проклят!

Княгиня. Ой, Ванька ты, Ванька, станешь ты, молодец, упиватися, буйными словесами похвалятися, порасхвастаешься ты по пьяному делу.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ванька долго чешется, крепко думает, сплевывает и говорит.

Ванька. По пьяному делу, оно, конечно, это как есть, уж не без того, что порасхвастаюсь.

Княгиня. Тут тебе, удалому, живу не бывать.

Ванька. Пошто?

Княгиня. Князь узнает.

Ванька. Нешто?

Княгиня. Да уж узнает.

Ванька. Ишь ты!

Княгиня. Как вскричит тогда князь громким голосом, по-звериному: «Уж вы слуги мои, слуги верные! Вы подите в чисто поле, копайте две ямы глубокие, становите два столба еловые, кладите перекладыны дубовые, вешайте петельку шелковую, вы возьмите-приведите добра молодца, вы повесьте-ка моего верного слугу Ванюшку!» Молодец в петельке закачается; княгиня Аннушка в терему скончается.

Ванька долго чешется, крепко думает, сплевывает далекохонько и говорит.

Ванька. Ай же ты, Аннушка, моя голубушка, княжецкая жена, моя милая любовница! Не пойду я во царев кабак, не стану пить зелена вина, запивать медами застоялыми!

Графинина светлица. Графиня и Жеан сидят за столом. Перед ними два кубка вина и фрукты.

Графиня. Милый Жеан, не води дружбы с молодыми повесами, не ходи с ними в трактиры, не пей с ними вина.

Жеан. Милая Жеанна, как же я могу чуждаться моих товарищей! Меня назовут гордым и станут надо мною смеяться. И как вина не пить! Оно веселит душу.

Графиня. Глупый мальчишка! Не слушаешься и даже не хочешь спросить, почему я тебя прошу об этом.

Жеан. Прихоти дам неисчислимы.

Графиня. Напьешься ты, Жеан, пьяный.

Жеан. И начну куролесить, дело известное.

Графиня. И начнешь болтать всякий вздор.

Жеан. Правда, милая Жеанна, – напьемся, так чего-чего не придумаем. Да, вино много дает человеку – смех, шутки, и слезы, и шалости, и выдумки, и песни.

Графиня. Станешь хвастаться.

Жеан. А разве я не красив? Разве мне нечем похвастаться? Уж если взоры милостивой госпожи упали на меня...

Графиня. Вот, глупый мальчишка, этим-то ты и будешь хвастаться. Мною похвалишься.

Плачет.

Жеан. Милая Жеанна, как ты могла это подумать! Неужели я такой бесчестный! Неужели я предам позору твое сладчайшее имя! Лучше мне умереть, чем совершить такой низкий поступок!

Графиня. Правда, жеан, милый? О, я хочу тебе верить, но я все-таки боюсь. Мы,
Страница 98

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
женщины, так робки, а вы, мужчины, так необузданно смелы; вы говорите, не успевши подумать. Вы, мужчины..

Жеан. О милая Жеанна, ты права. Осторожность – не свойство молодого воина.

Графиня. И тогда мы с тобою погибнем.

Жеан. Почему?

Графиня. Граф узнает.

Жеан. Как он может узнать? Ведь он с нами не бражничает.

Графиня. Ему донесут.

Жеан. Друзья?

Графиня. Дружба легко переходит во вражду. Да и что дружба! И в поэмах говорится немало про измену друзей.

Жеан (задумчиво). Да, друзья! Знаю я их! Ты умна, Жеанна! Ты все знаешь и все понимаешь.

Графиня. Граф прикажет повесить тебя, а мне отрубят голову, – а то еще и хуже: накажут меня розгами и постригут в монахини, словно живую заколотят в гроб. А граф женится на другой.

Жеан. Милая Жеанна, возлюбленная моя! Отныне уж не стану я водить дружбы с молодыми повесами, ходить с ними в веселые места, пить с ними не стану вина.

Седьмая картина

Ранним утром у калитки княжеского сада стоит Девка-чернавка. Из калитки вышел Ванька, светел и радостен, – и он громко посвистывал, далекохонько сплевывал. А как Девку-чернавку увидал – принахмурился.

Девка-чернавка (жалостно). Передрогла-перезябла я, красна девица, Девка-чернавка, за стеною стоячи белокаменной, добра молодца дожидаячи, что удалого Ваньку, ключника княжеского.

Ванька (важно). Ни по што стояла, ни для ча ожидала, даром резвы ноженьки топтала, иди себе ни с чем, пока не бита.

Девка-чернавка (умильно). Ванька, а Ванька, желанный, подь ко мне, Ванька!

Ванька (грубо). Отстань, постылая!

Девка-чернавка (укоризненно). Прежде со мной любовь имел, а нонича рыло в сторону воротишь.

Ванька (со злостью). Отвяжись, подлая!

Девка-чернавка (с угрозой). Ты у меня попомнишь. Спокаешься, да поздно будет.

Расходятся в разные стороны.

У калитки графского сада утром Раймонда ждет. Из калитки выходит Жеан.

Раймонда. Утро холодное, а я жду тебя, милый Жеан.

Жеан. Зачем ты встала так рано? На росистой траве стоишь ты босая, – смотри, захворает от простуды. Иди домой, в теплую горницу.

Раймонда. Милый Жеан, согрей меня нежным поцелуем.

Жеан. Раймонда, мне не хочется целоваться.

Раймонда. Жеан Милый, приди ко мне сегодня ночью.

Жеан. Раймонда, сегодня ночью я не могу прийти.

Раймонда. Где же твоя былая любовь? Или забыл ты мои ласки?

Жеан. Снег тает, воды бегут, вчерашнее забыто.

Раймонда. Но ты вспомнишь!

Расходятся в разные стороны.

Восьмая картина

Улица. Ванька один. Стоит невесел, голову повесил, задумался крепко, говорит сам с собою.

Ванька. Ой неволя, неволя – княжеский двор! Что-то мне да захотелось с отцом да с матушкою да повидатися, со худою женою да неудачливою, – ведь и плакала она, как река лилась, слезы катятся, как ручьи текут, возрыдалась, что погоды бьют.

Входит первая кабацкая женка. Подкрадывается к Ваньке и хлопает его по плечу. Ванька вздрагивает и вскрикивает.

Ванька. О, чтоб тебе пусто было!

Первая кабацкая женка. Ванька-ключник, верный слуга княжеский, что стоишь невесел, буйну голову повесил? Еще что у тебя за несчастье? Ай целовать некого? (Хохочет, прижимается к Ваньке и говорит.) Пойдем, пойдем, удал добрый молодец, зайдем да во царев кабак за гульбой.

Ванька (отталкивая ее). Ну тя к лешему.

Она хохочет и уходит. Ванька смотрит за нею, ухмыляется весело, сплевывает – и опять крепко думает. Входит вторая кабацкая женка. Подкрадывается к Ваньке и хлопает его по спине. Ванька вздрагивает и вскрикивает.

Ванька. О, чтоб тебя разорвало!

Вторая кабацкая женка. Ванька, а Ванька! Что ты скис? Ай тебе обнимать некого? Так ты об этом не горюй. (Хохочет, пляшет и кричит.) Эй, Ванька, прими меня за белые руки, пойдем во царев кабак, пить зелено вино, запивать пьяным медом, заедать белым сахаром.

Ванька (угрюмо). Ну тя к ляду!

Она хохочет и уходит. Ванька смотрит за нею, ухмыляется, бормочет.

Ванька. Ишь ты, тварь!

И задумывается. Входит третья кабацкая женка, подкрадывается к Ваньке и толкает его в спину так, что он бежит, спотыкается и падает. Она хохочет, он поднимается и ругается.

Ванька. О, чтобы тебе провалиться! Чтобы тебе ни дна, ни покрывки!

Третья кабацкая женка. Ванька, Ванюшка, удалой молодец, что ты голову-то вешаешь? Ай милой нет?

Прижимается к нему, обнимает его, шепчет что-то. Ванька хохочет, но ее отталкивает.

Ванька. Пошла ты, анафема, ко всем чертям!

Она уходит. Ванька хохочет, смотрит за нею и вскрикивает.

Ванька. Ишь ты! Поди ж ты! Ай да ну! Ну и женка! Разлюли-малина!

Потом задумывается. Долго чешет затылок. Вскрикивает вдруг.

Ванька. Пойду в каба́к.

Убегает.

Улица. Жеан один. Задумался, опустил голову. Говорит сам с собою.

Жеан. Скучно! Хочется мне погулять с товарищами. Они пошли все в тот веселый трактир, под вывескою «Золотой Олень», где такие веселые девицы. Как они поют! Как они играют!

Входит первая веселая девица. Подкрадывается к Жеану и вдруг щекочет его. Жеан вздрагивает и вскрикивает.

Жеан. О глупая, ты меня напугала!

Первая веселая девица. Жеан Милый, паж славного графа, что ты невесел? У тебя несчастье? Или не с кем целоваться? Пойдем к «Золотому Оленю». Там очень весело.

Жеан. Не хочу.

Первая веселая девица. Не хочешь? Ну, и без тебя обойдемся.

Она уходит. Жеан смотрит за нею, улыбается и опять задумывается. Входит вторая веселая девица. Подкрадывается к Жеану, закрывает его глаза ладонями и смеется. Жеан ловко освобождается.

Жеан. И ты, шалунья!

Вторая веселая девица. Милый Жеан! Да что ты такой кислый? Или тебя приласкать некому? (Приподнимает край юбки, поправляет подвязку и говорит.) Дай мне руку, пойдем к «Золотому Оленю», будем пить, петь и любить.

Жеан. Иди одна, я не хочу.

Вторая веселая девица. Ну, не хочешь, и не надо. А то приходи.

Она уходит. Жеан смотрит на нее, улыбается и шепчет.

Жеан. Веселая!

И задумывается. Входит третья веселая девица. Становится перед Жеаном и смотрит на него. Жеан вздрогнул.

Жеан. И третья! И что вам всем от меня надо?

Третья веселая девица. Жеан, Жеан, прекрасный паж, что ты так низко опустил голову? Не изменила ли тебе твоя милая? Полно, ревновать и печалиться не стоит.

Кокетничает и шепчет Жеану на ухо что-то.

Жеан. Иди, иди, не хочу тебя слушать.

Третья веселая девица. А, не хочешь! Ну и оставайся один, косней в своем индивидуализме. А у нас – веселая соборность!

Она уходит. Жеан смеется и смотрит за нею.

Жеан. Эти милые девицы развеселят самого угрюмого в мире человека.

Долго стоит в задумчивости. Вдруг вскрикивает.

Жеан. Пойду к «Золотому Оленю»!

Убегает.

Девятая картина

Каба́к. Всякие есть тут люди по пьяному делу, и пьяницы-пропойцы, и княжеские

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
слуги в сторонке особенно, и заезжие гости. Все еще вполпьяна. Кабацкие женки у
окна сидят, на улицу смотрят – надеются, что Ванька придет.

Кабацкие женки.

- Идет Ванька-ключник во царев кабак.
- Зелен кафтан на плечах надет.
- На нем шапочка рытого бархата.
- Сафьяны-сапожки натянуты.
- Золот перстень ровно жар горит.
- В правой руке тонка палочка.
- А на палочке ала ленточка.
- Его русы кудри по плечам лежат.
- Его ясны очи огнем горят.
- Идет ключник, что сокол летит.

Пьяницы.

- Эй вы, женки, что вы там в окно засмотрелись?
- Ванька-ключник на вас и не взглянет.
- Он на вас и плюнуть не захочет.

Ванька вошел в кабак, сел за стол особенно, куражится. Кабацкие женки все к нему
пошли, на других и глядеть не хотят.

Первая кабацкая женка. Ванька ты, Ванька, удалой добрый молодец, налила я тебе
чару зелена вина, подлила меду сладкого, – ай же ты княжеский служитель есть!
Выпей, выкушай чару зелена вина.

Низко кланяется. Ванька пьет и кобянится.

Вторая кабацкая женка. Уж я лью-налью Ваньке-ключнику, удалому добру молодцу,
другой након вина пьяного; ай же ты, Ванька верный ключник, выпей-выкушай пива
пьяного.

Низко кланяется. Ванька пьет и кобянится.

Третья кабацкая женка. Уж и я, удалая кабацкая женка, лью-налью в третий након
чару меду сладкого, поднесу, низко кланяясь, – ай же ты, удалой Ванька-ключник,
выпей, выкушай меду сладкого.

Низко кланяется. Ванька пьет и куражится.

Кабацкие женки.

- Забрала молодца хмелинушка кабацкая.
- Хорошо винцо кабацкое.

Пьяницы.

- Ай крепка хмелина кабацкая.
- Ай веселые женки кабацкие.
- Ай кто чем похващается?

Первая кабацкая женка. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, с подьячим; принимала я, удалая, ласковое слово; попросила я денег, проводили меня ярыжки с великою честью.

Все смеются весело.

Вторая кабацкая женка. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, с ганзейским гостем; а и принимала я, удалая, мыла кусок; попросила я денег, немчура говорит – по-вашему не разумею.

Все смеются очень весело, по лавкам от смеха валяются.

Третья кабацкая женка. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, с молодым воеводою; а и воевода у нас нехорош, дал мне ломаный грош; попросила я, удалая, прибавочки, проводили меня, удалую, шелепами.

Все хохочут, по полу от хохота катаются.

Кабацкие женки. А чем ты, Ванька, похващаешься?

Ванька (куражась). Бог-то меня, добра молодца, милует, князь-то меня, удалого молодца, жалует. С князем я за одним столом сижу, да ведь пью я, ем с одной ложечки, с одного стаканца да водочку кушаю.

Кабацкие женки (льстиво).

– Ай да Ванька!

– Ванька-то наш каков!

– Слышь, с князем-то из одного стаканца да водочку кушает!

– Ай удал ты, Ванька-ключничек!

– В такого молодца кто не влюбится!

Ванька (умиляясь и плача). А и есть у меня полюбовница, – она меня называет милым, она меня величает мил сердечный друг.

Пьяницы. Ванька ты, Ванька, ты миленький ли наш братец, ты удалый Ванька, ключник княжеский, а кто твоя полюбовница?

Ванька. А нельзя того и выговорить.

Кабацкие женки. Ванька ты, Ванька, ты желанненький мужчинка-дружок, ты удалый Ванька, ключник княжеский, тебя кто называет милым? Тебя кто величает мил сердечный друг?

Ванька (плача от умиления). Княгиня душка Аннушка во любви меня держит у сердечушка, и живу я с Аннушкой будто муж с женой.

Княжеские слуги.

– Речи это неумные, басни неразумные.

– То не сон ли тебе, молодец, виделся?

– Дойти бы, донести самому князю.

– Негоже мизирный похваляется.

Ванька (плача). Уж попито, братцы, поедено, в красне, в хороше похожено, с княжеского плеча платья поношено, княгиню за ручку повожено, с княгинею на перинушке полежано!

Княжеские слуги.

– Такие речи похвальные донести бы князю в уши.

- Не с убавочком, а с прибавочком.
- За досаду бы это князю показалось.
- Берите его за желты кудри, за белы руки.

Хватают Ваньку и ведут. Ванька пьяный в руках у них мотается, иногда вдруг начнет отбиваться, бормоча что-то невнятное.

Кабацкие женки.

- Смилуйтесь, княжеские слуги верные, не ведите вы Ваньку на княжий двор, положите его проспаться к нам в избу.
- То не Ванька бахвалится – то хмелина кабацкая в нем раскуражилась.
- Ай того на себя наплел, чего и не было.
- Чему и быть нельзя.

Княжеские слуги.

- Нет, попался дружок, не уйдет.
- Он перед нами куражился, – теперь мы над ним натешимся.

Кабацкие женки у княжеских слуг в ногах валяются, Ваньке прощения просят, жалобно плачут.

Кабацкие женки.

- Ой вы гой еси, княжеские слуги верные! Вы простите Ваньку, помилуйте, – расскажит его князь без милосердия, живота лишит без жалости.

Княжеские слуги.

- Так ему, собаке, и надобно.
- Такому Ироду и казни нет.
- Живого в землю зарыть, и то ему мало.

Отталкивают кабацких женок и уводят Ваньку. Кабацкие женки плачут.

Кабацкие женки.

- Ай надо же было быть беде!
- Ай надо же было добру молодцу порасплакаться, порасхвастаться!
- Ай случились тут палачи да немилостивы!
- Схватили добра молодца скорешенько.
- Еще лихи на молодца друзья-братья!

Трактир «Золотой Олень». Всякие люди сидят и бражничают – горожане, проезжие, школяры. Отдельно за столом у окна – графские пажи. Веселые девицы сидят с пажамы, а сами вполглаза в окно посматривают.

Веселые девицы.

- А вот и Жеан идет.
- Мимо?

– Нет, кажется, сюда.

– Нарядный какой!

– Зеленый кафтан из тонкого сукна!

Пажи (завистливо).

– Хорошо ему наряжаться!

– Граф к нему милостив.

– Самой графине за столом Жеан служит.

Веселые девицы.

– Бархатная красная шапка!

– И по всем швам бубенчики нашиты, звенят приятно очень.

– Как длинны и остры загнутые концы его башмаков!

Пажи.

– Модничает – а в замок пришел в рваной одежде, босой, с парой изношенных башмаков за плечами.

Веселые девицы.

– У него чулки черные с красными полосами.

– Как они гладко обтягивают его стройные ноги!

– А кто ему подарил эти золотые пряжки?

– Говорят...

Пажи.

– А что говорят?

– Что говорят?

Веселые девицы.

– Пустое!

– Вздор!

– Мало ли кто что скажет!

– Как из-под бархата его шапки красиво выбиваются русые кудри Жеана!

– Как блистают его глаза!

– Какой он красавец!

– Недаром...

– Ну, брось!

Пажи.

– Красив, да не для вас.

– Подумаешь, один только и есть красавец!

– Есть и покрасивее, чем он.

Жеан вошел в трактир, идет к пажам, весело улыбаясь.

Жеан. Вот и я, друзья мои! Привет вам, милые товарищи! И вам, веселые красотки!

Пажи.

– Добро пожаловать, Жеан Милый!

– Как хорошо, что ты пришел.

– Мы так рады тебя видеть!

– То-то мы теперь попируем.

Веселые девицы.

– Здравствуй, милый Жеан!

– Садись вот здесь, между нами!

– Мы позаботимся, чтобы тебе не было скучно.

Жеан. Ну, я и сам не из таких, которые скучают.

Садится среди веселых девиц.

Первая веселая девица. Жеан, милый и прекрасный, я налила тебе чашу белого вина, – выпей его во славу веселой и беззаботной юности.

Подносит Жеану чашу, улыбается и приседает низко.

Жеан целует девицу и берет от нее чашу.

Жеан. Друзья, да здравствует наша веселая и беззаботная юность!

Пьют. Пажи повторяют его возглас и пьют.

Вторая веселая девица. Налила и я милому и возлюбленному Жеану вторую чашу красного вина. Пей ее, верный графский паж, за светлую безоблачную веселость, соединяющую молодых друзей.

Улыбаясь и делая очень глубокий реверанс, подносит Жеану чашу. Жеан чашу берет и девицу нежно целует.

Жеан. Друзья, за светлую и безоблачную веселость, соединяющую нас в тесный союз.

Пажи повторяют его возглас. Все пьют.

Третья веселая девица. Ну, уж и я, веселая из веселых девиц, налью тебе третью чашу сладкого и крепкого вина и поднесу ее, стоя на коленях, – пей ее за то, что слаще меда, светлее света, милее жизни и сильнее смерти, пей ее за владычицу нашу любовь!

Становится перед Жеаном на колени и подносит ему чашу. Жеан чашу берет, девицу нежно обнимает и крепко целует.

Жеан. Друзья, выпьем эту чашу за то, что слаще меда, светлее света, милее жизни и сильнее смерти, за владычицу нашу любовь!

Пажи повторяют его возглас. Все пьют.

Веселые девицы.

– Жеан опьянел.

– Он склонился головою на стол.

– Он выпил сразу слишком много вина.

Жеан (встрепенулся). Кто говорит, что я пьян? Неправда! Я готов пить еще столько же, и еще, и еще, и без конца!

Пажи.

– Здешний хозяин держит хорошее вино.

– И очень хмельное.

– Эти девицы очень веселые.

– Друзья, поступим, как все пьяные, – будем хвастаться один перед другим. Кто сможет похвалиться наиболее, тот будет у нас за старшего.

– Идет!

– Кому начинать?

– Пусть начнут девочки!

– Ну, девицы, начинайте.

Первая веселая девица. Я провела недавно целую ночь с господином бургомистром. Он требовал от меня не слишком многого, а утром подарил мне серебряную гривну и красного бархата на платье.

Все смеются весело.

Вторая веселая девица. Я провела эту ночь с рыцарем Генрихом. Он был очень ласков и нежен, а утром дал мне золотой и подарил прекрасный плащ, отнятый вчера у проезжего купца.

Все смеются очень весело.

Третья веселая девица. Позапрошлую ночь я провела с аббатом, отцом Иеронимом. Вот-то я намучилась! Только монахи ласкают так страстно. Под утро он вспомнил, что мы согрешили, и принялся бичевать ременною плетью себя и меня – себя легонько по своей черной рясе, а меня изо всей силы по голому телу. Потом он дал мне отпущение грехов и больше ничего. И пришла я домой без грехов, но и без денег и без подарков, с одними синяками.

Все хохочут.

Веселые девицы. Теперь ты, Жеан, – чем ты похвастаешься?

Жеан (коснеющим языком). Бог меня милует, граф меня жалует. Я стою во время графского обеда за стулом милостивой графини. Граф приказал делать мне одежду лучшего покроя и из самого хорошего материала.

Веселые девицы (льстиво).

– О Жеан!

– Каков Жеан!

– Служить за столом самой графине!

– Молодец Жеан!

– В такого молодца кто не влюбится!

Жеан (плача от умиления). У меня есть возлюбленная, – она меня называет миленьким, сердечным дружкой.

Пажи. Жеан, миленький наш друг, а кто твоя возлюбленная?

Жеан. Этого я не могу сказать вам, милые друзья. Этого никому нельзя сказать. Великая тайна!

Веселые девицы. Жеан, желанный, миленький, красавец, тебя кто называет милым сердечным дружкой? Скажи нам, похвастайся! Мы знаем, ты всех перехвастаешь!

Жеан (плача от умиления). Графиня Жеанна, душа моей души, прижимает меня к своему жаркому сердцу.

Пажи.

- Какие глупости!
- Неразумные сказки!
- Не во сне ли ты это, Жеан, видел?
- Сказать бы графу, – мы ведь его верные слуги.
- Своею похвалюбою Жеан оскорбляет нашего господина.

Жеан (плача). Как радостна моя жизнь! Как сладки поцелуи милой Жеанны! Как упоительны ее объятия и ласки в тишине ее опочивальни! О, если бы вы могли видеть, как восхитительно ее белое тело!

Пажи.

- Нельзя стерпеть такого поношения!
- Это надо сказать нашему господину!
- Мы не можем дозволить, чтобы при народе бесчестилось имя милостивой графини!
- Надо взять его и увести на суд к нашему графу.

Хватают Жеана и ведут.

Веселые девицы.

- Сжальтесь над Жеаном, милые пажи, не ведите его к вашему графу, отдайте его нам, мы уложим его спать.
- Ведь это не Жеан хвалился – пьяный хмель бредил в нем.
- Он наговорил на себя, чего не было.
- Чего и не могло быть.

Пажи.

- Нет, мы его не пустим.
- Мы должны отвести его к нашему графу на суд.
- Здесь были и чужие.
- Они могли слышать его похвалюбу.
- До графа дойдет слух о том, что здесь было.
- Тогда и нас казнят – зачем слушали и не донесли.

Веселые девицы с плачем становятся на колени и целуют руки у пажей, прося за Жеана.

Веселые девицы. Сжальтесь над Жеаном, не губите его, пожалейте его молодость! Повесит его граф, не помилует.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Пажи отталкивают веселых девиц и уводят Жеана. Веселые девицы плачут.

Веселые девицы.

- Надо же было случиться такой беде!
- Глупый Жеан, чем вздумал расхвастаться!
- Говорил бы только нам, а то при ком сказал!
- Схватили Жеана, повели!
- Свои же товарищи предают его!

Десятая картина

Князь сидит, мед пьет. Старый слуга перед ним стоит, а у дверей Девка-чернавка трется.

Старый слуга. Сказано: волос долог, ум короток. Баба умна не живет.

Князь. А у меня княгиня умная, она умная, разумная, она тихая, смиренная; до рабов она милостивая, передо мной она очестлива.

Девка-чернавка (стоя у дверей). Уж ты батюшка наш князь! Не приказывай меня казнить, вешати; прикажи ты мне слово молвити. Я на Ваньку-ключника с докладом иду.

Князь. Говори ты мне, слуга верная! Ты скажи мне правду-истину. Если ты мне правду скажешь, я тебя пожалываю; если ты мне ложно скажешь, я тебя расказню.

Девка-чернавка. Ох, ты гой еси, наш батюшка князь! Пьешь ты, ешь, забавляешься, свою княгинею похваляешься, ничего ты не знаешь, не ведаешь! Твоя ли княгинюшка не честная, твоя ли княгинюшка не верная! Что живет она с младым ключником, с Ванькою, во любви живет.

Князь. Врешь, дура!

Пихает ее ногой. Девка-чернавка летит кубарем вон.

Граф один, осматривает оружие предков. Раймонда входит и низко кланяется.

Граф. Что тебе надо, Раймонда?

Раймонда подходит близко и опять кланяется.

Граф (нетерпеливо). Говори же!

Раймонда (шепотом). Жеан и я, – чем же мы не пара?

Граф. Пожалуй, что и так.

Раймонда. Целовать да ласкать они охочи, а потом...

Граф. А ты сама бы смотрела.

Раймонда. Но зачем же он изменил мне для замужней? Зачем он поднял глаза на знатную даму?

Граф. Вздыхать о дамской красоте не запрещено пажам.

Раймонда. Да он-то не вздыхает. Он – счастлив!

Граф (гневно). А кто эта дама?

Раймонда. Милостивый граф, смею ли я сказать?

Молчат. Граф делает знак, Раймонда уходит.

Одиннадцатая картина

В палате княжеской князь на дубовом резном стульце сидит, гневно хмурится. По стенам слуги стоят, на князя со страхом глядят.

Старый слуга ко князю подходит, земно кланяется, вежливенько покашливает.

Князь. Верный наш слуга преданный, а и что тебе надобно? А и не в добрый час ты ко мне пришел.

Старый слуга. Ай же ты батюшка князь, княжеское твое благородие! Твой-то служитель княжеский, Ванька-ключник, которого ты любишь да жалуешь, сидит в кабаке государевом, пьет зелено вино, запивает медами застоялыми, хвастает прекрасною Анною княгинию, твоим-то княжеским благородием: живу-то я с Анною княгинию, будто муж с женою; Бог меня милует, а Аннушка меня крепко жалует, я с нею творю любовь ведь третий год!

Князь (гаркает громким голосом). Еще есть ли у меня таки мастера, а по-нашему, по-русскому, – грозен палач! Ставил бы он плаху белодубову, точил бы он острый топор. Еще есть ли у меня слуги верные! Брали бы они Ваньку-ключника, молодой моей княгини верного любовника, вели бы его на грозный суд!

На дворе кричат:

– Ведут! Ведут!

В палате шепчут:

– Эти бы ли князю речи не понравились.

– Князь-то на молодца прогневался.

– Теи речи князю не к лицу пришли.

– Воспылался княжеское благородие на удалого добродня добра молодца.

– У князя разгорелось ретиво сердце.

– У него раскипелась кровь горячая.

Ваньку вводят.

Дворня (шепчется).

– Ведут Ваньку-ключника на новые сени.

– Зелен кафтан поизорванный.

– Сафьяны-сапожки опущены.

– Его русы кудри растрепаны.

– Его ясны очи заплаканы.

Ванька (низко кланяясь). Уж ты здравствуй, наш батюшка князь! Ты почто меня требовал? Уж чем хочешь меня дарить, жаловать?

Князь. Подарю я тебя хоромами высокими, не мощеными, не свершенными. Ты скажи мне только правду-истину: ты живешь ли с моей княгинию?

Ванька. Уж ты батюшка наш князь! Я скажу тебе всю правду истинную, – живу я с твоею княгинию, со свет душенькою Аннушкою. Много было попито, поедено, на пуховых перинах полежано!

Князь (громко). Ванька ты, Ванька, подлая твоя душа, да как ты смел это сделать?

Ванька (сплевывая). По взаимному согласию. Служил я тебе цело три года, верой жил, не изменю жил. Нешто мне с бабою целоваться нельзя? На то она и баба.

Князь. Ой вы, слуги мои, слуги верные! Истребите вы Ванюшу прелестника!

Ванька. Было бы за что истреблять! Вышла на меня, добра молодца, вышла на меня напраслина.

Князь. Слуги мои верные, палачи вы немилостивые, бурзы-гетманы! Свяжите удалому ручки белые в тья пута шелковые, закуйте удалому ноги резвые во тья во железа во немецкие, завесьте ему очи ясные черной тафтой, возьмите добра молодца да за желты кудри, поведите молодца на поле на чистое, да на то ли поле кровавое, да на то ли место на лобное, на тую на плаху белодубову, отрубите ему буйна голова, и придайте ему смерть напрасная, – выньте ему сердце с печенью. Пусть молодая-то княгиня на него показнится.

Ваньку уводят. Он громко ревет.

В палате графского замка граф сидит на резном дубовом кресле, глубоко задумался. Входит старый дворецкий Агобард. Низко кланяется графу.

Граф. Ну что тебе, старый хрен? Не до тебя. Коли есть что важное, говори, а если с пустяками пришел, лучше прочь уходи.

Агобард. Милостивый граф, дошли до меня злые слухи. По долгу верности не могу их скрыть. Паж Жан, к которому вы столь милостивы, даже и не по заслугам, сидит в трактире «Золотой Олень», пьет и хвастается, будто милостивая госпожа наша, графиня Жеанна, забыв свой долг...

Граф. Довольно. Пусть поставят виселицу за рвом, там, у кривой березы, над болотом. Жеана привести ко мне...

Агобард низко кланяется и уходит. На дворе слышится шум. Доносятся голоса.

– Жеана ведут!

– Что он сделал?

– Его ведут к графу.

– Граф прогневался на Жеана.

– Граф очень гневен.

– Да что случилось?

– Жеана ведут, – он пьян.

– Одежда на Жеане изорвана.

– Глаза у Жеана заплаканы.

– Бедный Жан!

Пажи вводят Жеана. Дворня заглядывает в двери.

Жеан (низко кланяясь). Милостивый граф, меня привели к вам на суд. Я не знаю за собой иной вины, кроме той, что выпил много. Но зачем же они меня тащат? Дали бы выпасться.

Граф. Жеан, отвечай мне правду, – любишь ли ты графиню Жеанну?

Жеан. Люблю. И можно ли не любить милостивой и доброй госпожи? Все слуги любят графиню за ее милостивое обращение.

Граф. Я не о том тебя спрашиваю. Осмелился ли ты поднимать с вожделением глаза на графиню Жеанну?

Жеан. Милостивый граф, никогда! Никогда не забыл я моих обязанностей к госпоже

моей.

Граф. В трактире ты говорил, что моя супруга изменяет мне с тобою.

Жеан (кланяясь в ноги графу). Говорил то, чего не было никогда.

Граф. Как ты смел это сделать?

Жеан (кланяясь вновь). Спьяна и по глупости. Вздумали хвастаться друг перед другом, я и принялся нести всякий вздор небывалый.

Граф. Что же мне с тобою сделать?

Жеан. За мою верную службу – простите меня, милостивый граф.

Граф. Агобард, повесить мальчишку!

Жеан. Сжальтесь надо мною, милостивый граф! Погибаю невинный!

Бросается к ногам графа и целует его ботфорты.

Граф. Агобард, возьми его. Связать ему руки и повесить живее. Так будет поступлено со всяким, кто дерзнет оскорбить нашу честь и оклеветать нашу возлюбленную супругу.

Жеана уводят. Он плачет.

Двенадцатая картина

Подхватили Ключника за белы руки, повели молодца по задворкам.

Ванька. Ай вы, злы палачи, бурзы-гетманы. Не ведите молодца вы по задворкам, да мимо ту ли палату княжескую. Да вы ведите меня, молодца, по подоконью, мимо тот ли сад, мимо зеленый, да мимо эту светленьку светлицу княгинину, да мимо эту спальню ту теплую, где-ка мы спали с княгинею. А и дам я вам пятьдесят рублей с полтиною.

Палачи. Послушаем молодца, нам все равно.

Ванька. Ой ты гой еси наш батюшка грозен палач. Дай ты мне, молодцу, звончаты гусли, перед смертью молодцу наигратися!

Палач. Ой ты гой еси, добрый молодец! Ты бери, молодец, гусли звончаты, наиграйся ты, молодец, перед смертью, – да играй ты не полный звон, ты наигрышки наигрывай.

Ванька (наигрышки наигрывает, поет, сам плачет).

Да хорошо у меня, молодца, было пожито,
Да хорошо было цветное платье изношено,
Да приупито было у молодца, приуедено,
Да и в красне, в хороше приухожено,
Да и в зеленом-то саду приугуляно,
Да под яблонью на кроваточке было приуспано,
Да и у княгини у Аннушки
На белой груди было у милой улежано!
Палачи.

– Спел-ка молодец песню новую, да все умильную.

– Сам поет, сам слезьми горючими заливається.

– Смерть придет – не обрадуешься.

Ванька.

Прости, прости, мой отец и мать!
Прости, прости, весь род-племя!
Прости, мой свет княгинюшка!

Бывало, меня князь любил, жаловал,
А нынче на меня скоро прогневался,
Ведут молодца на лютую казнь!
Княгиня услышала, по пояс в окошко бросилась.

Палачи.

- Ах, услышала княгиня песню новую.
- Сама отворяла красно окошко косевчато.
- Да никак у нее в руках булатный острый ножичек!
- Как бы она сама себя не зарезала!

Ванька. Прости-ка, Аннушка, милая княгинюшка! Ведут меня, добра молодца, срубить мне буйну голову.

Княгиня (в окне). А вы, злы палачи, бурзы-гетманы, не ведите молодца во чисто поле, не рубите молодцу да буйной головы, по локоть возьмите золотой казны.

Палачи. Мы его спустим, а князь нам голову срубит, так на что нам золотая казна?

Княгиня (в окне). Спустите-ка этого молодца, возьмите поганого татарина, хоть мертвого его, мерзлого, отрубите ему буйную голову, а донесите князю, что отрублена буйна голова за его поступки неумильные.

Поганый татарин (входит и кричит). Халат, халат!

Палачи. Вот его и возьмем.

Взяли татарина, а Ваньку отпустили.

Княгиня. Палачи смилосердились, тебя, Ванька, отпустили. Бери кошель с золотом, иди скоро домой. А вы, злы палачи, берите казны, сколько надобно.

Палачи. Пойдем, поганый татарин, мы тебе башка срубим.

Поганый татарин. Зачем башка рубить? Без башки мне и жить нельзя.

Палачи. А и подохнешь.

Волокут поганого татарина.

Жеана ведут слуги на задний двор к мосту через ров, за которым уже готовая стоит виселица.

Жеан (слугам). Друзья, не тащите меня так скоро. Виселица не уйдет, и ангел смерти никуда не торопится. Проведите меня по графскому саду, чтобы я мог в последний раз надышаться ароматом графининых роз. Проведите меня под окнами нашей милостивой госпожи, – может быть, на мое счастье графиня Жеанна выглянет из окна, и в последний раз я увижу ее светлые очи.

Слуги. Что же, нам все равно. Поведем тебя, где ты хочешь, в твой последний путь.

Жеан. Милый Агобард. Дай мне мою лютню, – перед смертью сыграю, спою, с белым светом прощусь грустной песенкою.

Агобард. Принеси, Клод, ему его лютню, – пусть потешится. Перед смертью играй и пой, весело встретить неизбежный удел. Только не ори во все горло и не колоти по струнам всю пятерню, – играй тихо и пой вполголоса.

Жеан (наигрывает на лютне и поет сначала тихо, потом громче).

Все непрочно в жизни нашей,
И любовь бывает зла.

Счастье пил я полной чашей,
Жизнь моя была светла.
Я любил графиню больше,
Чем позволено пажу, –
И за то не жить мне дольше,
В смертный путь я ухожу.
Часто губит нас безделица
Пьешь ли, душу веселя,
И уж ждет тебя виселица
И позорная петля.
Хоть на миг бы мне с желанною
Повидаться пред концом
И с графиней Жеанною
Перекинуться словом!
Слуги.

- Умильную песенку спел Жан Милый.
- Поет, а сам плачет, как девушка.
- Смерти никто не рад.
- И еще так молод Жан.
- Заплачешь!

Жан (поет).

Перед тем как закачаться
В тесной петле роковой,
Дай к руке твоей прижаться
Мне кудрявой головой,
Дай узреть очарованье
Белой шеи, нежных плеч,
И услышать на прощанье
Звонко-сладостную речь.
Дай лобзание разлуки
И немножечко поплачь
В час, когда мне свяжет руки
Мой безжалостный палач.
И потом склони колени,
Мать Божью моля,
Чтобы лишних мне томлений
Не наделала петля.
Графиня выглядывает из окна. Слушает песню. На ее лице – испуг и печаль.

Слуги.

- Госпожа смотрит в окно.
- Графиня услышала песню.
- Она плачет.
- Ей жаль Жеана.
- Уж и вправду не любит ли она Жеана?
- Что это в ее руках?
- Графиня играет своим кинжалом.
- Как бы она не зарезалась!
- Этим-то шилом! Им и кошки не убить.
- Ну, не скажи.

Графиня (из окна). Милый Жеан, что случилось? На лице твоём слезы, одежда твоя изорвана. Куда тебя ведут эти добрые люди?

Жеан. Прости, милостивая госпожа моя Жеанна. Мудры были твои советы, но я их не послушался и вот погибаю. «Золотой Олень» поднял меня на свои широко разветвленные рога и бросил меня на роковой перекресток.

Плачет.

Агобард (с низким поклоном). Это он вспоминает трактир под вывескою «Золотой Олень». Там он с пьяных глаз сплел небывальщину, чтобы похвалиться, а граф узнал и оскорбился. Вот и ведем мальчишку.

Жеан. За рвом, над болотом, стоит черная виселица. На ней меня повесят.

Графиня. Бедный Жеан, да что же ты сказал? За что тебя ведут на казнь?

Жеан. Тремя упившийся глубокими чашами, в похвальбу себя наговорил я о том, что для всех должно оставаться в области несбыточных мечтаний: я хвалился твоею любовью ко мне, милая Жеанна. Мой сладкий сон я безумно предал неистовству буйного бреда.

Графиня. О безумный Жеан! Ты достоин наказания, но не столь ужасного, однако. В твоём возрасте так простительно мечтать о ласках прекрасной дамы. Добрые люди, не ведите его на виселицу, спасите жизнь моего верного пажа. Я щедро награжу вас за это.

Слуги.

– А если граф узнает?

– Он казнит нас за такое непослушание.

– На что нам тогда щедрые дары милостивой госпожи?

Графиня. Помедлите немного, я пойду к моему милому супругу и вымолю у него жизнь этого юного безумца. Казнить вы его всегда успеете, если граф его не помилует, – а для холодного трупа на черной виселице тщетною будет запоздалая милость.

Агобард. Исполним ваше повеление, госпожа, подождем. И правда, торопиться не к чему. Недаром старые люди говорят: поспешишь – людей насмешишь.

Тринадцатая картина

Княжеская спальня. Князь княгиню долго бил, упарился, сидит, пыхтит, платком утирается. Княгиня на полу валяется, прощенья просит.

Княгиня. Враг попутал, не сама согрешила. Нешто бы я своею волею тебя, ясна сокола, на экое чучело огородное променяла! Враг силен, горами качает, а людьми, как вениками, трясет.

Князь. Я тебя потрясу!

Княгиня. Смилуйся, князь, никогда больше не буду, на весь век закаюсь.

Князь. Как мне тебя, жена, не бить, а все мне с тобою жить. Вставай, поцелуемся.

Палата в графском замке. Графиня, стоя на коленях, просит графа за Жеана. Агобард у дверей.

Граф. Встань, милая Жеанна. Для твоих слез дарю жизнь дерзкому. Агобард, отвести Жеана на задний двор, собрать пажей и всех слуг и наказать мальчишку плетью. А потом выгнать его из замка, и чтобы не смел вперед никогда показываться ближе трех дней пути от замка.

Агобард уходит.

Графиня. Благодарю тебя, милый мой господин.

Граф. А ты, Жеанна, помолись усердно и долго, чтобы вперед очарование твоей красоты не соблазняло слабых. К данной Богом красоте Сатана прилепляет свои соблазны, угнездившись в прекрасном теле. Умолим всеблагого Создателя, чтобы не дал он злему врагу, творцу соблазнов, победы, – изгоним из прекрасного тела Сатану. Сатана же изгоняется ты знаешь чем, милая Жеанна?

Графиня. Знаю.

Граф. Чем?

Графиня. Молитвою.

Граф. А еще чем?

Графиня. Постом.

Граф. И еще?

Графиня. Бичеванием.

Граф. Пройдут дни печали, и будет изгнан Сатана.

Конец.

<1908>

Отравленный сад
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Юноша.

Красавица.

Ботаник, ее отец.

Граф.

Слуга.

Сад Ботаника, и рядом с ним садик при доме, где живет Юноша. Разделены забором выше роста человека. Сад Ботаика правильно разбит; деревья подрезаны в виде шаров, конусов и цилиндров; цветы, которых очень много, подобраны по тонам; они очень яркие, крупны и причудливой формы; видны толстые, как змеи-удава, бурые стебли ползучих растений; листья громадные, страшные на вид, ярко-зеленые. Садик очень мал и мил; к скромному домику лепится галерейка, с которой виден сад Ботаника. Юноша стоит на галерейке и в глубокой задумчивости смотрит на сад. По дороге сада медленно проходит старый Ботаник, опираясь на толстую палку.

Ботаник

Цветите, ядовитые цветы!
Миндаль, ваниль и ладан в воздух влейте.
Уходит. Идет Красавица. Вкалывает в волосы ярко-пунцовый цветок и улыбается радостно.

Юноша

На небе солнце радости безумной, –
Но где слова сказать о нем?
И если есть краса для чарований,
То как ее привлечь и чаровать?
Красавица останавливается, смотрит на Юношу и смеется радостно и весело.

Юноша

Прекрасная! Приди! Люби меня!
Красавица подходит ближе.
Красавица

Цена моей любви, – ее ты знаешь?
Юноша

Хотя б ценою жизни!
Красавица

Милый, мудрый!
Ты знаешь, видишь, ты дождешься.
Меня любили многие, и многим
Я улыбалась, утешая смертью,
Но никому еще не говорила
Я сладких слов: «Люблю тебя». А ныне
Хочу и жду.

Отвязывает от пояса шелковый черный шнурок с бронзовым на нем ключом и хочет бросить ключ Юноше. Но быстро подходит Ботаник, грубо хватая ее за руку и отнимает от нее ключ.

Ботаник

Безумная, что хочешь?
О чем тебе с ним говорить?
Не для таких, как он, мы сад взрастили,
Смолою ядовитую Анчара
Из века в век питаю почву эту.
Ты, Юноша, иди домой!
Смотрит на Юношу пристально. Юноша уходит в дом.

Ботаник, крепко сжимая руку Красавицы, увлекает ее к скамье, которая закрыта от дома Юноши громадным кустом. Садится на скамью. Укоризненно смотрит на дочь. Красавица становится на колени у его ног. Стоит прямо и покорно, с опущенными руками.

Ботаник

Зачем ты это сделала? Ты любишь?
Красавица

Я пламенею пламенем любви.
Ботаник

Дочь милая моя, ты так искусна
В уменьи дивном непорочных чар!
Мой замысел не довершен, и рано
Тебе отравленный оставить сад.
Красавица

Когда ж конец? Приходят и приходят.
Ботаник

Но ты должна мою исполнить волю.
Люблю тебя, но уступить заставлю.
Сейчас ты молодого Графа встретишь.
Один ему дай поцелуй, – не больше, –
И подари отравленный цветок.
Уйдет он, сладко, трепетно мечтая,
И неизбежное над ним свершится.
Входит Граф. Ботаник кланяется и уходит.

Красавица и Граф останавливаются у клумбы.

Красавица

Мой милый Граф, желанья ваши

Нетерпеливы очень, слишком пылки.

Граф

Очаровательница, знаю,
Ты холодна была ко многим,
Но ласковей ко мне ты будешь.
Клянусь я честью, потемнеть заставлю
От страсти синеву очей холодных!
Красавица

Чем вы стяжаете мою любовь?

Граф

От предков много у меня сокровищ,
Я золотом и шпагой их умножил.
Все у твоих рассыплю ног,
Рубины – плата за твои улыбки,
Жемчуг – за слезы, золото – за вздохи,
За поцелуи – бриллианты,
А за лукавую измену –
Удары верного кинжала.
Красавица

Еще не ваша я, а вы грозите.

Ведь я могу и рассердиться!

Граф

Прости, Красавица, мое безумство.
Любовь к тебе покоя от сердца гонит
И странных слов подсказывает много.
Сильней, чем жизнь мою, тебя люблю
И за тебя готов отдать не только
Мои сокровища и жизнь мою,
Но то, что жизни мне дороже, –
Готов я честь мою отдать.
Красавица

Слова от сердца к сердцу, милый Граф!

Но за любовь не надо многой платы, –

Не покупается, не продается.

Кто любит, тот умеет ждать.

Граф делает знак. Выходит Слуга, подает ларец и уходит. Граф вынимает диадему и подносит Красавице.

Красавица

Мои отцы рабами были,
А ты даришь мне диадему,
Достойную царицы.
Граф

Ты достойна
И более блестящей диадемы.
Красавица

Бичи жестоких – доля предков наших,
А мне – рубины радости венчанной.
Но не забуду крови предков!
Граф

Что помнить о давно минувшем!
Нам юность радости дарит,
Печаль воспоминаний – старцам.
Красавица

За ваш прекрасный дар, мой милый Граф,
Я вам сегодня дам один цветок
И поцелуй один, один, не больше.

Какой цветок хотите получить?
Граф

Что мне ни дашь, за все я благодарен.
Красавица

Бледнеете вы, милый Граф,
Вас опьяняют эти ароматы.
Я с детства надышалась ими,
И кровь моя пропитана их соком.
А вам не следует стоять здесь долго.
Скорее выберите ваш цветок.
Граф

Сама мне дай, какой захочешь.
Красавица срывает белый махровый цветок и вкладывает цветок в петлицу его
кафтана.

Граф

Как томно закружилась голова!
Целуй меня, Красавица, целуй!
Красавица нежно целует его. Граф хочет ее обнять, она отбегает. Он бросается за
нею, но его встречает Ботаник. Граф в замешательстве останавливается.

Ботаник

Я провожу вас, Граф.
Граф молча кланяется Красавице и уходит. Ботаник провожает.

Красавица (тихо)

Еще один!
И часа не пройдет, умрет, несчастный.
Юноша выходит на галерейку.

Красавица

Мой милый Юноша, люблю тебя.
Ты звал, и я пришла, чтобы сказать:
Беги от чар моих, беги далёко.
А я останусь здесь одна,
Упоена дыханием Анчара.
Юноша

Прекрасная! едва тебя узнал,
Ты для меня души моей дороже, –
Зачем же так слова твои жестоки?
Иль ты любви моей не веришь?
Зажглась внезапно, но уж не погаснет.
Красавица

Люблю тебя, тебя ли погублю?
Дыхание мое – смертельный яд,
И мой прекрасный Сад отравлен.
Спешి оставить этот Город,
Беги далёко, обо мне забудь.
Юноша

Душа не одного ль мгновенья жаждет?
Сгореть в блаженном пламени любви
И умереть у ног твоих сладчайших!
Красавица

Возлюбленный! Так будет, как ты хочешь.
С тобою умереть мне сладко!
Иди ко мне, в мой страшный Сад,
Я темную тебе открою повесть.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Бросает ключ. Юноша подхватывает его на лету.

Красавица

Я жду, я жду! Иди, мой милый!
Юноша бежит вниз, открывает калитку, входит в сад Ботаника.

Красавица

Рабами были наши предки.
Покорен слову господина,
Один из них пошел в пустыню,
Где злой Анчар под солнцем дремлет.
Смолу Анчара он принес владыке
И, надышавшись ядом, умер.
Его вдова, пылая жаждой мести,
Отравленные стрелы воровала
И в тайные бросала их колодцы,
Водой колодца землю поливала,
Вот эту, где теперь наш сад разросся,
И стала эта почва ядовита, –
И той водой мочила полотенце
И полотенцем сына утирала,
Чтоб кровь его пропитывалась ядом.
Из рода в род мы яд в себя впивали.
И пламенеет ядом наша кровь,
Дыханье наше – аромат отравы,
И кто целует нас, тот умирает.
Рабов потомки мстят потомкам князя.
Юноша

Я видел, – ты поцеловала Графа.
Красавица

Он умирает жертвою Анчара,
Отравлен он и ядом поцелуя,
И ядами безмерных ароматов.
Отец и дед мой странствовали долго,
Чтобы найти зловредные растенья,
И здесь, в отравленной издавна почве,
Цветы всю гневную раскрыли силу.
От их дыханий, радостных и сладких,
И капли рос становятся отравой.
Юноша

Твои лобзанья слаще яда!
Красавица

Богатых, знатных юношей прельщала
Я красотой отравленной моею.
Улыбкой я их смерти обрекала
И поцелуем каждого дарила,
Невинно, нежно, как целуют сестры.
И умирал, кого я целовала.
Юноша

Возлюбленная, если поцелуем
Ты даришь смерть, дай мне упиться смертью!
Прильни ко мне, целуй, люби меня,
Обвей меня сладчайшею отравой,
За смертью смерть в мою вливая душу,
Пока я весь в томленьи не истаю!
Красавица

Ты хочешь! Не боишься! Милый, милый!
(Обнимает и целует юношу.)

Мы вместе умираем, вместе!

Так сердце ядом пламенеет,
Стремятся в теле огненные струи,
Вся пламенем великим я объята!
Юноша

Я пламенею! Я сгораю
В объятиях твоих, и мы с тобою –
Два пламени, зажженные восторгом
Любви отравленной, но вечной.
Умирают.

<1908>

Мелкий бес
Драма в пяти действиях (6-ти картинах)
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Передонов, Ардальон Борисыч, учитель гимназии. Смотрит угрюмо. Близорукий, маленькие, заплавленные глаза. Золотые очки. Лицо румяное, равнодушно-сонное. С течением пьесы он все чаще и постояннее выражает тупой ужас. Любит смотреть на свои золотые часы.

Варвара Дмитриевна Молошина, его жена, в первых трех действиях еще не венчанная с ним и добивающаяся венчания. Одета нарядно, но безвкусно. Дома одевается кое-как. Набелена, нарумянена. Носит узкие башмаки на высоких каблуках, и потому походка неровная и неловкая. Часто ухмыляется, и усмешка у нее наглая.

Недотыкомка, существует только в воображении Передонова, тварь неопределенных очертаний, принимающая по временам разные образы. Каждый раз, когда она является, все на сцене становится как бред – освещение убывает, предметы кажутся странными и угрожающими, их очертания становятся человекообразными, люди изменяются, кажутся злыми, издевающимися над Передоновым, их лица и движения становятся чрезмерно пошлыми и вульгарными, и сами они тогда похожи на видения бреда, на карточные фигуры, на животных, на ворожею, колдунью или пиковую даму.

Марта, молоденькая девушка, живет у Вершиной. Недурна. Руки сильные и большие. Ноги большие. Веснушки.

Владя, ее брат, гимназист, лет 14-ти, похож на сестру.

Преполовенская, Софья Ефимовна.

Ершова, хозяйка дома, пьяная сапожница.

Клавдия, служанка.

Скучаев, городской голова.

Тишков, купец.

Рубовский, жандармский офицер.

Авиновицкий, прокурор.

Верига, предводитель дворянства.

Хрипач, директор гимназии.

Госпожа Хрипач.

Гудаевский, нотариус.

Гудаевская.

Богданов, инспектор народных училищ.

Мачигин, учитель.

Скобочкина, учительница.

Крамаренко, гимназист.

Бенгальский, актер.

Городовой.

Фигуры всех мастей.

Минчуков, исправник.

Унылая дама.

Пожилая дама.

Озлобленная дама.

Пьяный купчик.

Мещанин.

Курноса.

Гости в клубе.

Володин, Павел Васильевич, учитель ручного труда в городском училище, глупый молодой человек. Похож на барана – волосы курчавые, лоб крутой, глаза выпуклые, светлые и тупые, говорит резким, дребезжащим тенорком, смеется, точно блеет, потряхивает лбом, выпячивает губы. В бредовые минуты Передонова это сходство с бараном еще увеличивается почти до полной иллюзии.

Рутилов, Платон Платонович, чиновник, щеголевато одетый, бледный, высокий, узкогрудый.

Лариса, его замужняя сестра, полная, спокойная.

Дарья, вторая сестра, высокая, тонкая, решительная, дерзкая.

Людмила, третья сестра, самая красивая. Любит духи, наряды, все красивое.

Валерия, младшая сестра, тоненькая, маленькая, хрупкая.

Саша Пыльников, гимназист, черноглазый, черноволосый, похож на девочку.

Грушина, Марья Осиповна, молодая вдова с преждевременно опустившейся наружностью. Тонкая и стройная. Лицо в морщинках, но еще не лишенное приятности. Одета небрежно.

Вершина, Наталья Афанасьевна, вдова, землевладелица. Говорит тихо и быстро. Маленькая, худенькая, темнокожая, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Курит папиросы в черешневом темном мундштуке. Часто улыбается. Движения легкие, быстрые и уверенные. Кажется Передонову.

Действие первое

Столовая в квартире Передонова. Обои испачканы и изодраны. Передонов завтракает. Варвара хлопочет около стола, приготавливает ему кофе.

Варвара (раздраженно). Да еще что выдумала... Это, говорит, может быть, барин скушали. Они, говорит, на кухню зачем-то выходили, когда я в комнатах полы мыла, и долго, говорит, там пробыли.

Передонов (хмуро). И вовсе не долго, я только руки помыл, а изюму я там и не видел.

Варвара (кричит). Клавдюшка... Клавдюшка... Вот барин говорит, что он и не видел

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
изюма, значит, это ты его припрятала.

Клавдия показывает из кухни красное, опухшее от слез лицо.

Клавдия (рыдающим голосом). Не брала я вашего изюму, я вам его откуплю, только не брала я вашего изюму.

Варвара (сердито). И откупишь, и откупишь... Я тебя не обязана изюмом откармливать.

Передонов (с хохотом). Дюшка фунт изюму уплела.

Клавдия. Обидчики... (Уходит, хлопал дверь.)

Варвара подает Передонову кофе. Передонов наклоняется к стакану и нюхает. Варвара тревожится.

Варвара (пугливо). Что ты, Ардальон Борисыч? Пахнет чем-нибудь кофе?

Передонов (угрюмо). Нюхаю, не подсыпано ли яду.

Варвара. Да что ты, Ардальон Борисыч... Господь с тобой... С чего ты это выдумал?

Передонов (бурчит). Омегу набуровила.

Варвара. Что мне за корысть травить тебя? Полно тебе петрушку валять. Я за тебя хлопочу, княгиню прошу, чтобы дала тебе хорошее место, ты венчаться на мне обещал, – зачем же я травить тебя стану?

Передонов (нюхал долго. Успокоился). Уж если есть яд, так тяжелый запах непременно услышишь... Только поближе нюхнуть, в самый пар. А княгиня твоя...

Клавдия вбегает радостно, бросая на стол смятую синюю оберточную бумагу.

Клавдия. Вот, на меня говорили, что я изюм съела, а это что? Нужен мне очень ваш изюм, как же...

Передонов. Ах, черт...

Варвара. Что это, откуда?

Клавдия (злорадно). У Ардальон Борисыча в кармане нашла. Сами съели, а на меня поклеп взвели. Известно, Ардальон Борисыч – большие сластуны, только чего ж на других валить, коли сами...

Передонов. Ну, поехала. И все врешь. Ты мне подсунула, я не брал ничего.

Клавдия. Чего мне подсовывать... Что вы, Бог с вами...

Варвара. Как ты смела по карманам лазить. Ты там денег ищешь...

Клавдия. Ничего я по карманам не лазаю... Я взяла пальто почистить, – все в грязи.

Варвара. А в карман зачем полезла?

Клавдия. Да она сама из кармана вывалилась, бумага-то, что мне по карманам лазить...

Передонов. Врешь, Дюшка...

Клавдия. Какая я вам Дюшка... Чтой-то такое, насмешники этикие... Черт с вами, – откуплю вам ваш изюм, подавитесь вы им, сами сожрали – а я откупай. Да и откуплю, – совести, видно, в вас нет, стыда в глазах нет, а еще господа называетесь. (Уходит в кухню, плача.)

Передонов отрывисто хохочет.

Передонов. Взъерепенилась как...

Варвара. И пусть откупает... Им все спускать, так они все сожрать готовы, черти голодушные. Когда пекутся пирожки с вареньем, твои любимые, я из кухни выйти боюсь, – отвернись, украдет пирожок, а то больше.

Передонов. Княгиня...

Варвара (волнуясь). Что княгиня... Что такое княгиня?

Передонов. А то княгиня, – нет, пусть она сперва даст инспекторское мне место, а уж потом я и женюсь. Ты ей так и напиши.

Варвара. Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, что княгиня обещает только тогда выхлопотать тебе инспекторское место, когда я выйду за тебя замуж, а то ей за тебя неловко просить, пока мы не венчаны.

Передонов. Напиши, что мы уже повенчались.

Варвара. Что ж врать... Ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

Передонов. Какое платье?

Варвара. Да разве в этом затрапезе венчаться? Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

Передонов. Себе в могилу готовишь.

Варвара. Скотина ты, Ардальон Борисыч...

Передонов. Варвара, знаешь, где я сегодня был?

Варвара. Ну, где?

Передонов. У Вершиной.

Варвара. Нашел себе компанию, нечего сказать...

Передонов. Видел Марту.

Варвара. Вся в веснушках, рот до ушей, хоть лягушке пришей.

Передонов. Да уж красивее тебя. Вот возьму да и женюсь на ней.

Варвара. Женись только на ней, я ей глаза кислотой выжгу. Ты думаешь, все эти девки, что за тобою вяжутся, молоденькие, так и хорошенькие. Они все дряни, я их всех красивее...

Передонов. Ты себе все тело красишь.

Варвара. Ну и крашу, а все-таки...

Передонов. Плевать я на тебя хочу...

Варвара. Не проплюнешь...

Передонов. А вот и проплюну...

Встает и с тупым, равнодушным видом плюет ей в лицо.

Варвара. Свинья...

Обтирается салфеткой. Передонов молчит.

Варвара. Право, свинья. Прямо в морду попал.

В передней слышится блеющий, словно бараний, голос.

Передонов. Не ори – гости...

Варвара. Ну, это Павлушка...

Володин входит с громким, радостным смехом.

Володин. Ардальон Борисыч, дружище... Ты дома кофеек распиваешь, а вот и я тут как тут.

Варвара. Клавдюшка, неси третью ложку... (Володину.) Мы только три держим, – остальные спрятаны, а то еще украдут. За прислугой только недосмотри.

Передонов. Ешь, Павлушка. А я, брат, уж теперь скоро в инспекторы пролезу, – Варя княгиня обещала.

Володин (хлопая Передонова по плечу). А, будущий инспектор кофеек распивает...

Передонов. А ты думаешь, легко в инспекторы вылезть? Донесут – и крышка...

Варвара. А что доносить-то...

Передонов. Мало ли что? Скажут, что я Писарева читал, и ау...

Володин. А вы, Ардальон Борисыч, этого Писарева на заднюю полочку.

Передонов. Ну, у меня, может быть, никогда и не было Писарева.

Володин (хихикая). А какие же это книжечки вон там стоят, Ардаша?

Передонов. Хочешь выпить, Павлушка?

Володин. Ежели за компанию, то я всегда готов выпить, а так ни-ни...

Передонов. Варвара, а где же водка?

Варвара, метнувшись из-за стола и виновато улыбаясь, быстро приносит водку в графине.

Передонов. Выпьем.

Варвара. Подожди – Клавдюшка закуску принесет. (Кричит в дверь.) Копа, шевелись... Объялась изюму...

Передонов. Чего ждять... Время не ждет. (Разливает водку по рюмкам.)

Володин. Со свиданием, за ваше здоровье, Варвара Дмитриевна.

Варвара. Кушайте на здоровье, Павел Васильевич.

Пьют и закусывают сладкими пирожками. Клавдия приносит закуску. Уходя, она не затворяет за собой двери.

Передонов. Вечно двери настезь. Сквозняк. Простудиться можно.

Варвара. Клавдюшка, дверь закрой! Что, за тобой швейцара ставить надо, барыня толстомясая?

Дверь с грохотом захлопывается. Передонов плещет остаток кофе на обои. Володин глядит, с удивлением тараща глаза.

Володин. Что это у вас обои...

Передонов и Варвара хохочут.

Варвара. Назло хозяйке, мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

Володин. Отлично.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Передонов подходит к стене и колотит по ней подошвами. Володин тоже лягает стену.

Передонов. Мы всегда, когда едем, пакостим стены, пусть помнят.

Володин. Каких лепех насажали...

Варвара. Иришка-то как обалдеет...

Все трое с хохотом плюют на стену, колотят по ней сапогами, рвут обои. Потом, усталые, отходят.

Володин. Слушай, Ардальон Борисыч, что я хотел тебе сказать. Всю дорогу думал, как бы не забыть, и чуть не забыл.

Передонов. Ну?

Володин. Вот ты любишь сладкое, а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

Передонов. Я сам все вкусные кушанья знаю.

Володин. Может быть, вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были?

Передонов. На твоей родине дохлых кошек жрут.

Володин. Позвольте, Ардальон Борисыч, это, может быть, на вашей родине изволят кушать дохлых кошечек, этого мы не будем касаться, а только орлов вы никогда не кушали.

Передонов. Нет, не кушал.

Варвара. Что же это за кушанье такое?

Володин. А это вот что, – знаете вы кутью...

Варвара. Ну, кто кутьи не знает...

Володин. Так вот пшенная кутья, с изюмцем, с сахарцем, – это и есть орлы. Если вы хотите, чтобы все было как следует, так вы дайте мне материал, а я вам и сварю.

Передонов. Пусти козла в огород.

Володин. Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы я – мне вашего сахарцу не надо.

Варвара. Ну, что там валять петрушку... Ведь вы знаете, у него всегда привереды. Приходите и варите.

Передонов. Сам и есть будет.

Володин. Это почему же?

Передонов. Потому что гадость. Кутья... В покойники, что ли, записать меня хочешь? Еще подсыплешь чего-нибудь.

Володин. Как вам угодно, Ардальон Борисыч, а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.

Передонов. А как тебя генерал-то отбрил...

Володин. Какой генерал?

Передонов. Да слышали, слышали...

Володин. Позвольте, Ардальон Борисыч, вы слышали, да, может быть, недослышали. Я вам расскажу, как все это дело было.

Передонов. Ну, рассказывай.

Володин. Это было дело третьего дня, об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, изволите видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо, – это не мое дело. Положим, я знаю, что он – предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, – но этого я не трогаю. Приходит и пусть. Мы им не мешаем, работаем помаленьку, вдруг они к нам входят, и Верига, изволите видеть, в шапке.

Передонов. Это он тебе неуважение оказал.

Володин. Изволите видеть? И у нас образ висит, и мы сами без шапок, а он вдруг является таким мамелюком. Я ему и изволил сказать тихо, благородно: «Ваше превосходительство, – говорю, – потрудитесь вашу шапочку снять, потому, – говорю, – как здесь образ». Правильно ли я сказал?

Передонов. Ловко, Павлушка, так ему и надо.

Варвара. Конечно, что им спускать. Молодец, Павел Васильевич...

Володин. А он вдруг изволил мне сказать: «Всякий сверчок знай свой шесток». Повернулся и вышел. Вот как все дело вышло, и больше никаких.

Передонов. А что тебе твой инспектор-то сказал?

Володин. Изволите видеть, какой он свинья... Вдруг говорит мне: «Как вы могли, – говорит, – генералу такие слова сказать? За это, – говорит, – вам по морде следовало дать». Конечно, я человек маленький, и если он хочет, чтобы я пошел извиниться, то извольте – я пойду, – но только такие слова произносить даже очень нехорошо, и совсем не делает ему чести.

Передонов. Ну, на тебе карамельку. Соси, утешайся.

Входят Преполовенская и Грушина.

Преполовенская. Мир вам, и мы к вам. Принимайте гостей.

Грушина. Давно не виделись, по вас соскучились.

Варвара. А, Софья Ефимовна, Марья Осиповна. Сколько лет, сколько зим...

Преполовенская. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна. Здравствуйте, Ардальон Борисыч. Какие там зимы, – вчера в стуюлку играли все вместе.

Варвара. Да уж это так говорится, для приятного разговора.

Передонов. Здравствуйте... Садитесь, кофе пейте с пирожками. Варя для меня пекла, да мне не жалко.

Грушина и Варвара отходят к сторонке и шепчутся.

Преполовенская. Что это вы, Павел Васильевич, зачастили к Варваре Дмитриевне?

Володин. Я не к Варваре Дмитриевне изволил прийти, а к Ардальону Борисычу.

Преполовенская. Уж не влюбились ли вы опять в кого-нибудь? Ведь вы все невесту с приданным ищете.

Володин. Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

Преполовенская. Смотрите, влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь?

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Володин выпячивает губы, поднимает брови и не знает, что сказать.

Преполовенская. Да вы не робейте, Павел Васильевич, – чем же вы не жених... И молоды, и красивы...

Володин. Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят.

Преполовенская. Ну, как не захотят. Уж больно вы скромны некстати.

Володин. А может быть, и я не захочу. Я, может быть, и не хочу на чужих сестрицах жениться. У меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница есть.

Варвара. Что вы меня сватаете, Софья Ефимовна... Вот вы лучше вашу меньшую, Геничку, за Павла Васильевича сватайте.

Преполовенская. Зачем же я стану его от вас отбивать?

Передонов. Хочешь, к Адаменковой барышне тебя посватаю? Или все еще по Марте скучаешь? Целый месяц утешиться не можешь.

Володин. Что ж мне по Марте скучать? Я ей честь честью сделал предложение, а ежели она не хочет, то что же мне? Я и другую найду. Разве уж для меня и невест не найдется? Да этого добра везде сколько угодно.

Передонов. Да, а вот Марта натянула тебе нос.

Володин. Уж не знаю, какого жениха они ждут. Хоть бы приданое большое было, а то ведь гроши дадут. Это она в тебя, Ардальон Борисыч, втюрилась.

Передонов. А я бы на твоём месте ворота дегтем вымазал.

Володин. Если поймают, так неприятность может выйти.

Передонов. Зачем самому? Найди кого-нибудь.

Володин. И следует, ей-богу следует. Потому как ежели она в законный брак не хочет вступить, а сама с молодыми людьми до зари прогуливать изволит, то уж это что ж. Уж это значит – ни стыда, ни совести нет у человека.

Преполовенская. Хорошие у вас яйца. Где вы их достаете?

Передонов. Это еще что яйца, – а вот в нашем имении у отца курица по два крупных яйца в день круглый год несла.

Преполовенская. Что ж такое? Эка невидаль... Нашли чем хвастать... Вот у нас в деревне была курица, так та несла в день по два яйца и по ложке масла.

Передонов. Да, да, и у нас тоже. Если носят другие, так и она несла. У нас выдающаяся была.

Варвара (смеясь). Петрушку валяют.

Грушина. Уши вянут, такой вздор вы несете.

Передонов. А коли вянут, оборвать их надо.

Грушина. Ну, уж вы, Ардальон Борисыч, всегда такое скажете...

Все смеются.

Володин. Если у вас уши вянут, Марья Осиповна, то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас совсем завянут и так станут мотаться, туда-сюда, туда-сюда. (Показывает пальцами.)

Грушина. Ну, уж вы туда же, сами ничего придумать не умеете, на готовенькое прохаживаетесь.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Володин. Я и сам могу, Марья Осиповна. А только как мы в компании у будущего инспектора приятно время проводим, то отчего же не поддержать чужую шутку. А если это вам не нравится, то как вам будет угодно. Как вы к нам изволите, так мы к вам изволим.

Преполовенская. Уж Павел Васильевич за себя постоит.

Грушина что-то тихо говорит Преполовенской и Варваре. Те смеются. Варвара, отрезав кусок булки и заслушавшись, держит нож в руке. Острие сверкает. Недотыкомка выглядывает из-за двери и скрывается. Передонову страшно.

Передонов. Варвара, положи нож.

Варвара. Чего кричишь? Испугал... Ведь вы знаете, у него всё привереды.

Грушина (продолжая рассказ). Она князю и кричит: «Здравствуй, Жанчик». Это на улице-то...

Передонов. А вот я на вас донесу. Разве можно про таких знатных лиц такие глупости болтать?

Грушина. Да ведь я что ж. Мне так рассказывали знакомые в Питере. За что купила, за то и продаю.

Передонов (Володину). Что, брат, завидно небось? Да вот ты не будешь инспектором, а я буду.

Володин. Всякому свое, Ардальон Борисыч. Вы в своем деле специалист, а я в своем.

Варвара. А Наташка-то наша от нас прямо к жандармскому поступила.

Передонов. Врешь...

Варвара. Ну, вот чего мне врать. Хоть сам поди к нему, сприси...

Грушина. Верно, верно, Ардальон Борисыч. Я сама ее видела на базаре.

Передонов. Тварь подлая. Мы ее выгнали – воровала сладкие пирожки. Теперь наскажет жандармскому, чего и не было. (С ужасом смотрит на полочку над комодом, где лежат сочинения Писарева и «Отечественные записки»). Книги эти надо спрятать, а не то на меня донесут. А я их и не читал.

Преполовенская. Зачем же вы их держите, Ардальон Борисыч?

Передонов. Мне читать некогда. Мне время дорого.

Варвара. Мы и газет не выписываем. Новости знакомые скажут. А газеты денег стоят. Лучше проесть.

Передонов (подходя к полочке). Уж у нас такой город – сейчас донесут. Помоги-ка, Павлушка.

Володин. То есть как это Павлушка? По дружбе или как?

Передонов. По дружбе, по дружбе, только иди скорей.

Володин. Ну, если по дружбе, то я рад, я очень рад. Ты хороший человек, Ардаша, и я тебя очень даже люблю. А если бы не по дружбе, то это был бы другой разговор. А если по дружбе, то я рад.

Подходит к Передонову с серьезным и понимающим видом, осторожно принимает книги. Себе Передонов берет пачку поменьше, Володину дает побольше и идет к печке, а Володин за ним.

Володин. Куда же вы их спрячете, Ардальон Борисыч?

Передонов. А вот увидишь...

Грушина. Что это вы потащили, Ардальон Борисыч?

Передонов. Строжайше запрещенные книги. Сошлют, коли увидят.

Присевши на корточки перед печкой, сваливает книги на железный лист. Володин делает то же. Оба запихивают книги в отверстие топки. Володин сидит на корточках рядом с Передоновым, немного позади, и сохраняет глубокомысленное выражение с выпяченными из важности губами.

Варвара. Пошел валять петрушку.

Грушина. Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, вы так не говорите. За это большие неприятности могут быть, если узнают. Особенно, если учитель.

Преполовенская. А что, Ардальон Борисыч, гимназисты-то у вас плохо себя ведут?

Передонов. Директор распустил. Они и в церкви шалят. Он тут же стоит и не замечает.

Преполовенская. А уж особенно те, которые на квартирах. Курят, пьют водку, ухаживают за девчонками, – форменное безобразие...

Передонов. Это верно...

Грушина. Квартирные хозяйки им потакают. Я хотела держать у себя гимназистов, а директор не позволил, хоть и Ардальон Борисыч за меня просил. Об вас, говорит, дурная слава. А то-то у других прелестно.

Володин. Хозяйки все нехорошие. Вот хоть моя. У меня с нею был такой договор, когда я комнату нанимал, что она будет давать мне вечером по три стакана молока. Хорошо, месяц, другой так мне и подавали.

Преполовенская. И вы не опились, Павел Васильевич?

Володин. Зачем опиваться? Молоко – полезный продукт, я и привык три стакана выпивать на ночь. Вдруг вижу, приносят два стакана. Это, спрашиваю, почему? Прислуга говорит: Анна Михайловна, говорит, просит извинить, что коровка у них нынче мало молока дает. А мне что за дело... Уговор дороже денег... У них совсем коровка не даст молока, так мне и кушать не дадут? Ну, я говорю, если нет молока, то скажите Анне Михайловне, что я прошу дать мне стакан воды. Я привык кушать три стакана, мне двух стаканов мало.

Передонов. Павлушка у нас герой. Расскажи, как ты с генералом сцепился.

Володин. Я это уже изволил рассказывать. А теперь мы лучше стенки попачкаем – это веселее.

Все радостно принимаются пачкать стены. Плюют на обои, обливают их пивом, пускают в стены и потолок бумажные стрелы, запачканные на концах маслом, лепят на потолок чертей из жеваного хлеба. Слышен общий нестройный гул голосов, из которого выделяются чьи-то восклицания и взвизгивания Недотыкомки:

«Ловко... Знай наших... А ну, кто выше плюнет... На пяточок... Моя взяла... Господа, рви обои, кто длиннее вытянет. Складывайтесь по пяточку – кто длиннее вытянет, тот получает».

Преполовенская (Передонову). Я ведь знаю ваш вкус. Вы егастых недолюбливаете. Вам надо выбирать себе под пару, девицу в теле. Вот хоть мою Геничку возьмите.

Передонов отмалчивается. Володин много выпил и вдруг загрустил.

Володин. И зачем она меня родила? И что она тогда думала? Какова моя теперь жизнь? Она мне не мать, а только родительница. Потому как настоящая мать заботится о своем детище, а моя только родила меня и отдала на казенное воспитание с самых малых лет.

Преполовенская. Зато вы обучились, вышли в люди.

Володин. Нет, уж какая моя жизнь. Самая последняя жизнь, и зачем она меня родила? Что она тогда думала?

Между тем в гвалте и сумятице слышится порой тонкое взвизгивание, и Недотыкомка мелькает, дразнит Передонова, а сама прячется за людей.

Передонов (Преполовенской). На свою мать жалуется, зачем она его родила. Не хочет быть Павлушкой. Мне завидует. Хочет на Варваре жениться и в мою шкуру влезть. Хоть бы женить его на ком-нибудь. Варвара с Павлушкой снюхалась, – уж это я заметил. Меня с нею окрутят, а как пойдем на инспекторское место, отравит ерлами, похоронит за Павлушку, а Павлушка будет инспектором. Ловко придумали. Да я не прост...

Преполовенская (шепчет). Плюньте на Варвару, женитесь на моей Геничке...

В передней слышен шум. Передонов уставляет в дверь прищуренные глаза. На его лице – выражение ужаса.

Варвара (маша рукой). Ш-ш... Тише...

Варвара подкрадывается к двери в залу, едва приоткрывает ее, заглядывает, потом на цыпочках, растерянно улыбаясь, возвращается к столу. Из передней доносятся визгливые крики и шум.

Варвара. Ершиха пьяная-распьяная. Клавдюшка ее не пускаете, а она в залу так и прет.

Передонов. Как же быть?

Варвара. Пойду в залу, чтобы она сюда не залезла.

Варвара наливает большую рюмку водки, ставит ее на поднос, набирает на тот же поднос пирожков и кое-какой закуски, выходит с этим подносом в залу и прикрывает за собой двери. Из-за задней двери слышен крик хозяйки, Ершовой.

Ершова. Нет, ты меня за свой стол посади. Что ты мне выносишь на подносе? Я на скатерке хочу. Я – хозяйка домовая, так ты меня почти. Ты не гляди, что я пьяная. Зато я честная, я своему мужу жена. Сестра... Знаем мы, какая ты есть сестра. А отчего к тебе директорша не ходит? А?

Варвара. Да ты не кричи.

Ершова. Как ты можешь мне указывать? Я в своем доме. Что хочу, то и делаю. Не хочу пирожков, хочу барских жамочек. Скусные жамочки господу жрут, и-их вкусные.

Варвара. Нет у меня никаких жамочек. Вот дают тебе пирожки, так и жри.

Ершова. Дай дорогу, ехидна. (Врывается в столовую, с треском распахивая дверь. Останавливается близ порога, видит испачканные обои и пронзительно свистит. Подбоченивается, лихо отставляет ногу, неистово кричит.) А, так вы в самом деле хотите съезжать?

Варвара. Что ты, Ирinya Степановна, мы и не думаем. Полно тебе петрушку валять.

Передонов. Мы никуда не уедем, нам и здесь хорошо.

Ершова подступает к Варваре, размахивая кулаками. Передонов держится позади Варвары.

Передонов (Володину, тихо). Сейчас подерутся. Потеха...

Ершова. На одну ногу стану, за одну дерну, пополам разорву.

Варвара. Да что ты, Ирinya Степановна. Перестань... У нас гости.

Ершова. А подавай сюда гостей. Гости-то твоих мне и надобно. (Меняя вдруг речь и обращение, Ершова низко кланяется Преполовенской, причем едва не падает.)

Барыня милая, Софья Ефимовна. Простите вы меня, бабу пьяную. А только что я вам скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете ли, что она про вас говорит? И кому, кому же? Мне, пьяной сапожнице. Зачем? Чтобы я всем рассказала, вот зачем.

Варвара. Ничего я тебе не говорила.

Ершова. Ты не говорила. Ты, касть поганая.

Варвара. Ну, замолчи.

Ершова. Нет, не замолчу. Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли.

Преполовенская. Благодарю покорно, не ожидала.

Варвара (Ершовой). Врешь...

Ершова сердито гукает, топает и машет рукой на Варвару. Обращается к Преполовенской.

Ершова. Да и барин-то этот про вас, матушка-барыня, Софья Ефимовна, что говорит... Ведь эта с его слов печатает поганым языком. Вот они какие есть самые мерзкие люди. Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, ничем с такими расподлыми людьми возжаться.

Преполовенская, вся покрасневшая, молча идет к двери в прихожую. Передонов идет за нею. Ершова подходит к столу и пьет наливку.

Передонов. Она врет, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы – дура, да и то со злости, а больше ей-богу ничего не говорил. Это она сама сочинила.

Преполовенская. Да что вы, Ардальон Борисыч... Ведь я вижу, что она пьяная, сама не помнит, что мелет. Конечно, разве порядочный человек про своих знакомых такие вещи станет говорить? Только зачем вы ей все это позволяете в вашей квартире?

Передонов. Вот поди знай, что с нею сделаешь...

Ершова. Эй, барин... Пойдем во двор, спляшем, если вправду съезжать не хочешь.

Тащит Передонова за рукав. Выходят оба стремительно, приплясывая.

Варвара (Преполовенской). Ведь вы знаете, какой он дурак, что говорит – сам не знает.

Преполовенская. Ну, полноте, что вы беспокоитесь. Мало ли что пьяная баба сболтнет. (Подходит к окну. Улыбается) Да никак они пляшут... Ардальон-то Борисыч с Ершихой... На дворе вокруг груши...

Все в комнате смеются. Преполовенская открыла окно. Слышно, как Ершова, развеселившись, кричит во все горло.

Ершова (со двора Варваре). Эй ты, фря. Выходи плясать. Ай гнушаешься нашей компанией...

Варвара. Этакая язва поганая...

Ершова. Черт с тобой. Уморилась... Посидим, барин, на травке, потом опять попляшем.

Володин. Эк их разбирает... Потеха...

Варвара. Стерва проклятая... Муж у нее колпак, – прибил бы хорошенько...

Володин. Погоди же, хозяйка любезная, я тебе удружу. Давайте еще пачкать... Теперь уж все равно... Сегодня сюда не вернется – упаточится там на травке, пойдет спать. (Заливается блеющим смехом, прыгает бараном.)

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Преполовенская. Конечно, пачкайте, Павел Васильевич. Что ей в зубы смотреть. Если и придет, так ей можно будет сказать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин с хохотом принимается неистово прыгать вдоль стен, попирает их подошвами и весь сотрясается при этом. Его визги хохот наполняют весь дом. Входит Передонов.

Передонов. Отвязалась. Пошла спать.

Володин. Еще напачкали. Ура...

Все. Ура... ура...

Передонов. Павлушка, давай плясать...

Володин. Давай, Ардальоша...

Передонов. Клавдюшка, верти аристон.

Входит Клавдия. С угрюмым выражением на лице вертит аристон. Передонов и Володин пляшут, нелепо вскидывая ноги.

Преполовенская. Расплясался Ардальон Борисыч.

Варвара. Уж и не говорите, – у него все причуды. Он у меня молодец и красавец.

Передонов. Кадриль... Павлушка, бери даму. Приглашай Софью Ефимовну. А я с Марьей Осиповной.

Варвара. Чего только не придумают...

Танцуют – Передонов с Грушиной, Володин – с Преполовенской. Кричат, хохочут, дурачатся. Варвара в глубине комнаты приплясывает одна. Из-за подола ее юбки порой, то справа, то слева, мелькает Недотыкомка, слегка повизгивая.

Грушина. Ой, батюшка, голова закружилась. Не могу больше...

Передонов. Ну, будет... Клавдюшка, убирайся. (Ждет, пока закроется дверь за Клавдией, потом вытаскивает бумажник, отсчитывает несколько кредиток и бросает их Варваре.) Бери деньги, Варвара, шей себе платье. А мы с Павлушкой на бильярд пойдем играть.

Варвара подбирает разлетевшиеся по полу кредитки.

Преполовенская (тихо Володину). Это на какое же платье так расщедрился Ардальон Борисыч?

Володин (тихо). Я так понимаю, что на подвенечное.

Преполовенская (тихо). Ну, это мы еще посмотрим, чья возьмет. (Варваре.) Пора уж и мне к домам, Варвара Дмитриевна.

Варвара. Что ж так торопитесь... Посидели бы еще.

Преполовенская. Нельзя. Муж скоро придет, ждать будет.

Уходят Преполовенская, Переделов и Володин, а за ними, провожая их, и Варвара. За сценою слышны голоса. Грушина, оставшись одна, подходит к столу и напихивает себе в карманы что попало: сахар, пирожки, куски колбасы... Потом отходит к окну. Входит Варвара.

Варвара. Уж так я рада, что вы пришли, Марья Осиповна... Садитесь кушайте. Налю уж я себе кофейку за компанию.

Грушина. За компанию жид удавился.

Варвара. Мой-то гусь опять был у Марфушки.

Грушина. Это они его ловят. Еще бы. Жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

Варвара. Уж и не знаю, право, как и быть. Ершистый такой стал, что просто страх. Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

Грушина. Что вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не думайте этого. Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится. Он к вам привык.

Варвара. Уйдет иногда к ночи, а я уснуть не могу. Кто его знает. Может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь так и промаешься. Все на него зарятся, – и рутиловские три кобылы – ведь они всем на шею вешаются, – и Генька толсторожая. Преполовенчиха все вертится у нас. Так и мучит.

Грушина. Ершиха-то ей сегодня как вывезла.

Варвара. Ну, что ой, бесстыжей. Ей плюнь в глаза, оботрется, скажет – Божья роса. Все старается посорить меня с Ардальоном Борисычем. Володина подговаривает за меня свататься. А с чего я за Павлушку пойду? Он дурак, да и получает вчетверо меньше Ардальон Борисыча. Это все, чтоб свою сестрицу Геньку спихнуть за моего.

Грушина. Да вы бы его окрутили поживее.

Варвара. Мой-то дурак Ардальошка требует, чтобы я опять княгине Волчанской написала. Она, вы знаете, еще в прошлом году писала, что не станет за жениха просить, а только когда повенчается. То же и сама мне летом сказала, когда я к ней ходила. Да и то, как она обещает... При случае, мол, попрошу. Моему-то сокровищу этого мало. А чего я ей попусту писать стану? Она и не ответит или ответит неладное. Знакомство-то не больно велико. Что домашней-то портнихой я у нее жила... Уж я на вас как на каменную гору надеюсь. Помогите мне, голубушка Марья Осиповна.

Грушина. Да как же я могу помочь, душечка Варвара Дмитриевна? Уж вы знаете, я для вас все готова сделать, что только можно. Поворожу, не хотите ли?

Варвара. Ну что ваша ворожба. Знаю я... Нет, вы должны иначе помочь.

Грушина. Как же?

Варвара. Очень просто. Вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу Ардальон Борисычу.

Грушина. Ой, голубушка, что вы. Как это можно... Как узнают все это дело, что мне тогда будет?

Варвара. Вот я вам и письмо княгинино дам для образца.

Грушина. Уж, право, не знаю. Как же это так... За подлог в тюрьму сажают.

Варвара. Да уж я вам шелковое платье подарю мое старое. Вы мне только это сделайте.

Грушина. Ну да уж ладно. Уж только что мне вас жалко. Была не была – рискну. (Берет письмо.)

Варвара. Уж я вам буду так благодарна.

Грушина. Душенька Варвара Дмитриевна, какую я вам новость скажу. Вы просто ахнете.

Варвара. Ну, какая там новость...

Грушина. Нет, только подумайте, какие есть на свете низкие люди. На такие шутки идут, чтобы достичь своей цели.

Варвара. Да в чем дело-то?

Грушина. Да уж не знаю – говорить ли вам, вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не тревожьтесь, – они ничего не успеют.

Варвара (испуганно). Да что такое? Говорите, не мучьте.

Грушина. Знаете, нынче поступил в гимназию, прямо в пятый класс, один гимназист, Пыльников, будто бы из Рубани, потому что его тетка в нашем уезде имение купила, так вот он будто бы из той гимназии сюда и перевелся, к тетке поближе.

Варвара. Ну, знаю, видела. Как же, если они с теткой приходили. Такой смазливый мальчишка, на девчонку похож и все краснеет.

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, как же ему не быть похожим на девчонку, – ведь это и есть переодетая барышня...

Варвара. Да что вы...

Грушина. Нарочно это они так придумали, чтобы Ардальона Борисыча подловить. Видите ли, у этой барышни есть двоюродный брат, сирота, – он и учился в Рубани. Так мать-то этой барышни его из гимназии и взяла, а по его бумагам барышня сюда и поступила. И вы заметьте, они его поместили на квартире, где других гимназистов нет. Он там один, так что все шито-крыто, думали, останется.

Варвара. А вы как же узнали?

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, слухом земля полнится. И так сразу стало подозрительно: все мальчики как мальчики, а этот тихоня – ходит как в воду опущенный. А по роже посмотреть – молодец молодцом должен быть, румяный, грудастый. И такой скромный – товарищи замечают, – ему слово скажут, а он уж и краснеет. Они его и дразнят девчонкой. Только они думают, что это так, чтобы посмеяться, не знают, что это правда. И представьте, какие они хитрые. Ведь и хозяйка ничего не знает...

Варвара. Как же вы-то узнали?

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, чего я не узнаю... Я всех в уезде знаю... Как же, ведь это всем известно, что у них еще мальчик дома живет, таких же лет, как этот. Отчего же они не отдали их вместе в гимназию. Но все это вздор, это-то и есть гимназист. И опять же известно, что у них была барышня, а они говорят, что она замуж вышла и на Кавказ уехала. И опять врут, – ничего она не уехала, а живет здесь под видом мальчика.

Варвара. Да какой же им расчет?

Грушина. Как какой расчет? Подцепит какого-нибудь из учителей. Мало ли у вас холостых. А то и так кого-нибудь. Под видом-то мальчика она может и на квартиру прийти, и мало ли что может.

Варвара. Смазливая девчонка-то...

Грушина. Еще бы – писаная красавица. Это она только теперь стесняется, а погодите, попривыкнет, разоидется, – так она тут всех в городе закружит. И представьте, какие они хитрые. Я, как только узнала об этаких делах, сейчас же постаралась встретиться с его хозяйкой – или с ее хозяйкой, уж как и сказать-то, не знаю.

Варвара. Чистый оборотень... Тьфу... Прости, Господи...

Грушина. Пошла я ко всеобщей в их приход, к Пантелеймону. А она богомольная. Ольга Васильевна, говорю, отчего это у вас нынче только один гимназист живет? Ведь вам, говорю, с одним невыгодно. А она и говорит: да на что, говорит, мне больше, суета с ними. Я и говорю: ведь вы, говорю, в прежние годы все двух-трех держали. А она и говорит, – представьте, голубушка Варвара Дмитриевна, – да они, говорит, уж так и условились, чтобы Сашенька один у меня жил. Они, говорит, люди не бедные, заплатили побольше, а то они, говорит, боятся, что он с другими мальчиками избалуется. Каково?

Варвара. Вот-то пройдохи... Что ж вы ей сказали, что девчонка...

Грушина. Я ей говорю: смотрите, говорю, Ольга Васильевна, не девчонку ли вам подсунули вместо мальчика?

Варвара. Ну, а она что?

Грушина. Ну, она думала, что я шучу, смеется. Тогда я посерьезнее сказала, – голубушка Ольга Васильевна, говорю, знаете, ведь говорят, что это девчонка. Но только она не верит. Пустяки, говорит, какая же это девчонка? Я ведь, говорит, не слепая.

Варвара. Да что же это такое? Совсем вы меня расстроили, Марья Осиповна.

Грушина. Душенька Варвара Дмитриевна, не бойтесь... Мы ее выведем на свежую воду.

Внезапно раздается сильный стук палкою в окно. Обе вздрагивают. Рама окна распахивается. Слышен голос Передонова: «Варвара, дай денег, – у меня все вышли».

Варвара (ворчит). Черт проклятый, епитоха... Проигрался опять...

Эпизод первый

У Коковкиной. Чайный стол. На стуле ранец. Коковкина и Саша пьют чай. Приходит Людмила.

Людмила (целуясь с Коковкиной). Я к вам по делу, милая Ольга Васильевна. Но это потом, а пока вы меня чайком согрейте. Холод, ветер, лужи, по лужам листья плавают.

Коковкина. Какая вы нарядная, Людмила Платоновна. Да и легонько же вы оделись...

Людмила. Я холода не боюсь. Сегодня все утро у себя в саду босиком ходила. Ай, какой у вас юноша сидит.

Саша неловко кланяется.

Коковкина. Это мой новый жилец, Саша Пыльников...

Людмила садится за стол. Коковкина наливает ей чай.

Людмила. Слышали, Ольга Васильевна, Передонов-то ходит по всем здешним начальникам, жалуется, что против него враги интригуют.

Коковкина. Да что вы говорите...

Людмила. Как же... Был у Вериги, у исправника, у прокурора, у Кириллова. Очень ему хочется инспектором быть. Вам скучно, голубушка, – что вы все дома с этим кисленьким гимназистиком сидите? Вы бы хоть к нам когда-нибудь заглянули.

Коковкина. Ну, где уж мне... Стара уж я стала в гости ходить...

Людмила. Какие там гости. Придите и посидите, как у себя дома, вот и все... Этого младенца пеленать не надо? (Задорно толкая Сашу.) Углан какой... А вы побеседуйте с гостьей.

Коковкина. Он еще маленький. Он у меня скромный.

Людмила (с усмешкою глядя на Сашу). Я тоже скромная.

Саша (смеясь). Вот еще... Вы разве скромная? (Людмила хохочет.) Да нет же, я ведь хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная. (Чувствуя, что выходит неясно, мешается и краснеет.)

Людмила (хохоча). Какие он дерзости говорит! Это просто прелесть что такое...

Коковкина (ласково посматривая и на Сашу, и на Людмилу). Законфузили вы совсем

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
моего Сашеньку.

Людмила изогнулась кошачьим движением, гладит Сашу по голове. Саша смеется застенчиво, звонко, увертывается из-под ее руки и убегает к себе в комнату.

Людмила. Голубушка, сосватайте мне жениха.

Коковкина (с улыбкою). Ну вот, какая я сваха...

Людмила. Чем же вы не сваха, право... Да и я чем же не невеста? Меня вам не стыдно сватать... (Подпирает руками бока и приплясывает перед Коковкиной.)

Коковкина. Да ну вас... Ветреница вы этакая...

Людмила. Хоть от нечего делать займитесь.

Коковкина (улыбаясь). Какого же вам жениха-то надо?

Людмила (быстро). Пусть он будет брюнет, голубушка, непременно брюнет. Глубокий брюнет. Глубокий, как яма. И вот вам образчик – как ваш гимназист. Такие же чтобы черные были брови, и очи с поволокою, и волосы черные с синим отливом, и ресницы густые, густые, синевато-черные ресницы. Он у вас красавец... Право, красавец. Вот бы мне такого...

Коковкина. Такого у нас, пожалуй, и не сыщешь.

Саша возвращается.

Людмила. Ну что же вы все уроки учите? Книжки-то читаете какие-нибудь?

Саша. Читаю и книжки. Я люблю читать.

Людмила. Сказки Андерсена?

Саша. Ничего не сказки, а всякие книги. Я историю люблю да стихи.

Людмила (строго). То-то стихи... А какой у вас любимый поэт?

Саша (убежденно). Надсон, конечно.

Людмила. То-то... Я тоже Надсона люблю, но только утром, а вечером я, маленький, наряжаться люблю. А вы что любите делать?

Саша (глянув на нее). Я люблю ласкаться.

Людмила (обнимая его за плечи). Ишь ты, какой нежный. Ласкаться любишь? А полоскаться любишь? (Саша хихикает.) В теплой водице?

Саша. И в теплой, и в холодной.

Людмила. А мыло вы какое любите?

Саша. Глицериновое.

Людмила. А виноград любите?

Саша (со смехом). Какая вы... Ведь это разное, а вы те же слова говорите. Только меня вы не подденете.

Людмила (посмеиваясь). Вот еще, нужно мне вас поддевать.

Саша. Да уж я знаю, что вы пересмешница.

Людмила. Откуда вы это взяли?

Саша. Да все говорят.

Людмила (притворно строго). Скажите, сплетник какой. (Саша смущен, Людмила
Страница 137

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
роется в его ранце.) Можно посмотреть?

Саша. Сделайте одолжение.

Людмила. Где же тут твои единицы да нули, показывай.

Саша (обидчиво). У меня таких прелестей не бывало пока.

Людмила (решительно). Ну, это ты врешь... уж у вас положение такое – колы получать. Припрятал, поди? (Саша молча улыбается.) Латынь да греки, – то-то они вам надоели.

Саша. Нет, что ж. Скучновато зубрить, да ничего, у меня память хорошая. Вот только задачи решать, – это я люблю.

Людмила. Приходи ко мне завтра после обеда...

Саша (краснея). Благодарю вас, приду, если Ольга Васильевна отпустит.

Людмила. Знаешь, где я живу? Придешь?

Саша (радостно). Знаю. Ладно, приду.

Людмила (строго). Да непременно приходи, ждать буду, слышишь?

Саша. А если уроков много будет?

Людмила. Ну вот, пустяки. Все же приходи, авось на кол не посадят.

Саша (посмеиваясь). А зачем?

Людмила (подпрыгивая, подергивая юбочку, напевая). Да уж так надо. Приходи, кое-что тебе скажу. Приходи, маленький, серебряный, позолоченный.

Саша (смеясь). А вы сегодня скажите.

Людмила. Сегодня нельзя. Да и как сказать тебе сегодня? Ты завтра тогда и не придешь, скажешь – незачем.

Саша. Ну ладно, приду непременно, если пустят.

Людмила. Вот еще, конечно пустят. Не то вас на цепочке держат? Ольга Васильевна, ведь вы его завтра пустите ко мне?

Коковкина. Пущу, пущу, пусть сходит поразвлечется. А то знакомых-то у него в городе нет, а из товарищей много сорванцов. Боюсь я, чтобы он к ним часто ходил.

Людмила. Кто-то к вам пришел. Да никак Передонов? Ну, прощайте, Ольга Васильевна, уж я пойду. Терпеть не могу этого господина.

Коковкина. Пришел, видно, гимназиста наведать.

Людмила. Ну, достанется вам, Сашенька. До свиданья, Ольга Васильевна. До свиданья, Саша... (Целует Сашу в лоб и подставляет руку к Сашиним губам для поцелуя. Улыбается лукаво и нежно.) Я через кухню пройду. Проводите меня, миленький, до извозчика.

Коковкина. До свиданья, Людмила Платоновна. Не забывайте нас.

Людмила и Саша уходят через кухню. Коковкина выходит в переднюю. Скоро возвращается с Передоновым.

Передонов. Вот я пришел посмотреть нашего гимназиста, как он тут живет.

Коковкина. Да не жалуется. У меня просторно. Да и он у меня скромный. Уж так повелось, что ко мне всегда ставят скромных мальчиков. Вот вареньем угощает меня, старуху, – из деревни тетя прислала. Мы по очереди ставим варенье, вчера я, сегодня он. Я вам налью стакан чаю.

Передонов. Нет, я не хочу. Я по службе. Мне чаи распивать некогда.

Саша (входя, кланяется Передонову). Здравствуйте, Ардальон Борисыч.

Передонов. Здравствуйте. (Угрюмо смотрит на Сашу.)

Коковкина. Простите, Ардальон Борисыч, там меня моя Аннушка зачем-то зовет по хозяйству. Я на минутку, сейчас вернусь.

Выходит. Саша тоскливо смотрит за нею. Передонов садится рядом с Сашей и обнимает его.

Передонов. Что, Сашенька, хорошо ли Богу помолилась? (Саша стыдливо и испуганно глядит на Передонова и молчит.) А? Что? Хорошо?

Саша. Хорошо.

Передонов. Ишь ты, румянец какой на щечках. Признайся-ка, ведь ты девчонка? Шельма, девчонка.

Саша. Нет, не девчонка. Чем я похож на девчонку? Это у вас гимназисты такие, придумали дразнить за то, что я дурных слов боюсь. Я не привык их говорить, мне ни за что не сказать. Да и зачем говорить гадости?

Передонов. Маменька накажет?

Саша. У меня нет матери, мама давно умерла. У меня тетя.

Передонов. Что ж, тетя накажет?

Саша. Конечно, накажет, если я стану гадости говорить. Разве хорошо...

Передонов. А откуда тетя узнает?

Саша. Да я и сам не хочу. А тетя мало ли как может узнать? Может быть, я сам проговорюсь.

Передонов. А кто из ваших друзей дурные слова говорит? (Саша молчит.) Ну, что же, говорите: вы обязаны сказать. Нельзя покрывать.

Саша. Никто не говорит.

Передонов. Вы же сами сейчас жаловались.

Саша. Я не жаловался.

Передонов. Что же вы отпираетесь?

Саша. Я только объяснил вам, почему меня некоторые товарищи дразнят девчонкой. А я не хочу на них фискалить.

Передонов. Вот как. Это почему же?

Саша. Да нехорошо.

Передонов. Ну вот, я директору скажу, так вас заставят.

Саша (глядя на Передонова гневно загоревшимися глазами). Нет, вы, пожалуйста, не говорите, Ардальон Борисыч.

Передонов. Нет, скажу. Вот вы тогда увидите, как покрывать гадости. Вы должны были сами сразу пожаловаться. Вот погодите, вам достанется. Вы зачем сидите, когда вам преподаватель выговор делает?

Саша встает и в замешательстве тербит пояс. Входит Коковкина.

Переделов (злобно). Тихоня-то ваш. Хорош, нечего сказать.

Коковкина пугается. Торопливо подходит к Саше, садится рядом с ним.

Коковкина (боязливо). А что такое, Ардальон Борисыч, что он сделал?

Передонов (с угрюмой злобой). Вот у него спросите.

Коковкина (трогая Сашу за локоть). Что такое, Сашенька? В чем ты провинился?

Саша (плача). Я не знаю.

Коковкина. Да что такое? Что с тобой? Что ты плачешь?

Передонов. Его там, в гимназии, дурным словам учат, а он не хочет сказать кто. Он не должен укрывать. А то и сам научится гадостям, и других покрывает.

Коковкина. Ах, Сашенька, Сашенька, как же это так? Разве можно? Да как тебе не стыдно...

Саша (рыдая). Я ничего, я ничего не сделал худого. Они меня за то и дразнят, что я не могу худых слов говорить.

Передонов. Кто говорит худые слова?

Саша (с отчаянием). Никто не говорит.

Передонов. Видите, как он лжет. Его наказать надо хорошенько. Надо, чтоб он открыл, кто говорит гадости, а то на нашу гимназию нарекания пойдут, а мы ничего не можем сделать.

Коковкина. Уж вы его извините, Ардальон Борисыч, как же он скажет на товарищей? Ведь ему потом житься не дадут.

Передонов. Он обязан сказать все. От этого только польза будет. Мы примем меры к их исправлению.

Коковкина (нерешительно). Да ведь они его бить будут.

Передонов. Не посмеют. Если он трусит, пусть по секрету скажет.

Коковкина. Ну, Сашенька, скажи по секрету. Никто не узнает, что это ты сказал. (Саша молча плачет. Коковкина привлекает его к себе, обнимает и долго шепчет ему на ухо. Он отрицательно качает головой.) Не хочет.

Передонов. А вот розгой его пробрать, так заговорит. Принесите мне розгу, я его заставлю говорить.

Саша. Ольга Васильевна, да за что же?

Коковкина (обнимая Сашу, нежно и строго). Ну, довольно реветь, никто тебя не тронет.

Передонов. Как хотите, а только тогда я должен директору сказать. Я думал, по-семейному, ему же лучше бы. Может быть, и ваш Сашенька прожженный. Еще мы не знаем, за что его дразнят девчонкой. Может быть, совсем за другое. Может быть, не его учат, а он других развращает.

Передонов сердито идет из комнаты. За ним Коковкина. Останавливаются у дверей.

Коковкина (Передонову, укоризненно, тихо). Ардальон Борисыч, как же это вы так мальчика конфузите невесть за что? Хорошо еще, что он не понимает ваших слов.

Передонов (сердито). Ну, прощайте, а только я скажу директору. Это надо расследовать.

Уходит. Саша грустно сидит у окна. Коковкина гладит его по голове.

Саша. Я сам виноват. Проболтался, за что меня дразнят, а он и пристал. Он –

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
самый грубый. Его никто из гимназистов не любит.

Действие второе

Городской сад. Слева беседка. Справа, в глубине, терраса ресторана. Посередине на аллее скамейка. На скамейке сидят Передонов, Рутилов и его сестры: Дарья, Людмила и Валерия. Передонов в застегнутом на все пуговицы пальто.

Рутилов. Что это ты, Ардальон Борисыч, нынче в фуражке с кокардою щеголяешь? Вот что значит – в инспектора–то метит человек.

Валерия. Вам теперь солдаты должны честь отдавать.

Передонов. Ну, вот глупости какие...

Дарья. Ты ничего не понимаешь, Валерочка... Какие же солдаты? Теперь только от гимназистов Ардальон Борисычу почтения гораздо больше будет, чем прежде.

Людмила (со смехом). Это за кокарду–то?

Передонов. Сама княгиня Волчанская обещала Варе, когда мы нынче ездили в Петербург. Уж это наверное. Как только, говорит, выйдете за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.

Людмила. Да как же вы на Варваре Дмитриевне женитесь? Ведь она вам сестра... Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно?

Передонов. Она мне троюродная.

Рутилов. Да тебе самому княгиня обещала?

Передонов. Не мне, а Варе.

Рутилов. Ну вот, а ты и веришь. Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

Передонов. Пойми, что сначала Варя одна сходила, а потом мы вместе пошли, да не застали княгиню, всего на пять минут опоздали. Швейцар сказал, она в деревню уехала, через три недели вернется. А мне никак нельзя было ждать – сюда надо было ехать к экзаменам.

Рутилов. Сомнительно что–то. Давно уж мы эти сказки слышали, а все толку нет никакого.

Сестры перешептываются и уходят.

Передонов. Конечно, я на всякой могу жениться, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

Рутилов. Само собой. За тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет.

Передонов. Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

Рутилов. А пусть княгиня тебе сначала место даст. Окрутиться всегда успеешь. А то как же зря, ничего не видя?

Передонов. Это верно. Я уж это Варваре говорил.

Рутилов. Ну, что ж она?

Передонов. Она говорит, что нельзя. Венчаться сначала надо. Иначе княгиня не согласна.

Рутилов. Ну, это твоя Варвара придумывает. Очень надо княгине все это разбирать. Нет, ты на своем настаивай. Место получишь, а потом и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер выбирай. Барышни образованные, умные. Твоя Варвара им и в подметки не годится.

Передонов. Ну?

Рутилов. Да уж верно. Всякие барышни, живые и веселые. Да и молоденькие – самая старшая втрое моложе твоей Варвары Дмитриевны.

Передонов. Ну, уж и втрое?

Рутилов. Смотри не зевай, пока я жив, здоров и отсюда не уехал. Я тебя всегда моим сестрам нахваливаю. Я их так к тебе расположил, что каждая из них за тебя пойдет, если ты хоть немножко поухаживаешь. Теперь ты со своей Варварою попустился немножко – бороду не подстригаешь, в мелочной лавочке духи покупаешь, так что они у тебя керосином пахнут, вон пуговица одна на ниточке висит. А если хоть чуть подтянешься, тряхнешь стариной, так в нашем городе лучше тебя и жениха не сыскать.

Передонов. Да, в меня здесь все влюбляются.

Рутилов. Ну, все не все. Вот ты и лови момент.

Передонов. Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая. Жирненькую бы мне.

Рутилов. Да уж на этот счет ты не беспокойся. Они и теперь барышни пухлые, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобрют, как Лариса.

Передонов. Да я бы, пожалуй, на твоей сестре женился, да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

Рутилов. Боишься скандала, так ты где-нибудь за городом венчайся и никому ничего не говори. Явишься в один прекрасный день с молодой женой домой, и вся недолга. Хочешь, я это тебе устрою? С какою хочешь? Уж я любую уговорю. (Передонов хохочет.) Ну, идет, по рукам, что ли?

Передонов. Донесет мерзавка.

Рутилов. Ничего не донесет... Нечего доносить.

Передонов. Или отравит.

Рутилов. Да уж ты во всем на меня положишься. Я все так тонко обстрою тебе, что комар носу не подточит.

Передонов. Я без приданого не женюсь.

Рутилов. Чудак, да разве они бесприданницы? Ну, говори, которую же хочешь?

Передонов. Уж выбирать, так Валерию. Мне надо самую молоденькую. Не на перестарке же мне венчаться.

Рутилов. Перестарков у нас нет. Ладно, Валерию хочешь, так Валерию тебе высватаю. Она цветы любит. Вот мы зайдём в садоводство, нам цветов нарежут, букет свяжут, я от тебя Валерии поднесу. А то ты сам.

Передонов. Тоненькая, субтильная. (Сосет карамельки.) Только ведь она – кокетка. Потребуется нарядов, обстановки.

Рутилов. Так что ж? Не век тебе по-свински жить!

Передонов. Я копил, а она живо растранижит. Да еще станет привередничать.

Рутилов. Выдумал. Они у меня неизбалованные девицы, с чего ей привередничать.

Передонов. А за кухней, пожалуй, и не доглядит. А на кухне подсыпят мне яду, – Варя со злости подкупит кухарку.

Рутилов. Придумал?

Передонов. Уж слишком тонкая штучка – твоя Валерия. К ней не будешь и знать, как и подступиться. Как ее обругаешь...

Рутилов. Да зачем тебе ее ругать...

Передонов. Иногда нельзя не обругаться. На службе неприятность получишь, придешь домой, а тут щи недосолены, жаркое пережарено, – как же не обругаться? Я всегда, как домой прихожу, сердитый бываю.

Рутилов. Это оттого, что твоя Варя не умеет дом поставить на приличную ногу.

Передонов. Твою Валерию как толкнешь? Как на нее плюнешь? Изойдет слезами, осрамит на весь город.

Рутилов. Да зачем тебе ее толкать? Зачем на нее плевать?

Передонов. Нет, я свою Варю поколачиваю. А то и в морду ей плюну.

Рутилов. Мои сестры до этого тебя не доведут.

Передонов. Нет, страшно с ней связываться. Вот Людмила, так та проще. Не взять ли ее?

Рутилов. Ну что ж, бери Людмилу.

Передонов. Она веселая, сдобная. В моем вкусе.

Рутилов. Людмила духи любит. Зайдем к Самсонову, я тебе помогу выбрать получше флакон духов, – уж я знаю, какие ей понравятся. Ты и поднесешь.

Передонов. Только уж очень она любит хохотать. Засмеет, пожалуй.

Рутилов. Ну, вот выдумал тоже. Тебе с нею превесело будет.

Передонов. Я боюсь, когда надо мной смеются.

Рутилов. Да она не над тобою будет смеяться.

Передонов. Нет, страшно. Дарья хоть и бойкая, а все же посолиднев и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее.

Рутилов. Ну, ладно, Дарья сладкое любит. Зайдем к Пастухову, купим ей ананас.

Передонов. Только уж очень она быстрая и дерзкая.

Рутилов. Да, она долго думать не любит и себя в обиду не даст.

Передонов. Она меня затормошит. И что я тут с тобой путаюсь? Пойдем лучше на бильярд играть. А жениться на Дарье я не хочу. Затормошит она меня.

Рутилов. Да что ты, Ардальон Борисыч. Ведь ты уж совсем решился.

Передонов. У быка есть рога.

Рутилов. Ну, есть, так что же из этого?

Передонов. Ну, а я не хочу быть быком.

Рутилов. Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты – форменная свинья.

Передонов. Врешь...

Рутилов. Нет, не вру и могу доказать.

Передонов. Докажи.

Рутилов. Погоди, докажу.

По аллее с визгом пробегает Недотыкомка. Передонов вздрагивает.

Передонов. Ты меня нарочно сегодня над дурманом водил, одурманил, чтобы с сестрами окрутить. Мало мне одной ведьмы, – на трех разом венчаться.

Рутилов. Чудород... Да как же я-то не одурманился?

Передонов. Ты средство знаешь. Ты, может быть, через рот дышал, а в нос не пускал. Или слова такие говорил. А я ничего не знаю.

Рутилов. Ардальон Борисыч, а у тебя есть пяточок?

Передонов. Есть, да тебе не дам.

Рутилов (с хохотом). Если у тебя есть пяточок, так как же ты не свинья?

Недотыкомка (пробегая мимо). Свинья, свинья, свинья.

Передонов (в ужасе хватаясь за нос, бормочет). Врешь. Какой у меня пяточок? У меня человечья харя.

Рутилов. Что ты за Варвару так уцепился? Ты думаешь, хорошо тебе будет, если через нее ты получишь место? Она тебя оседлат.

Передонов. Врешь. Ведь она для себя старается. Вот только я боюсь, что она потом с Павлушкой спутается. Он мне завидует. Вот ты за него сосватай свою сестру.

Рутилов. Мои сестры – барышни с гонором, – они за столяра не пойдут.

Передонов. Он не просто столяр. Он – учитель ручного труда. Да мне все равно, за кого его сосватать. Только бы он против меня не злоумышлял. Адаменко за него пойдет, как ты думаешь?

Рутилов. Ну, едва ли.

Передонов. Что мы тут сидим на одном месте? Еще простудишься, пожалуй. Пойдем пиво пить.

Уходят в ресторан; по аллее тихо проходят Варвара и Грушина.

Грушина. Уж я для вас расстаралась. Никто не различит. Совсем княгинин почерк.

Варвара. Ну вот, наконец-то. А то я уж ждала, ждала, да и жданки потеряла. А только как же конверт? Если он спросит, что я скажу?

Грушина. Да уж конверта нельзя подделать – штемпеля.

Варвара. Так как же?

Грушина. Душечка Варвара Дмитриевна, да вы скажите ему, что конверт в печку бросили. На что вам конверт?

Варвара. Только бы он повенчался. Тогда уж я не стану для него бегать. Нет, я буду сидеть, а он пусть для меня побегает.

Грушина. Вот нагуляете тогда жиру, – ведь он любит жирненьких.

Проходят Дарья, Людмила, Валерия и Лариса.

Лариса. А что, Людмилочка, видела ты этого мальчишку? Как его фамилия? Вот что, Передонов распускает слух, что это – девочка.

Людмила. Пыльников? Как же, я была у них. Как услышала, так в тот же вечер сходила.

Дарья. Уж такая глазопялка. Везде бы ей все вызнать да высмотреть.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Валерия. И так тогда нарядилась, как на званый вечер.

Лариса. Ну, что же? В самом деле девочка?

Людмила. Глупости... Мальчишка самый настоящий и пресимпатичный. Глубокий брюнет, глаза блестят, а сам маленький и невинный.

Дарья. А, да что говорить... Все это ерунда передононская. Повадился ходить по квартирам. Выбирает родителей попроще. Придет, нажалуется, мальчишку высекут. Нотариус Гудаевский, говорят, ему дерзостей наговорил и выгнал.

Людмила. Он и по ученическим квартирам ходит. Распекает, грозит.

Дарья. Ну, там ему отпор дают. Там гимназисты чувствуют себя самостоятельнее.

Людмила. Однако, у Флавицкой остался доволен. Она своего постояльца высекла больненько.

Дарья. Не люблю я Флавицкой. Злая баба.

Людмила. А Платон наш вбил себе в голову выдать одну из нас за Передонова.

Дарья. Нет, уж лучше в старых девах засидеться.

Лариса. Отчего же... Он человек неглупый. Только опустился с Варварой. А попадись он хорошей жене в руки...

Уходят.

Из ресторана выходят Передонов и Скучаев, разговаривая, тихо проходят по аллее взад и вперед и потом садятся на скамейку.

Передонов. У меня к вам есть дело.

Скучаев. С удовольствием. Чем могу служить?

Передонов. Вы, Яков Аникиевич, как городской голова, первое лицо в городе, так мне надо поговорить с вами. Про меня в городе всякий вздор мелют, чего и не было, наплетут.

Скучаев. На чужой роток не накинешь платок. А впрочем, в наших палестинах, известно, кумушкам что и делать, как не язычки чесать.

Передонов. Говорят, что я в церковь не хожу, а это неправда. Я хожу. А что на Ильин день не был, так у меня тогда живот болел, а то я всегда хожу.

Скучаев. Это точно. Это могу сказать – случалось вас видеть. А впрочем, ведь я не всегда в вашу церковь хожу. Я больше в монастырь езжу. Так уж это у нас в роду повелось.

Передонов. Всякий вздор мелют. Говорят, будто я и гимназистам гадости рассказываю. А это вздор. Конечно, иногда расскажешь на уроке что-нибудь смешное, чтобы оживить. У вас у самого сын гимназист. Ведь он вам ничего такого про меня не рассказывал?

Скучаев. Это точно, ничего такого не было. А впрочем, ведь они, мальчишки, прехитрый народ, – чего не надо, того и не скажут. Оно, конечно, мой еще мал, сболтнул бы по глупости, – однако ничего такого не сказывал.

Передонов. Ну, а в старших классах они сами все знают. Да я и там худых слов не говорю.

Скучаев. Уж это такое дело. Известно – гимназия – не базарная площадь...

Передонов. Ау нас уж такой народ – того наблекочут, чего и не было. Так вот я к вам обращаюсь, – вы городской голова. И еще про меня худо говорят, что я с Варварой живу. Говорят, что она мне не сестра, а любовница. А она мне ей-богу сестра, только дальняя, четвероюродная. На таких можно венчаться. Я с нею и

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
повенчаюсь.

Скучаев. Так-с, так-с, конечно. А впрочем, венец – делу конец.

Передонов. А раньше нельзя было. У меня важные причины были. А я бы давно повенчался. Уж вы мне поверьте.

Скучаев. Я вам верю. Если так, то это действительно другой разговор. А то, признаться сказать, сомнительно было, как это вы с вашей, с позволения сказать, подругой не венчавшись живете. Оно сомнительно, знаете, потому, – ребятенки – острый народ: они перенимают, если что худое. Доброму их трудно научить, а худое само. Так оно, точно, сомнительно было. А впрочем, кому какое дело, – я так об этом сужу. А что вы ко мне обращаетесь, так это мне лестно, потому что мы хоть и лыком шиты, дальше уездного училища свету не видали, ну, а все-таки почтен доверием общества, третий срок головой хожу, так мое слово у господ горожан чего-нибудь да стоит.

Передонов. Вы – городской голова, так вы можете сказать, что все это вздор.

Скучаев. То есть это насчет чего же?

Передонов. А вот если в учебный округ донесут, что я в церковь не хожу, или там другое что, – так вот, если приедут и спрашивать будут.

Скучаев. Это мы можем. Это уж вы во всяком случае будьте благонадежны. Если что, так уж мы за вас постоим, – отчего же за хорошего человека слова не замолвить. Хоть адрес вам от думы поднесем, если понадобится. Это мы все можем, или, примерно, звание почетного гражданина, – отчего же? Понадобится – все можно.

Передонов. Так уж я буду на вас надеяться. А то директор все меня притесняет.

Скучаев. С-с... скажите... Не иначе, как так надо полагать, что по наговорам. Николай Васильевич, кажется, основательный господин, – даром никого не обидит. Как же, по сыну вижу. Серьезный господин, строгий, поблажки не дает и различек не делает, – одно слово, основательный господин. Не иначе что по наговорам. С чего же у вас с ним контры?

Передонов. Мы с ним во взглядах не сходимся. И у меня в гимназии есть завистники. Все хотят быть инспекторами. А мне княгиня Волчанская обещала выхлопотать инспекторское место. Вот и злятся от зависти.

Скучаев. Так-с, так-с... А впрочем, что же это мы сухопутный разговор делаем? Пойдемте посидимте на террасе, чего-нибудь выпьем да закусим. Вот там Андрей Петрович сидит, – он нам что-нибудь под рифму скажет. (Идут с Передоновым на террасу ресторана.) А вам бы в другое ведомство перейти следовало.

Передонов. В какое же ведомство? Если бы у меня протекция была.

Скучаев. Хоть бы в духовное, например. Андрею Петровичу наше нижайшее. (Здоровается с Тишковым.)

Тишков. Слышу приятные слова, – идет городской голова. Якову Аникиевичу нижайшее почтение, просим принять наше угощение. Желаю здравия господину учителю, лености гонителю, шалунов мучителю. Эй, малый...

Скучаев. Постой, постой, хлеб-соль вместе, водочка врозь. Малый, подвинься-ка ты ко мне. (Тихо заказывает что-то официанту; тот уходит и через несколько времени возвращается с водками и закусками.) Так вот, Ардальон Борисыч, в духовное бы вам. Если взять духовный сан, то священник из вас вышел бы серьезный, обстоятельный. Я могу посодействовать. У меня есть преосвященные хорошие знакомые.

Передонов. Нет, я не хочу в попы, я ладану боюсь. Меня тошнит от ладана, и голова болит.

Скучаев. В таком разе в полицию тоже хорошо. Поступите, например, в становые. На вас, позвольте узнать, какой чин?

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Передонов. Я статский советник.

Тишков. Статский заливчатский, выпьем.

Скучаев. Вот как... Скажите, какие вам большие чины дают. И это за то, что ребят обучаете?

Тишков. Ребят обучаете и чины хватаете.

Скучаев. Скажите, что значит наука. А впрочем, хотя по нынешним временам иные господа нападают на науку, а без науки не проживешь. Вот я сам, хоть только в уездном учился, а сына в университет направлю.

Тишков. Направляет сына к получению чина, – вот и выпить причина.

Скучаев. Через гимназию, известно, почти силком ведешь прутом, а там и сам пойдет. Я его, знаете, сечь никогда не секу.

Передонов. Балуете его.

Скучаев. Нет, зачем баловать. Как только он у меня заленится или как в чем проштрафится, возьму его за плечи, подведу к окну – там у нас в саду березы стоят. Покажу ему березу, – это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, – говорит, – больше не буду. И точно, помогает, заправится мальчуган, будто его и в самом деле постегали. Ох, дети, дети...

Тишков. Есть дети, что хорошо и без плети. Учитель, по этаким причинам выпьем.

Передонов. Я еще одну выпью, только мне уже пора идти.

Скучаев. Не торопитесь, посидите.

Тишков. Посидите, компанию поддержите.

Передонов. Нет, мне пора.

Тишков. Ему пора, – ждет сестра.

Передонов. У меня дела.

Тишков. У кого дела, тому от нас хвала.

Скучаев. Не смею задерживать.

Передонов уходит.

Скучаев (Тишкову), Зря болтают на человека.

Тишков. Зря болтают, правды не знают.

Скучаев. Он ничего, парень душевный и выпить не дурак.

Тишков. Если выпить не дурак, значит, парень так и сяк.

Скучаев. А что с мамзелью вяжется, так это что же?

Тишков. От мамзели клопы в постели.

Скучаев. Кто Богу не грешен, царю не виноват.

Тишков. Все грешим, все любить хотим.

Скучаев. А он хочет грех венцом прикрыть.

Тишков. Грех венцом прикроют, подерутся и завоют.

Скучаев. Как он ко мне подошел, я, было, думал, будет в долг просить: дал бы, но не больше полутора ста. А впрочем, не просил.

Тишков. Денег не просил, деликатно укатил.

Скучаев. А впрочем, ровно бы мы с ним из пустого в порожнее переливали. Беда с этими учеными – не поймешь их; в книгах-то ему все ясно, а вот как из книги нос вытащит, так и сам завязнет и других завязит.

Тишков. Сам завязнет и других соблазнит.

Скучаев. А не пора ли к домам?

Тишков. Вы по домам, и мы по вашим стопам.

Скучаев подзывает официанта, расплачиваются и уходят. Передонов, возвращаясь из-за беседки, встречается с городовым, который лениво плетется по аллеям. Передонов вздрагивает, так что чуть-чуть не роняет папиросу, которую собирался закурить. Робко подходит к городовому.

Передонов. Господин городской, здесь можно курить?

Городовой. То есть, ваше благородие, это насчет чего?

Передонов. Папиросочку, вот одну папиросочку можно выкурить?

Городовой. Насчет этого никакого приказания не было.

Передонов. Не было?

Городовой. Никак нет, не было. Так что, господа, которые курят, это не велено останавливать, а чтобы разрешение вышло, об этом не могу знать.

Передонов. Если не было, так я и не стану. Я – человек благонамеренный. Я даже папироску брошу. Ведь я – статский советник.

Комкает папиросу, бросает ее на землю и поспешно отходит от городского. Из-за угла беседки слышится блеющий смех Володина. Володин догоняет Передонова.

Володин. Ардальон Борисыч. Будущий инспектор... то-то я смотрю, кто это знакомый с фараоном разговаривает. Со спины как будто будущий инспектор. Подхожу – так и есть. Здравствуйте, Ардальон Борисыч.

Пока он говорит, Недотыкомка юлит около его ног. Передонов тупо смотрит на Володина.

Передонов. Что ты лягаешься, Павлушка?

Володин. Я не лягаюсь, Ардальон Борисыч, а здороваюсь с вами за руку. Это, может быть, у вас на родине ногами лягаются, да и то не люди, а, с позволения сказать, лошадки.

Передонов. Еще боднешь, пожалуй.

Володин. У меня, Ардальон Борисыч, еще рога не выросли, а это, может быть, у вас рога вырастут раньше, чем у меня.

Передонов. Язык у тебя длинный, мелет, чего не надо.

Володин. Если вы так, Ардальон Борисыч, то я могу и помолчать.

Передонов. Что это у тебя котелок на затылке?

Володин. Так как тепло, Ардальон Борисыч, то я его и не надвигаю на лоб. А знаешь, что я тебе скажу, Ардальон Борисыч? Я уговорил Черепнина, и он на днях вымажет Марте ворота дегтем.

Передонов молчит, соображает что-то, потом вдруг угрюмо хохочет. Володин перестает осклабляться, принимает скромный вид, поправляет котелок, поглядывает на небо и помахивает тросточкой.

Володин. Хорошая погода, а к вечеру, пожалуй, дождик соберется. Ну и пусть дождичек, – а мы с будущим инспектором дома посидим.

Передонов. Не очень-то мне дома сидеть можно. У меня нынче дела, надо в город ходить. Визиты делать. А то на меня врут. Я ко всем важным лицам схожу. С городским головой я уже говорил. Он за меня.

Володин. У меня, Ардальон Борисыч, нынче тоже есть дела. Я Мишеньке Адаменко нынче уроки изволю давать по ручному труду. 30 целковых в месяц. Позвольте вас поблагодарить за вашу рекомендацию.

Передонов. 30 рублей с тебя много. Ну, да уж ладно, получай, только мне не завидуй.

Володин. Они барышня богатая и заплатит могут. Завтра я им покажу рисунки для рамок, очень изящные, они мне, может быть, закажут. А может быть, и кофейком угостят.

Передонов. Вот погоди, приду к ней тебя сватать. Только ты и сам не зевай.

Володин. Барышня со мною даже очень любезна, и я так понимаю, что я ей понравился. (Радостно смеется и прыгает.)

Передонов. Не лягайся... Распрыгался, как баран. Погоди еще, натянут тебе нос. А вот инспектор народных училищ идет, надо ему сказать кое про кого.

Уходит влево. Володин садится на скамейку. Передонов скоро возвращается с Богдановым.

Передонов. У вас одна учительница в красной рубашке ходит.

Богданов. Что, что вы говорите? Кто, кто такая?

Передонов. Да вот горластая-то, толстуха-то эта, как фамилия, не помню.

Богданов. Горластая? Горластая – это Скобочкина, да?

Передонов. Ну вот, эта самая.

Богданов. А как же, как же так? Скобочкина в красной рубашке, а? Да вы сами видели?

Передонов. Видел. Да она, говорят, и в школе так щеголяет, на уроках сарафан надевает, совсем как простая девка, босиком ходит, так и уроки дает.

Богданов. А, скажите. Надо, надо узнать. Так нельзя, нельзя. Уволить за это следует, уволить. Она всегда такая была.

Проходит гимназист Крамаренко. Кланяется Передонову.

Передонов. Что, черныш, огарыш, будешь на уроках шалить? Досталось. Да еще вот погоди, отцу скажу, как ты в церкви себя ведешь. Зачем в церкви улыбался? Ну, иди, нечего стоять. (Когда Крамаренко ушел, Богданову.) Он из мещан. Дворянам я «вы» говорю. Нельзя же всем одинаково. Я всегда в канцелярии справляюсь. И он негодяй. Его директор против меня подговаривает.

Богданов. Да за что вы?

Передонов. Не сам. Через сыновей. Распустил гимназию. Я бы их подтянул. Вот этот черныш – он певчий. А певчие – все негодяи. У него дискант хороший, так он думает, что и в церкви можно шептаться и смеяться. Я третьего дня к его отцу сходил. У него отец умный. Так его при мне выдрал розгами... А знаете, ваш Мачигин шапку с кокардою носит. Я его сегодня здесь видел, – вот бы вы его продрали за это. Забарнизал.

Богданов. Не имеет права, никакого права не имеет.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Передонов. Не имеет права, а носит. Их подтянуть надо, я вам давно говорил. А то всякий мужик сиволапый кокарду носить станет, так это что ж будет?

Богданов. Как же это он смеет, а? Я ему запрещаю, строжайше запрещаю.

Передонов. Вон он там прогуливается. Соломенную шляпу надел, в городе не смеет с кокардой ходить, а в свою школу приедет и напялит.

Богданов. Юноша, господин Мачигин. Пожалуйста-ка сюда.

Мачигин (подходя). Здравствуйте, Сергей Потапыч.

Богданов. Как же это вы, юноша, а? Что это вы такое выдумали, а?

Мачигин. В чем дело, Сергей Потапыч?

Поигрывает соломенную шляпою, пошаливает левою ножкою. Передонов и Володин садятся на скамейку и слушают молча.

Богданов. Как же, как же это вы, юноша, кокарду носите, а? Как это вы решились посягнуть, а?

Мачигин. Что ж такое? Разве я не вправе?

Богданов. Да разве же вы чиновник, а? Какой вы чиновник, а? Азбучный регистратор, а?

Мачигин. Знак учительского звания.

Богданов. Носите палочку в руках, палочку, вот вам и знак учительского звания.

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, что же палочка? Палочки всякий может, а кокарда для престижа.

Богданов. Для какого престижа? Какой вам нужен престиж, а? Вы разве начальник?

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, в крестьянском малокультурном сословии это сразу возбуждает прилив почтения – гораздо ниже кланяются.

Богданов. Да нельзя, юноша, никак нельзя.

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, учитель без кокарды, что британский лев без хвоста, – одна карикатура.

Богданов. При чем тут хвост, а? Какой такой хвост, а? Куда вы в политику заехали, а? Разве это ваше дело о политике рассуждать, а? Нет, уж вы кокарду снимите, сделайте Божескую милость. Нельзя, как же можно, сохрани Бог, – мало ли кто может узнать. Ведь вот вы теперь без кокарды, а? Без кокарды, как знаете, что меня можете встретить. Сами чувствуете, что нельзя.

Мачигин. Так как мы сельские учителя, то нам и нужна сельская привилегия, а в городе мы стоим зауряд-интеллигентами.

Богданов. Нет, уж вы, юноша, знайте, что этого нельзя, а если я еще раз услышу, тогда мы вас уволим.

Продолжая разговор, уходят.

Володин. Носит кокарду. Скажите, помилуйте. Разве он чины получает? Как же это можно...

Передонов. Тебе тоже нельзя носить кокарду.

Володин. Нельзя и не надо. А только я тоже иногда надеваю кокарду. Но ведь только я знаю, где можно и когда. Пойду себе за город да там и надену. И мне удовольствие, и никто не запретит. А мужичок встретится, все-таки почтения больше.

Передонов. Тебе, Павлушка, кокарда не к рылу, и ты по песку не ерзай; ты меня запыхлил своими копытами.

Володин. Я, Ардальон Борисыч, изволю носить полуботинки шевровые, а копытов у меня нет. А если вас беспокоит, что я палочкой по песочку вензеля пишу для своего удовольствия, то извольте, я могу и перестать.

Передонов. Вот еще бы на Рутиловых барышень надо донести. Они в церковь только болтать и смеяться ходят. Намажутся, нарядятся да и пойдут. А сами ладан крадут да из него духи делают, – от них всегда воню пахнет.

Володин. Скажите, помилуйте...

Передонов. Зачем по земле тень ползет?

Володин. Это от тучи.

Передонов. Страшно. А пыли-то сколько...

Володин. Это, Ардальон Борисыч, от ветра. Ветерок дует, а пыль и носится по ветру.

Недотыкомка катается по траве и повизгивает.

Передонов. А вот Недотыкомка – бегаёт по траве, жрет ее. Зачем здесь трава?

Володин. Завсегда здесь травка расти изволит.

Передонов. Беспорядок, – выполоть ее надо. Смотри-ка, на дереве ветка закаркала и полетела. Пойдем отсюда поскорее.

Встает и идет поспешно. Володин – за ним. Навстречу идет Вершина, а сзади нее – Марта и Владя.

Вершина. Ардальон Борисыч, куда вы? Посидите с нами.

Передонов. Сгинь, пропади, колдунья. Чур меня, чур.

Вершина. Что это вы, Ардальон Борисыч?

Передонов. А, это вы... А я вас не узнал.

Володин. Ардальон Борисыч, будьте здоровы, до свиданья, а уж я пойду.

Передонов. Вечером ко мне приходи.

Володин уходит.

Вершина. Это хорошая примета, что вы меня не узнали. Значит, я скоро буду богата.

Передонов. Ну да, чего вам богатеть... Будет с вас и того, что есть.

Вершина. А вот я двести тысяч выиграю.

Передонов. Нет, это я выиграю двести тысяч.

Вершина. Я в один тираж, а вы в другой.

Передонов. Ну, это вы врете. Это не бывает, – в одном городе два выигрыша. Говорят вам, я выиграю.

Вершина. Что же мы стоим? Посидим в беседке.

Передонов (входя за Вершиною в беседку). Скоро соседями, будем.

Вершина. Переезжаете? Отчего же?

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Передонов. Далеко от гимназии. (Садится, выбирая такое место, чтобы спину защищал столб.)

Вершина. Да ведь вы там давно живете. Уже несколько лет.

Передонов. Я хозяйкою недоволен. Она пьянствует, шумит на дворе, беспокоит меня, а у меня нынче нервы слабы стали, – все неприятности. И она ужасно дерзкая.

Вершина. Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа.

Передонов нахмуривается. Тупо глядит перед собою полусонными глазами. Вытаскивает из кармана карамельку, очищает ее от бумажки и принимается жевать. Взглядывает на Марту. Вытаскивает горсть карамелек. Протягивает их сначала Вершиной, потом Марте. Те берут по одной.

Передонов. Нате, хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачено. Да вы больше берите. У меня много, и хорошие бомбошки, – я худого есть не стану.

Вершина. Благодарю вас, я не хочу больше.

Марта. Благодарю вас, я не хочу больше.

Передонов. Ну, как не хотеть. Нате...

Из горсти берет одну карамельку себе, остальные высыпает на колени к Марте. Марта молча улыбается, наклоняя голову. Передонов вытаскивает из кармана еще одну карамельку и протягивает ее Владе.

Передонов. Ну, нате уж и вам одну.

Владя. Покорно благодарю, Ардальон Борисыч.

Передонов. Пива сколько бутылок сегодня выдули?

Владя. Я не пью пива.

Вершина шепчет что-то Марте. Марта переглядывается с Владей, и они оба уходят.

Вершина. Что вы не женитесь? Чего еще ждете, Ардальон Борисыч? Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов. Здесь для меня и нет пары.

Вершина. Не скажите. Здесь есть много лучше ее, и за вас всякая пойдет.

Передонов. Всякой мне не надо.

Вершина. Не о всякой и речь, да вам ведь не за приданым гнаться, – была бы девушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

Передонов. Нет, мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня Волчанская протекцию обещала. Она даст мне хорошее место. А потом и директором сделает. Я генералом буду.

Вершина. Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы. Ну, а скажите, она много старше вас. Конечно, это – не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам. Да вы и без протекции далеко пойдете. Неужели не оценит начальство? Что же вам за Варвару держаться?

Передонов. Вот Рутиловых мне сватают. Веселые барышни.

Вершина. Ну, уж не из Рутиловых же барышень вам жену брать, – они легкомысленные, а вам надо жену степенную.

Передонов. Это верно. Я вертушку да хохотушку не возьму.

Вершина. Вот бы взяли мою Марту. Хорошая девушка. Она у меня уж близко года

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
живет. Как я моего покойника похоронила, так и взяла ее да ее брата. У них большая семья, и все дети хорошие. Марта и Владя домой на день едут, на праздник, – вот бы и вам с ними погостить в деревне, у ее отца. За ними работник в телеге приедет.

Передонов. Тесно.

Проходят Марта и Владя. Вершина показывает им рукой на скамейку, – они садятся.

Вершина. Ну вот, тесно... Отлично разместитесь. Ведь недалеко, всего шесть верст проехать. Разместитесь удобно. Вы с Мартой на заднем сиденье, а Владя с работником – на переднем.

Передонов. Не поеду. Тесно. Четверо, да еще вещей наберут с собой.

Вершина. Ну, если вы думаете, что тесно, то Владя и пешком может идти.

Владя. Конечно, пешком дойду в полтора часа отлично.

Передонов. Трясти будет. Я боюсь тряски.

Вершина. Тележка хорошая, на рессорах. Вот зайдите ко мне, сами увидите.

Выразительно смотрит на Марту и что-то шепчет ей. Марта краснеет, откашливается, решается заговорить с Передоновым.

Марта. Как учится Владя?

Передонов. Плохо. Ленился. Ничего не слушает.

Вершина. Как же тебе не стыдно лениться, Владя? Такой большой мальчик... Этаким стыд... Что же ты думаешь? Что из тебя выйдет?

Владя. Что ж, только год начался, я еще успею.

Марта. С самого начала надо учиться.

Передонов. Да и шалит. Вчера так развозились, точно уличные мальчишки. Да и груб, – мне дерзость сказал на днях.

Владя. Никакой дерзости, а я только правду сказал, что вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули и поставили два, у меня лучше было написано, чем у тех, кому вы три поставили.

Передонов. И еще вы мне дерзость сказали.

Владя. Никакой дерзости, а я только сказал, что инспектору скажу, – что же мне зря двойку...

Вершина. Владя, не забывайся. Чем бы извиниться, а ты опять повторяешь. Забыл, что я тебе говорила?

Владя. Извините, я только хотел, чтобы вы поправили.

Вершина. Молчи, молчи, пожалуйста. Терпеть не могу таких рассуждений, терпеть не могу. Тебе делают замечание, ты и молчи. Надо будет отцу сказать, чтобы наказать тебя построже. Видно, моих наказаний не боишься.

Передонов. Высечь надо.

Марта (краснея). Высечь надо.

Передонов. Вот поеду с вами к вашему отцу и скажу, чтобы вас при мне высекли, да хорошенько. Ну, хорошо, Марта Станиславовна, я поеду с вами. Погулять там у вас денек.

Владя. Правда, если вы думаете, Ардальон Борисыч, что тесно будет, то я могу пешком пройти.

Передонов. Нечего подлизываться. Если вас отпустить одного, вы еще убежите куда-нибудь. Нет уж, мы вас свезем к отцу.

Вершина. Они все боятся отца. Он у них очень строгий. Да и я им потачки не даю.

Передонов (смотрит на Марту, с удовольствием замечает, что она сконфужена). Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

Вершина. Все польки – хорошие хозяйки.

Передонов. Ну да, хозяйки. Сверху чисто, а юбки грязные. Ну да зато у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да я его снял, – он нехороший человек был. На дуэли дрался. Эта грешно.

Владя. Ведь вы – русский, что же вам наш Мицкевич? Пушкин – хороший, и Мицкевич – хороший.

Передонов. Мицкевич выше. Русские – дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего. (Щурит глаза на Марту.) У вас много веснушек. Это некрасиво.

Марта. Что ж делать?

Владя. И у меня веснушки.

Передонов. Вы мальчик. Это ничего: мужчине красота не нужна. А вот у вас, Марта Станиславовна, нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. От веснушек надо огуречным рассолом мыть лицо.

Марта. Благодарю вас, Ардальон Борисыч, за совет. Непременно так сделаю.

Передонов (Владе). Вы что улыбаетесь? Вот погодите, приедем с вами к отцу, так будет вам для праздника дерища отличная. Что вы на меня глазеете? На мне узоров нет. Или вы сглазить меня хотите?

Владя. Извините, я так. Ненарочно.

Вершина. А вы разве верите в глаз?

Передонов. Сглазить, конечно, нельзя, это мужицкое суеверие. А только ужасно невежливо уставиться и рассматривать.

Вершина. Уж вы, Ардальон Борисыч, его извините за это. Это он на вас потому смотрел, что хотел догадаться, правду вы говорите или только шутите.

Передонов. А вот узнает, как я с его отцом поговорю. Вам надо хорошенько учиться. Ведь вы бедные.

Вершина. Да, конечно, не богаты, но только все-таки они уж не так бедны. То имение, которое их отец держит в аренде, приносит ему порядочный доход. Хоть и не роскошно, а прожить можно.

Марта. У нас на всех есть кое-что отложено.

Передонов. Ну да, я знаю, что вы бедные. Дома-то босые ежеденком ходите.

Владя. Мы это не от бедности.

Передонов. А что же, от богатства, что ли?

Владя. Вовсе не от бедности. Это для здоровья очень полезно – закалять здоровье, – и приятно летом.

Передонов. Ну, это вы врете. Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей. Сапог не накупишься. Ну, пока прощайте, – я тут в саду одного нужного человечка вижу, – надо поговорить. (Передонов выходит из беседки и бормочет.) Везде доносчики. Никак их не накрыть.

Навстречу Передонову выходит Крамаренко. Смотрит на него решительно и злобно. Встречаются и останавливаются один против другого.

Передонов. Чего толкаешься, черныш дрянный? Вот сейчас к отцу отведу.

Крамаренко. Подлец... (Усмехается, поворачивается, чтобы уйти. Сделав три шага, останавливается, оглядывается.) Этаким подлец... Гадина... (Плует и уходит.)

Передонов угрюмо смотрит за ним. Входит Рубовский. Передонов подходит к нему, здоровается и что-то ему нашепывает.

Вершина. Ты у меня смотри, Владя. Я тебе говорила, чтобы ты не смел сердить Ардальона Борисыча. Ты своей сестре счастья не хочешь. Смотри, я и без отца с тобой расправлюсь. А ты, Марта, уж очень скромничаешь. Надо побольше разговаривать с ним, да полюбезнее.

Марта. Я стараюсь, Наталья Афанасьевна. Только я его боюсь очень. Вот Мурин...

Вершина. Мурин... Только Мурина и невест, что ты... И если Мурин стал к нам часто ходить, так ты это, может быть, напрасно на свой счет принимаешь...

Передонов (Рубовскому, останавливаясь с ним у ресторана). У вас, я слышал, наша Наташа живет, так вы ей не верьте, что она про меня говорит. Это она врет.

Рубовский. Я от прислуги сплетен не собираю.

Передонов. Она сама скверная. У нее любовник есть, поляк. Она, может быть, нарочно к вам и поступила, чтоб у вас что-нибудь стащить секретное.

Рубовский. Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. У меня планы крепостей не хранятся.

Передонов. Ну, что крепость... До этого далеко. А только вообще про меня всякие глупости говорят, – так это все больше из зависти. Вы ничему такому не верьте. Это они доносят, чтобы от себя отвести подозрения. А я и сам могу донести.

Рубовский. Уверяю вас, я ни от кого не получал на вас доноса. Вам, видно, кто-нибудь в шутку пригрозил. Да ведь мало ли что говорится иногда.

Передонов. Вы скрытничаете. Все предатели, везде. Прикидываются друзьями, хотят вернее обмануть. А того не думают, что я обо всех их знаю такого, что им и в Сибири места мало. Вы слеживайтесь за барышней Адаменко. Она переписывается с социалистами. Да она и сама такая.

Рубовский. Извините, меня ждут. До приятного свидания. (Входит в ресторан.)

Передонов садится на скамейку и погружается в мечты. Бормочет.

Передонов. Господин инспектор народных училищ второго района Рубанской губернии, его высокородие, статский советник Передонов... Вот как... Знай наших... Его высокопревосходительство, господин директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов. Шапки долой... Вон... В отставку подавайте. Я вас подтяну... (Дремлет.)

На небо набегают темные тучи. В саду сильно темнеет. Недотыкомка юлит около Передонова и заливается гнусным, визгливым смехом. Передонову снится.

Сон

Слышны звуки нелепой музыки. В ней что-то скрипучее, механическое. Выбегает толпа девушек, одетых нарядно, пестро и безвкусно. Все они толстые, румяные, похожие на кукол; пляшут и визжат, но слов не разобрать. Входят три девицы Рутиловы, одетые так же нелепо. Они гораздо толще, чем наяву.

Передонов. Будет плясать, убирайтесь. А вам, три ведьмы, что надо?

Плясуньи расходятся по сторонам. К Передонову подходит Дарья и низко кланяется.

Дарья. Ардальон Борисыч, сделайте милость, осчастливьте меня – возьмите меня замуж.

Передонов. А чем ты мне угождать будешь?

Дарья. Я вам буду блины печь, превкусные, горячие, только не подавитесь. Пирожки буду печь сладкие, с черносмородинным вареньем, – только не объестьтесь.

Передонов. Пошла прочь, перестарок.

Дарья горько плачет и отходит. Приближается Людмила, кланяется еще ниже.

Людмила. Ардальон Борисыч, ваше высокородие, господин инспектор, будьте благодетелем, заставьте век за вас Бога молить, осчастливьте меня, возьмите меня замуж.

Передонов. А ты чем угождать мне будешь?

Людмила. А я каждое утро буду по городу ходить, все сплетни собирать, а потом вам стану рассказывать. И кто на вас донести собирается, все разведывать стану. А про вас буду говорить только самое хорошее, как вы самые умные запрещенные книги читаете.

Передонов. Пошла прочь, хохотушка.

Людмила заливается горькими слезами и отходит. Приближается Валерия, кланяется Передонову в ноги.

Валерия. Ардальон Борисыч, милостивец, ваше превосходительство, господин директор и кавалер всех орденов, Льва, и Солнца, и Почетного Легиона; сделайте мне великое благодеяние, осчастливьте меня вашей милостью, возьмите меня замуж.

Передонов. А угождать мне чем станешь?

Валерия. Сама буду ваш вицмундир чистить. И вы насчет того не сомневайтесь, чтобы плюнуть или побить. Сколько вашей милости будет угодно. Спорить и прекословить не буду; и по начальству рапорт подам о неимении с моей стороны препятствий. И все ваши любимые кушанья по Варвариной поваренной черной книге.

Передонов. Пошла прочь, вертушка. Еще отравишь...

Валерия рыдает громко и отходит. Девушки и Недотыкомка визжат и пляшут. Входит Варвара, хитро и злобно ухмыляясь.

Варвара. Позабыл про княгиню Волчанскую. Она – колдунья. Ей сто лет. Она все знает и все может.

Становится светлее, призраки сна понемногу рассеиваются. Варвара стоит перед Передоновым.

Варвара. Да никак ты заснул здесь, Ардальон Борисыч. То-то, видно, с Марфушкой весело было.

Передонов. Вот и весело, веселее, чем с тобой.

Варвара. Сидят там, в беседке, как две кикиморы. Сама-то Вершина давно ли овдовела, а сама спит и во сне видит – замуж выйти. Спасибо Павлушка сказал, где ты. Пока ты с Марфушкой вожжался, я ответ от княгини получила.

Передонов. А ты разве ей писала?

Варвара. Ну вот, валяет петрушку. Ведь сам же велел написать...

Передонов. Ну, что же она пишет?

Варвара. Вот письмо. Читай сам. (Роемся в своей сумочке, достает письмо и отдает его Передонову.)

Передонов жадно читает его.

Передонов. Ловко... Вот это я понимаю. Как женится, так и место получит. Ай да княгиня. Пойду дразнить Марту.

Быстро идет к беседке. Варвара садится на скамейку вместе с подошедшим к ней Володиным. Тихо разговаривают.

Передонов (Вершиной). Вот вы все сомневались, а вот сама княгиня пишет. Вот почитайте – сами увидите.

Вершина. А где же конверт?

Передонов. Я не знаю, надо спросить. Варя, Варя, поди-ка сюда...

Варвара. Ну, что еще? (Подходит.) Здравствуйте, Наталья Афанасьевна. Что, он вам хвастался?

Вершина. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна.

Марта. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна.

Варвара. Здравствуйте. Гуляете? Женишка высматриваете?

Передонов. Где конверт?

Варвара. Какой конверт?

Передонов. Конверт от княгини, что письмо сегодня принесли.

Варвара. Вот, я сожгла. На что мне его. Что ж собирать, что ли, конверты, коллекцию составлять? Так ведь деньги за конверты не платят. Это только за бутылки в кабаке деньги назад дают.

Передонов. Княгини тоже бывают всякие. Знаем мы. Может быть, эта княгиня живет здесь.

Вершина. Странно. Как это вы, Варвара Дмитриевна, неосторожны... Деловое письмо, и вдруг без конверта... Все же таки по штемпелю видно было бы, когда послали письмо и откуда.

Продолжая разговаривать, уходят. Володин идет за ними, подслушивая. Проходят Людмила и Саша.

Людмила. Ты розы любишь?

Саша. Люблю.

Людмила. Большие?

Саша. Всякие – и большие, и маленькие.

Людмила. И розочки любишь?

Смеются. Уходят. Варвара возвращается с Грушиной. Володин прогуливается в сторонке, подслушивая.

Варвара. Я это еще вчера придумала, на всякий случай. Как ночью-то не спится, так чего не передумаешь.

Грушина. Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, я и от одного-то письма вся дрожу, все боюсь. Увижу пристава близко дома – так вся и сомлею, – думаю, за мной идут, в тюрьму сажать хотят.

Варвара. Начали дело, так уж надо кончать. А то что ж, один болтун. Через вашу сестру всего проще. Ведь она еще в Петербурге живет?

Грушина. Живет-то живет, да только...

Варвара. Мы здесь письмо напишем, в конверт вложим, а тот конверт в другой и пошлем вашей сестре. Она письмо наше во втором конверте в ящик опустит, оно сюда и придет со штемпелем. Утру я им нос, поганкам.

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, а что Ардальон-то Борисыч подумает, с чего это княгиня расписалась так, письмо за письмом?

Варвара. Я все придумала. Скажу моему дураку, что написала княгине письмо, благодарность. А княгиня будто и ответит, что есть в виду места, пусть бы скорее венчался, пока их не заняли.

Продолжая разговаривать, уходят. В саду опять темнеет. Слышен приближающийся визг Недотыкомки. Стремительно проходит, почти бежит Передонов. Его лицо выражает безумный страх. Недотыкомка кружит около него.

Недотыкомка. Обманут... Оплетут... Околпчат... Все врут, все завидуют, все хотят тебя погубить.

Эпизод второй

У Рутиловых. Все четыре сестры сидят в столовой за круглым столом. На белой скатерти коричневая бутылка шери-бренди. Кругом нее тарелки с яблоками, орехами, халвой. Лариса ест яблоко, отрезывая ножичком по ломтику, и посмеивается. Дарья громко поет. На сестрах легкие цветные платья, оставляющие руки обнаженными. Людмила босая, у остальных сестер сандалии надеты на босые ноги. Людмила часто подходит к окну.

Дарья.

Где делось платье, где свирель?
Нагой нагу влечет на мель.
Страх гонит стыд, стыд гонит страх.
Пастушка вопиет в слезах:
Забудь, что видел ты...

Лариса. Какие глупые слова. Откуда ты выкопала эту песенку, Дашенька?

Дарья. А мне нравится, – вот тебе и весь сказ.

Валерия. Ей старый песенник попался.

Дарья. Оговариваете, так я и не допою до конца.

Валерия. Людмилочка все еще ждет своего Сашку.

Людмила. Он обещал и сегодня прийти.

Дарья. Да уж видно, что не придет. Всегда приходит раньше. (Поет.)

Мне мокротно молоденьке,
Нигде места не найду.

Людмила. А ну вас... Отстаньте... Сама вижу, что не придет. Чего же вы смеетесь?
(Плачет.)

Дарья. Охти мне...

Людмила (всхлипывая, тихонько). Старая карга противная не пустила его, держит, чтобы он греков учил.

Дарья. Да и он-то, глупый, уйти не умеет.

Валерия. С малюсеньким связалась...

Людмила. Всю эту ночь мне снились такие знойные сны...

Лариса. Расскажи, Людмилочка...

Людмила. Мне снилось сначала, что я лежу в душно натопленной горнице, и одеяло сползает с меня и обнажает мое горячее тело. И вот чешуйчатый, кольчатый змей вполз в мою опочивальню и поднимается, ползет по дереву.

Дарья. Откуда тут дерево взялось?

Людмила. Ах, только сон.

Валерия. Что же дальше?

Людмила. Не помню. Потом приснилось мне озеро в жаркий летний вечер, под тяжело надвигающимися грозовыми тучами, – и я лежала на берегу нагая, с золотым, гладким венцом на лбу.

Лариса. Как Леда, как белая Леда, мать красоты.

Людмила. Пахло теплою застоявшеюся водою, и тиною, и изнывающею от зноя травую, – и вода была темная, зловеще спокойная, и по воде плыл белый лебедь, царственно величавый. Он шумно бил по воде крыльями и с громким шипением приблизился, обнял меня. Стало сладко, томно и жутко. И наклонилось надо мною Сашино лицо на шею лебедея.

Дарья. Ну конечно, я так и знала, что без Саши и сон не в сон.

Валерия. А у змея, у кольчатого?

Людмила. Что у змея?

Валерия. Тоже было Сашино лицо?

Людмила. Да, Сашино лицо. До синевы бледное, с темными, загадочно печальными глазами. И синевато черные ресницы, ревниво закрывая их чарующий взор, опускались тяжело, страшно. Я просыпалась и опять засыпала, и опять видела сны.

Валерия. Ну, Людмилочка, рассказывай дальше, не останавливайся.

Людмила. Потом приснилась мне великолепная палата с низкими грузными сводами.

Лариса. И Саша был?

Людмила. Да. И краше всех был Саша. Когда он целует мои руки – здесь, и до самого локтя и выше, – я чувствую близко его стройное тело.

Дарья. Охота плакать. Из-за молокососа глаза покраснели. Вот-то уж можно сказать, черт с младенцем связался.

Людмила. Кто это черт?

Дарья. Да ты, Людмилочка. Даром что молодая, а только...

Людмила (странно-звонящим голосом). Глупости...

Лариса. Сестрицы, не ссорьтесь.

Дарья (досадливо). Да что в нем интересного, скажи пожалуйста?

Людмила (с улыбкою, задумчиво и медленно). Какой он красавец...

Валерия. А он чистый?

Людмила. Много ты понимаешь, маленькая! (Тихо и мечтательно.) Я вовсе не так его люблю, как вы думаете. Любить мальчика лучше, чем влюбиться в пошлую физиономию с усиками. Я его невинно люблю. Мне от него ничего не надо.

Дарья. Не надо, так зачем же ты к нему льнешь? Ну, не дуйся, ведь мы не со зла говорим. (Обнимает Людмилу. Людмила плачет, прикинув к Дарьину плечу.)

Людмила. Я знаю, что уж тут не на что мне надеяться, но хоть бы немножко

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
приласкал он меня, хоть бы как-нибудь.

Дарья. Ну что, тоска. Не понимаю, о чем ты плачешь. Ну, уроков сегодня было побольше, и не пришел. А если так тебе хочется его сейчас видеть, пойди к Коковкиной да и приведи его сюда.

Людмила. Ай правда... Если он сегодня не придет, сама за ним завтра схожу. Сестрицы, а про маскарад вы что слышали? Правда, что его актеры устраивают?

Лариса. Да. В клубе. За лучшие костюмы призы давать будут.

Валерия. А какие призы?

Лариса. Говорят – только врут, кажется, – будто за лучший мужской костюм – велосипед, а за дамский – корову дадут. Наряжайтесь, сестрицы, – корову получить можете.

Дарья. Нужна нам очень корова.

Людмила. Да и кто будет присуждать призы? Какой у них вкус...

Валерия. Воображаю...

Людмила. А я, знаете, сестрицы, что придумала? Нарядить Сашу в женское платье, послать его в маскарад, и чтобы приз дали ему.

Дарья. Вот это будет весело...

Валерия. Воображаю...

Лариса. Правда, это будет забавно. Провести всех в городе. Только почему же вы думаете, что ему дадут приз?

Дарья. Ну, уж если мы за дело возьмемся, так добьемся своего.

Людмила. Что ж, сестрицы, согласны?

Дарья. Да, я – конечно. А ты, Валерочка?

Валерия. Мне что ж... Людмилочкин дружок... Да я что ж. Я не прочь помогать... Только он не посмеет...

Дарья. Ну, вот, почему не посмеет? Мы сделаем так, что никто не узнает.

Людмила. Мы его нарядим гейшею.

Дарья. Идет... Гейша так гейша... (Сбрасывает с ног сандалии, пляшет и поет.)

Уходи, немилый, прочь...

Я – разбойницкая дочь...

Ты и молод и пригож,

Только мне ты не хорош.

Не хочу любить купца,

Полюблю я молодца,

Что гуляет здесь и там

По веселым кабачкам...

Людмила громко хохочет. Лариса улыбается и снимает сандалии. То же делает

Валерия. Все сестры пляшут и поют.

Сестры.

Сестры милые, бегите...

Сестры милые, сплетите

Цепь из тесно сжатых рук...

Вот сплелись мы в пестрый круг,

И в весельи легком нашем

Мы, улыбчивые, пляшем,

Рады радости своей.

Сестры милые, скорей.

Во время их пляски входит Саша. Останавливается у порога и смотрит на пляшущих.

Людмила. Вот он. Хорош.. Заставляет ждать.

Саша (целуя руки сестрам). Некогда было раньше. Все уроки. Учить надо было.

Лариса. Да никак ты надушился, Саша?

Дарья. Помадой разит.

Валерия. Терпеть не могу помады. Барышня помаженная.

Людмила. Пожалуйста, не смей помадиться.

Саша. Ну ладно, не буду. Строгости какие. Душитесь же вы духами, и вы, Людмилочка, и Дашенька, и Валерочка, и Лариса Платоновна.

Людмила. То духи, а то помада. Глупый, нашел сравнить. Я никогда не помажусь... Зачем волосы склеивать? Духи совсем не то. Дай-ка я тебя надушу. Желаеть?

Саша (улыбаясь). Желая.

Людмила. Сейчас я духов тебе принесу. (Уходит.)

Дарья. Нравится тебе, как мы одеты?

Саша. Очень красиво.

Дарья. Вот скоро маскарад будет. Слышал?

Саша. Слышал.

Дарья. Мы хотим нарядить тебя барышней – под маской никто не узнает, – да только боимся, что ты струсишь.

Саша. Ничего не струшу. И это будет превесело.

Дарья. Весь город обманем. Только ты не проболтайся.

Саша. Ни за что. (Радостно смеется и прыгает.)

Людмила (возвращаясь с пульверизатором и флаконом духов). И, пожалуйста, остригись. Что хорошего локоны носить... Лошадей прической пугать...

Саша. Ну ладно, остригусь. Ужасные строгости. У меня еще коротенькие волосы, в полдюйма. Еще инспектор мне о волосах не говорил.

Людмила. Я люблю остриженных молодых людей, заметь это. И я тебе не инспектор, меня надо слушаться.

Брызгает на Сашу духами.

Дарья. А знаете, как мы ему костюм сделаем? Вот я вам покажу образчик, пойдем ко мне.

Уходит с Ларисой и Валерией.

Саша. Какие духи странные.

Людмила. А ты на руку попробуй.

Саша. Какой душный запах...

Людмила. Это цикламен. Три духа живут в цикламене. Сладкою амброзией пахнет бедный цветок – это для рабочих пчел.

Саша. Для рабочих пчел.

Людмила. Сладкая амброзия, и над нею гудят пчелы, это его радость. И еще он пахнет нежною ванилью, и уж это не для пчел, а для того, о ком мечтают.

Саша. О ком мечтают.

Людмила. И это – его желание, – цветок и золотое солнце над ним.

Саша. Амброзия, ваниль – пчелкам, желанному, – а третий дух цикламена?

Людмила. Слушай. Третий его дух, – он пахнет нежным сладким телом, для того, кто любит, и это его любовь.

Саша. Радость, желание, любовь.

Людмила. Его любовь – бедный цветок и полдневный зной – тяжелый зной. Пчела, солнце, зной, понимаешь, мой светик?

Саша. Пчела, солнце, зной.

Людмила. Он радуется, нежный и солнечный цикламен, он влечет к желаниям, от которых сладко и стыдно, он волнует кровь. Понимаешь, мое солнышко, когда сладко, и радостно, и больно, и хочется плакать? Понимаешь? Вот он какой. (Целует.)

Саша. Три духа живут в цикламене.

Людмила. А уж и красив ты, Саша.

Саша. Тоже придумаете. Это вот вы красивая и нарядная.

Людмила. Разве нарядная? Видишь – босая.

Саша. Уж вы всегда нарядная.

Людмила. И ты все хорошеешь, Саша.

Саша (застенчиво смеясь). Придумаете тоже. Я же не барышня, – чего мне хорошеть.

Людмила. Лицо прекрасное.

Саша. Еще войдет кто.

Людмила. Кому входить? Да мы пойдем в мою комнату, – никто не попадет, даже сестрицы не увидят.

Саша. Ну, не надо, Людмилочка.

Людмила. Глупый, – отчего не надо? (Вдруг плачет.)

Саша. Что же вы плачете, милая Людмилочка?

Людмила порывисто бросается перед Сашею на колени, целует его руки и страстно шепчет.

Людмила. Милый, кумир мой...

Уходят в Людмилину комнату. Входят Дарья и Валерия.

Действие третье

Новая квартира Передонова. Варвара и Володин разговаривают.

Варвара. Всем визиты делает. У предводителя был, у исправника, у председателя земской управы, – уж не знаю, у кого только не был.

Володин. Так как Ардальон Борисыч изволит с директором быть вроде как в ссоре, то он и желает заручиться в случае чего.

Входит Передонов. Тоскливый и злой.

Передонов. Успел. Сговариваешься, как бы меня околпачить. Заодно с Варварой. Везде у меня враги.

Варвара. Ардальон Борисыч, у нас-то какое приключение. Кот сбежал.

Передонов. Ну? Зачем же вы его отпустили?

Варвара. Что ж мне его за хвост к юбке пришить, что ли?

Володин хихикает. Передонов садится на стул у стола, опускает голову, комкает конец скатерти и задумывается. Недотыкомка юлит под столом, повизгивает и шепчет.

Недотыкомка. Знаешь, куда он пошел? К жандармскому.

Передонов. К жандармскому пошел. Вымурлычит все, что знает. Да и того промяукает, чего и не было. Беды...

Володин. Это уж завсегда коты изволят на старую квартиру сбегать, потому как кошки к месту привыкают, а не к хозяину, кошку надо закружить, как переносить на другую квартиру, и дороги ей не показывать, а то беспрременно убежит.

Передонов. Так ты думаешь, Павлуша, что он на старую квартиру сбежал?

Володин. Беспрременно так, Ардаша.

Передонов. Ну, так выпьем, Павлушка.

Володин. Это можно, Ардаша. Выпить завсегда даже очень можно.

Передонов. А кота надо достать оттуда.

Варвара. Сокровище. Вот после обеда пошлю Клавдюшку.

Передонов. Я тебя на улице видел, Павлушка.

Володин. А я вас, Ардальон Борисыч, не изволил видеть.

Передонов. Врешь. Ты бараном оборачивался. Думал, не узнаю.

Володин. Ардальон Борисыч, посудите сами, как же я мог барашком оборачиваться? А куда же мой костюмчик и моя тросточка девались? Это, может быть, на вашей родине бараны в котелках изволят прогуливаться, – а я таких барашков никогда не изволил видеть.

Передонов. Чего злоумышляешь? Много ли тебе надо? Слушай, Павлуша, – если ты не станешь мне вредить, то я тебе буду леденцов покупать по фунту в неделю, самый первый сорт, – соси себе за мое здоровье.

Володин. Я, Ардальон Борисыч, вам вредить не согласен, а только мне леденцов не надо, потому как я их не люблю.

Варвара. Полно тебе петрушку валять, Ардальон Борисыч. Чем он тебе может навредить?

Передонов. Напакостить всякий дурак может.

Володин. Если вы, Ардальон Борисыч, так обо мне понимаете, то одно только могу сказать: благодарю покорно. Если вы обо мне так, то что я после этого должен делать? Как это я должен понимать, в каком смысле?

Передонов. Выпей водки, Павлушка, и мне налей.

Володин, молча, храня обиженный вид, принимается наливать водку из графина в рюмки.

Недотыкомка кружит около стола и хохочет.

Недотыкомка. Наворожит, наворожит...

Варвара. Как же это, Ардальон Борисыч, ты не боишься от него водку пить? Ведь он ее, может быть, наговорил, – вот он что-то губами разводит.

На лице Передонова изображается ужас. Он схватывает налитую рюмку и выплескивает из нее водку на пол.

Передонов. Чур меня, чур, чур... Заговор на заговорщика, – злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачун, меня чур перечур... (Показывает Володину кукиш.) На-т-ка, выкуси... Ты хитер, а я похитрее.

Володин. Это вот вы, Ардальон Борисыч, всякие волшебные слова знаете и произносите, а я никогда не изволил магией заниматься. Я вам ни водки, ни чего другого не согласен наговаривать, а это, может быть, вы от меня моих невест отколдовываете.

Передонов. Вывез... Мне не надо твоих невест, я могу и почище взять. У меня много невест. Вот сейчас пойду венчаться. Вернусь утром с женой, а тебя, Варвара, вон. Последний раз сегодня ночуешь.

Володин. Вы моему глазу лопнуть наговорили, только смотрите, как бы у вас раньше очки не лопнули.

Передонов (испуганно хватаясь за очки). Что мелешь? Язык-то у тебя, как помело..

Варвара. Не ехидничайте, Павел Васильевич. Ишь, ехидник какой. Кстати зачуражился, Ардальон Борисыч...

Володин. Недаром я сегодня во снах видал, что меня медом мазали. Помазали вы меня, Ардальон Борисыч.

Варвара. Еще не так бы вас надо помазать.

Володин. За что же, позвольте узнать? Кажется, я ничего такого...

Варвара. За то, что язык у вас скверный. Нельзя болтать, что вздумается, – в какой час молвится.

Передонов. Варвара, вошел кто-то в переднюю. Ни за чем не смотришь, ничего не видишь.

Варвара, крадучись, подходит к двери, глядит в нее и так же тихо возвращается.

Варвара. Почтальон. Надо ему водки дать, – опять письмо принес.

Передонов. Что ж, мне водки не жалко.

Варвара. Почтальон, иди сюда.

Почтальон входит в горницу. Роемся в сумке, притворяясь, что ищет письмо. Варвара наливает большую рюмку водки, отрезывает кусок пирога и дает все это почтальону. Почтальон подает письмо Варваре.

Почтальон. Вам-с. Покорнейше благодарю. (Выпивает, крикает, захватывает пирог и уходит.)

Передонов. Ты думаешь, Павлушка, это был почтальон?

Володин. А кто же, Ардальон Борисыч?

Передонов. Рыжий Валет. Он меня на днях под здоровый ремиз подвел. Опять, пожалуй, подведет. Да нет, я ему кукиш показал.

Володин. А мы и не видели.

Передонов. В кармане.

Варвара (передавая нераспечатанное письмо Передонову). На, прочти, Ардальон Борисыч. Кажется, опять от княгини. Расписалась, а толку мало. Чем писать, дала бы сразу место.

У Передонова дрожат руки. Он разрывает конверт и быстро читает письмо. Потом вскакивает с места, машет письмом и вопит.

Передонов. Ура... Три инспекторских места. Любое можно выбирать... Ура... Варвара, наша взяла...

Володин. Ура...

Передонов. Ура...

Пляшет и кружится по комнате. У него неподвижно красное лицо, тупые глаза. Похож на большую, заведенную в пляс куклу. Варвара ухмыляется.

Варвара. Ну, вот ты не верил, что без конверта. Хорошо, что это при тебе принесли, а то я, пожалуй, опять бы конверт куда-нибудь запсотила.

Передонов. Не скули, Варвара. Теперь решено – венчаемся. Русскую, Варвара.

Хватает Варвару за плечи и вертит ее вокруг стола, топоча ногами. Они пляшут.

Володин. Будущий инспектор трепака откалывает...

Передонов. Пляши, Павлушка...

Володин (увидев выглядывающую из-за двери Клавдию). А, ты... Все вместе... Распотешим будущего инспектора. (Хохоча и ломаясь, пляшет с Клавдией.)

Рутилов (в дверях). Картина...

Передонов. Клавдюшка, пошла вон... Платон Платонович, дружище... здравствуй. А у меня радость. Смотри – письмо.

Рутилов. Покажи, покажи, что за письмо...

Передонов. Читай. (Показывает письмо, не выпуская его из рук.)

Рутилов (читая письмо). Везет же человеку...

Передонов. При мне почтальон принес... Сам я и распечатывал. Уж тут, значит, без обмана. (Прячет письмо в бумажник, бумажник прячет в сюртук, сюртук застегивает и строго и значительно смотрит на Рутилова.)

Рутилов. Что ты с ним чичкаешься?

Передонов. На всякий случай... Кто вас знает. Еще стянете.

Рутилов. Чистая Сибирь у тебя это дело.

Передонов. Вот я буду инспектором. Вы тут киснуть будете, а у меня под началом два уезда будут. А то и все три. Ого-го. Я, брат, и тебя вытащу.

Мало-помалу собираются гости.

Передонов. Марфушка-то... (Хохочет.)

Грушина. Что вы заржали, Ардальон Борисыч?

Передонов. Нартанович, гимназист, своей сестре Марте платье подпалит, – я ему посоветовал это сделать.

Грушина. Станет он палить, нашли дурака.

Передонов. Конечно, станет. Братья с сестрами всегда ссорятся. Когда я маленьким был, так всегда своим сестрам пакостил – маленьких бил, а старшим одежду портил.

Рутилов. Не все же ссорятся. Вот я с сестрами не ссорюсь и никогда не ссорился.

Передонов. Что ж ты с ними, целуешься, что ли?

Рутилов (спокойно). Ты, Ардальон Борисыч, свинья и подлец, и я тебе оплеуху дам.

Передонов. Ну, я не люблю таких шуток. У нее, у Марты, только и есть одно платье, черное.

Варвара. Вершина ей новое сошьет. К свадьбе все приданое сделает, красавица, инда лошади жахаются.

Преполовенская. Пора и вам венчаться. Чего ждете, Ардальон Борисыч? Уж если письмо получили, так тут что раздумывать...

Варвара. Да, уж ваша Геничка пусть другого жениха подождет.

Преполовенская. Что вы, Варвара Дмитриевна. Уж об этом и не думали. Мы всегда за вас были.

Передонов. Я решил венчаться, только мы с Варварой не знаем, как венчаться надо. Что-то надо сделать, а я и не знаю что.

Преполовенская. Вот, дело нехитрое. Да если хотите, мы с мужем вам все устроим, вы только сидите и ни о чем не думайте.

Передонов. Хорошо, я согласен. Только чтоб все было хорошо и прилично. Мне денег не жалко.

Преполовенская. Уж все будет хорошо, не беспокойтесь.

Передонов. Другие из скупости покупают тонкие обручальные кольца, серебряные позолоченные, а я так не хочу, а чтоб настоящие золотые. И я даже хочу вместо обручальных колец заказать обручальные браслеты – это и дороже, и важней.

Все смеются.

Преполовенская. Нельзя браслеты, кольца надо.

Передонов. Отчего нельзя?

Преполовенская. Да уж так не делают.

Передонов. А может быть, и делают. Это я у попа спрошу. Он лучше знает.

Рутилов. Уж ты лучше, Ардальон Борисыч, обручальные пояса закажи.

Передонов. Ну, на это у меня и денег не хватит. Я не банкир. А только я на днях во сне видел, что венчают, и на мне атласный фрак, и у нас с Варварой золотые обручальные браслеты. А сзади два директора стоят, над нами венцы держат и аллилуйю поют.

Володин. Я сегодня тоже интересный сон видел. А к чему он – не знаю. Сижу это я будто на троне, в золотой короне, а передо мной травка, а на травке барашки, всё барашки; все барашки бе-бе-бе... Так вот все барашки ходят, и так головой делают, и все этак бе-бе-бе.

Грушина. Ну, что же дальше?

Володин. Ну, и всё барашки, всё барашки, а тут я и проснулся.

Передонов. Барану и сны бараньи. Важное кушанье – бараний царь.

Варвара. А я сон видела, так это при мужчинах нельзя рассказывать.

Грушина. Ах, голубушка Варвара Дмитриевна, вот-то в одно слово... И у меня тоже...

Рутилов. Расскажите – мы мужчины скромные, вроде дам.

Грушина. Нет, что вы, что вы... Ни за что нельзя.

Передонова дразнит Недотыкомка. Она прячется близко, показывается иногда, высовываясь из-под стола, из-за двери, и опять прячется. Как будто ждет чего-то.

Преполовенская. В шафера кого звать будете?

Передонов. Рутилова да Павлушку позову. Да еще одного надо найти,

Варвара. Да куда их так много?

Передонов. Тебе, Варвара, одного будет, а мне двух надо. Мне одного мало, – надо мною трудно венец держать. Я – большой человек. И ты мне, Варвара, теперь каждый день своих румян давай.

Варвара. Зачем же это?

Передонов. Мне надо каждый день подкрашиваться, а то еще подумают, что я дряхлый, и не назначат инспектором.

Варвара. Ну что ж, подкрашивайся. Мне-то что... Только венчайся скорей.

Передонов. Сам Верига красится, чтобы помоложе быть. Не могу же я с белыми щеками венчаться. И ты мне свой корсет дай.

Варвара. Да ты, Ардальон Борисыч, в мой корсет не влезешь.

Передонов. Надо было раньше купить, – ничего не подумают.

Варвара. Да кто же мужчины носят корсет? Никто не носит.

Передонов. Верига носит.

Варвара. Так Верига – старик, а ты, Ардальон Борисыч, слава Богу, мужчина в соку.

Передонов. Конечно, я еще лет полтора ста проживу.

Володин. За ваше здоровье, Ардальон Борисыч... Полтора ста лет прожить да двести на карачках проползать.

Недотыкомка выползает из-под стола. Визжит. В комнате темнеет. Все гости становятся похожими на призраки и понемногу исчезают, заменяясь бредовыми образами.

Передонов. Я тебя знаю. Ты как только за меня замуж выйдешь, так на меня и донесешь, чтоб от меня отделаться. Будешь пенсию получать, а меня на Петропавловке смелют.

Варвара. Петрушку валяешь. Шел бы спать. И гости давно ушли, а ты все колобродишь, не спишь. (Она уходит.)

Гостей уже нет. На сцене образы бреда Передонова. Неясные страшные фигуры – короли, дамы, валеты: сначала они шепчутся, прячутся от Передонова. Потом становятся смелее, бегают, возятся, дразнят Передонова, кажут ему языки, корчат страшные рожи, растягивая рты.

Короли, дамы, валеты.

– Директор Ардальон Борисычу козни строит. Директор господина Передонова в ложке воды утопит.

– Утопит. Как пить дать, утопит.

- Он приказывает гимназистам не почитать Ардальона Борисыча.
- Показывать языки господину Передонову.
- Вот так...

Около Передонова кружатся десятки и девятки, показывая ему языки.

- Есть и другие в городе лица, которые враждебны Ардальон Борисычу.
- Есть, например Володин. Все повторяет «будущий инспектор».
- Ясное дело – завидует.
- Ведь бывали же случаи, что люди присваивали чужое имя и жили себе в свое удовольствие.
- И еще Рутиловы, Вершина со своей Мартой, сослуживцы из зависти, – все рады повредить господину Передонову.
- А как же можно повредить такому хорошему человеку, как Ардальон Борисыч?..
- Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонадежным.

Пиковая дама с папироскою во рту, от которой распускается густой дым, принимает вид Вершиной и проходит перед Передоновым.

- Женились бы на моей Марте, я бы от вас всех врагов отколдовала.

Недотыкомка. А что теперь твоя Варвара делает?

Передонов. Не знаю.

Варвара (из спальни). Ложись спать, Ардальон Борисыч. Что ты впотьмах бродишь?

Недотыкомка. Слышишь, спать тебя посылает. А как только ты заснешь, она колдовать на картах станет. Видишь, всех мастей тут ходят.

Передонов. Я карты отниму, к себе под подушку спрячу.

Недотыкомка. Она и без карт умеет.

Передонов. Как без карт?

Недотыкомка. Вот под кроватью кот жметя и сверкает зелеными глазами. На его шерсти можно колдовать, глядя кота в темноте, чтобы сыпались искры.

Передонов. А ты здесь зачем, тварь?

Недотыкомка. Меня Варвара подсвистывает по ночам тихим свистом. Ты думаешь, она храпит, а это она меня подзывает на твою погибель.

Доносчик (из-за стены). Ты меня не видишь, а я тебя вижу и о всем донесу.

Передонов. Накрою.

Доносчик. Убегу.

Передонов. Убью.

Доносчик. Нас много, целая армия. Одного убьешь, всех не убьешь.

Короли, дамы и валеты.

- Ты у Вершиной чаю не пей, – отравит.

- Отравить всего легче, – сам выпьешь и не заметишь.
- Яд сладкий бывает. А домой придешь, – и ноги протянешь.
- Ты думаешь, с проста ума у тебя Рутилов курит?
- Вот погоди, спичку заронит, дом сожжет, и ты сгоришь.
- А Володин-таки умеет бараном оборачиваться. Это тоже неспроста.
- Здесь нехороший город.
- И люди здесь злые, скверные.

Пиковая дама. Хороший мужчина, пойдем со мной.

Передонов. Пошла прочь.

Пиковая дама. Нет, ты меня не гони. Я – княгиня Волчанская. Я тебя очень люблю. Хорошенький мужчинка, папашка, пойдем со мной.

Передонов. Убирайся.

Пиковая дама. Очаровательный кавалер, не скупитесь, пожалуйста, поставь мне хоть полбутылочки портвейну. Куда же ты, папашка? Да нет, шарлатан, ты от меня не уйдешь.

Передонов. Пошла, пошла прочь, проклятая.

Варвара (выходя из спальни). Что ты орешь, Ардальон Борисыч? Спать не даешь...

При свете свечи, которую Варвара держит в руках, призраки бреда бледнеют и понемногу исчезают. Передонов боязливо озирается.

Передонов. Пиковая дама ко мне лезет в тиковом капоте.

Варвара. Пил бы меньше, так и не мерещилась бы всякая чертовщина. Пойдем в спальню, – я тебе капель дам.

Действие четвертое

Квартира Передонова. Варвара и Грушина.

Грушина. Добились вашей цели, так и молчали бы. А то точно вас за язык кто дергал, – и болтали, и болтали.

Варвара. Что вы петрушку валяете? Я никому и не думала говорить.

Грушина. От кого же все узнали? Я-то уж никому не скажу, не такая дура.

Варвара. И я никому не говорила.

Грушина. Вы мне письмо отдайте, – а то начнет разбирать, так и по почерку признает, что письмо поддельное.

Варвара. Ну и пусть узнает! Эка важность. Стану я на такого дурака смотреть.

Грушина. Вам хорошо говорить – вы свое получили, замуж вышли, – а меня из-за вас в тюрьму посадят. Нет, уж как хотите, а письмо мне отдайте. А то ведь и развенчать можно.

Варвара (нагло подбочась). Ну, уж это, ах, оставьте. Уж теперь хоть на площади публикуй – венец с головы не свалится.

Грушина. Ничего не оставьте! Такого нет закона – обманом венчать. Если Ардальон Борисыч все дело по начальству пустит, до сената, то и разведут. Будьте даже очень спокойны.

Варвара. Да чего злитесь?.. Достану вам письмо. Нечего бояться, – я вас не выдам. Разве я такая скотина? Душа-то и у меня есть.

Грушина. Ну, какая там душа. Что у пса, что у человека – один пар, а души нет. Пока жил, пока и был.

Варвара. Он письмо всегда при себе носит, в бумажнике, а ночью бумажник под подушку прячет. Да уж я позабочусь, чтобы он сегодня хорошенько выпил. Заснет, – я вытащу. Скажу, коли хватится, что сам потерял.

Грушина. Так я завтра зайду. Уж вы непременно мне его завтра отдайте. Я больше ни одного дня ждать не стану. Уж вы сами понимаете, голубушка Варвара Дмитриевна, что если письмо останется у него, так мне большая неприятность может быть. И то на меня исправник злится, зачем гадаю. Ну, до свидания, голубушка Варвара Дмитриевна.

Варвара. Приходите завтра, – уж получите письмо. (Уходит, провожая Грушину.)

Из передней слышны голоса вновь пришедших. Передонов приоткрывает дверь из передней и заглядывает в комнату. На его лице тупой ужас, ему кажется, что кто-то очень быстро пробежал по комнате и спрятался за шкафом.

Передонов (бормочет). Соглядатай. (Захлопывает дверь.)

Сцена некоторое время пуста. Дверь опять слегка приоткрывается, – Передонов прищипывает глазом к узкой щели. Комната темнеет. Недотыкомка юлит. Едва видны смутные фигуры. Они шепчутся.

– Надо теперь его подловить, пока он еще бумаги не получил.

– Да, тогда уж поздно будет.

– Тогда он уедет в другой город и будет там начальником.

– Тогда уж нас к нему не пустят.

Вдруг дверь из передней открывается. На сцене опять светло и обыкновенно. Входят Володин, Преполовенская, Передонов и Варвара.

Преполовенская. Что это вы, Ардальон Борисыч, все еще на ваше место инспекторское не едете?

Варвара. Вот получим бумагу и поедем.

Преполовенская. Что-то уж долго бумага не приходит. Княгиня-то вам обещала сразу после свадьбы, а уж больше месяца прошло.

Передонов. Да вот поди ж ты. Обещала скоро, а заставляет ждать.

Преполовенская. Уж очень вы просты, Ардальон Борисыч.

Передонов. Вовсе я не прост. Я – кандидат университета и статский советник.

Преполовенская. Вот и кандидат, а уж кто захочет, тот сумеет вас обмишулить.

Передонов. Я сам всякого обмишулю.

Преполовенская. А вот княгиня-то вас за нос водит.

Рутилов (входя). Кто кого за нос водит?

Преполовенская. Да вот Ардальон Борисыч все еще бумаги ждет насчет места-то обещанного. Вот я и думаю, не водит ли его княгиня за нос.

Варвара. Ничего не водит. Ведь это не простое место, не так просто его получить.

Передонов. Да, бумаги все еще нет. Это мне не нравится. Я хочу поскорее отсюда уехать. Здесь нехороший город. И директор все ко мне придирается. Варя, я сам

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
напишу княгине.

Варвара. Что ты, разве можно?

Передонов. А что ж?

Варвара. Разве не знаешь аристократов? Жди, сами сделают, что надо. А напоминать станешь, – обидятся. Хуже будет. У них гонору-то сколько. Они гордые, любят, чтобы им верили.

Преполовенская. А по-моему, написали бы вы, Ардальон Борисыч, и в самом деле. Напомнили бы, а то княгиня о вас, пожалуй, и позабыла.

Передонов. А вдруг она обозлится?

Володин. Я так полагаю, Ардальон Борисыч, что как Варвара Дмитриевна говорят, что княгиня не любит, чтобы им напоминали, и что они сами сделают, что можно, и так как Варвара Дмитриевна лучше знает княгиню, то надо еще подождать, а потом уже, поздравляя, например, с Новым годом, и напомнить вежливо, что как ваше сиятельство обещали мне место, то в каком смысле это понимать, и могу ли я быть в скорой надежде. Я так изволю думать, – а впрочем, как вам угодно.

Передонов. Княгиня... Знаю я ее...

Рутилов. Откуда же ты ее знаешь, Ардальон Борисыч? Ведь ты сам рассказывал, что и не видел ее.

Передонов. Этот раз не видел. А раньше я ее часто видел. Я прежде был ее любовником.

Рутилов. Да что ты...

Передонов. Она мне платила большие деньги. Только я их пропил. Куда мне их, к дьяволу. Она еще мне обещала пенсию по гроб жизни платить, да надула.

Рутилов. А ты бы брал?

Володин. А отчего же не брать, если она богатая? Она изволила пользоваться удовольствиями, так должна и платить за это.

Передонов. Добро бы красавица... Рябая, курносая. Только что платила хорошо, а то бы и плюнуть на нее, чертовку, не захотел. Она должна исполнить мою просьбу.

Рутилов. Да ты врешь, Ардальон Борисыч.

Передонов. Ну вот, вру... А что она платила-то мне, даром, что ли? Она ревнует к Варваре, потому мне и места не дает так долго. Она старше поповой собаки. Только вы смотрите, никому не болтайте. До нее дойдет, – худо будет. Она мажется и поросычью молодость себе в жилы пускает. И не узнаешь, что старая. А уж ей сто лет.

Рутилов. А ты, Ардальон Борисыч, помнишь басню Крылова «Лжец»?

Передонов. Помню. Мы ее на днях в классе разбирали.

Рутилов. Так как же ты не боишься такое говорить?

Передонов. А что?

Рутилов. Смотри, Ардальон Борисыч, пойдешь через мост, – провалишься.

Передонов. Я и то беру лодку.

Рутилов (с хохотом). Ага, признался, что соврал.

Передонов. Про княгиню я правду говорю, только вдруг не поверит да и провалится к черту. Вот ждем директора. Мы с Варварой им визит делали, теперь они должны прийти. Вот только не идут что-то.

Варвара. Погоди, придут уже как-нибудь в праздник.

Передонов. Мадеры для директора купили. (Вынимает из шкапика бутылку мадеры и показывает ее.)

Рутилов. Что снаружи смотреть – не вкусно. Ты нас угости дорогой-то мадеркой.

Передонов. Ишь ты, чего захотел... А что же я директору подам?

Рутилов. Директор водки рюмку выпьет.

Передонов. Директору нельзя водку пить. Директору мадера полагается.

Рутилов. А если он водку любит?

Передонов. Ну, вот еще... Генерал водки любить не станет.

Рутилов. А ты нас все-таки угости.

Передонов (пряча мадеру). Княгиня... На базаре гнилыми яблоками торговала, да князя и обольстила.

Рутилов. Да разве князя по базарам ходят?

Передонов. Да уж она сумела приманить.

Рутилов. Сочиняешь ты, Ардальон Борисыч, небылицу в лицах. Княгиня – знатная дама, аристократка.

Володин. Это ничего, что аристократы. От аристократов всего можно ожидать.

Недотыкомка юлит вокруг, беззвучно смеется, вся трясется от смеха.

Недотыкомка. Княгиня на тебя тоже доносит.

Передонов. Зачем?

Недотыкомка. Чтобы избавиться от своих обещаний. Да и злится. Ты повенчался с Варварой, а княгиня сама в тебя влюбилась.

Передонов. Врешь?

Недотыкомка. Потому она и окружила тебя соглядатаями. Они всюду следят за тобой. Обступили тебя так, что уже нет тебе ни воздуха, ни света. Недаром она знатная. Все может, что захочет.

Володин. Что ты, Ардаша, сам с собою разговариваешь?

Передонов. Ты его не пускай, Варвара.

Варвара. Вот станет он меня спрашиваться. Клавдюша его спрячет.

Передонов. Прогони Клавдюшку, найми другую.

Варвара. А к другой, думаешь, она не присыкнется? Уж прислуга без воздахторов да без ухажеров не живет.

Передонов. Да, от него не спрячешься. Иногда он даже оборотнем живет. Ты думаешь, это просто кот, а не врешь. Это жандарм бегаёт. От кота никто не таится, он все и подслушивает.

Рутилов. Смотри-ка, Ардальон Борисыч, к тебе директор с женою приехали.

Передонов. Врешь...

Варвара (взглянув в окно). Ах, батюшки-светы... А я-то в затрапезе... Вот-то не ждала... Переоденусь, а ты, Ардальон Борисыч, принимай гостей. (Идет в спальню)

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
переодеваться.)

Передонов выходит в переднюю. Скоро возвращается, и с ним Хрипач и госпожа Хрипач. Они здороваются с гостями Передонова.

Передонов. Варвара сейчас. Она одевается. Она стряпала. У нас прислуга новая. Не умеет по-нашему. Дура набитая.

Госпожа Хрипач тихо разговаривает с Преполовенской, Рутиловым и Володиным. Хрипач и Передонов стоят вместе в стороне. Разговаривают вполголоса.

Передонов. Мне в канцелярии сказали, что вам опять на меня пожаловались.

Хрипач. Да, и все на ту же прискорбную тему, относительно которой я уже имел с вами не очень приятный для нас обоих разговор. Мне передавали, что вы были у нотариуса Гудаевского с жалобами на его сына, поведение которого не дает достаточно поводов для жалоб.

Передонов. Он сорванец.

Хрипач. Произошло неприятное объяснение. Вечером, когда Гудаевский был в клубе, вы явились вторично и убедили его жену высечь мальчика.

Передонов. Она сама меня позвала.

Хрипач. Пусть так, но последствия были весьма неприятные не только для вас, но и для репутации гимназии. На днях, как мне передавали, Гудаевский в клубе, при многих свидетелях, нанес вам оскорбление действием. Прибавляют еще некоторые подробности, которые мне кажутся даже неправдоподобными при всем том, что вы уже приучили нас к большой эксцентричности вашего поведения.

Передонов. Может быть, вам наврали.

Хрипач. Надеюсь. Упасть под бильярд и притвориться пьяным до беспамятства, – это уж слишком остроумно.

Передонов. Что ж такое? Он дерется, а разве это позволяется? Он не имел никакого права мне в рожу заехать, он в церковь не ходит, в обезьяну верует и сына в ту же секту совращает. На него надо донести, он – социалист.

Хрипач. Все это – не наше дело. И я совершенно не понимаю, что вы разумеете под оригинальным выражением «верует в обезьяну». По моему мнению, не следовало бы обогащать историю религий вновь изобретаемыми культами. Относительно же нанесенного вам оскорбления думаю, что вам следовало бы привлечь его к суду. А самое лучшее было бы для вас – оставить нашу гимназию. Это был бы наилучший исход и для вас лично, и для гимназии.

Передонов. Я инспектором буду. Мне обещали.

Хрипач. До тех же пор, еще раз повторяю и, надеюсь, в последний раз, вам следует воздержаться от этих странных прогулок. Согласитесь сами, что такое поведение роняет достоинство учителя в глазах учеников. Ходить по домам... (Пожимает плечами.)

Передонов. Что ж такое? Я для их же пользы...

Хрипач. Пожалуйста, не будем спорить. Извините, что я говорю все это в вашем доме, но вы сами пожелали начать это объяснение, для меня, поверьте, во всяком случае очень тягостное. Но вот и ваша супруга.

Входит Варвара с красным, испуганным лицом, кое-как одетая. Сует гостям руку. Говорит дрожащим от волнения голосом.

Варвара. Уж извините, что заставила ждать. Не знали, что вы в будни пожалуете.

Госпожа Хрипач. Я редко выезжаю в праздник. Пьяные на улицах. Пусть прислуга имеет себе этот день.

Варвара. Вот, а мы-то вас все в праздник поджидали. Уж все у нас с визитом были. Ну, вот и вы к нам пожаловали. Николай Васильевич, Варвара Сергеевна. Прошу любить да жаловать.

Госпожа Хрипач. Очень рада приветствовать вас в вашем доме.

Варвара. Все мамзелью была, а вот и мадамою стала. Мы с вами тезки, я – Варвара, и вы – Варвара, а не были знакомы домами. Пока мамзелью была, все больше дома сидела, – да что ж все за печкой сидеть?

Госпожа Хрипач. Конечно.

Варвара. Теперь мы с Ардальон Борисычем будем открыто жить. Милости просим, мы к вам, вы к нам, – мусью к мусью, мадам к мадам.

Госпожа Хрипач. Только вам здесь недолго, кажется, придется жить. Ваш муж, я слышала, переводится.

Варвара. Да, вот скоро бумага придет, мы и поедем. А пока бумага не пришла, надо еще и здесь пожить, покрасоваться.

Рутилов. А уж мы думали, что Ардальон Борисыч на барышне Пыльниковой женится.

Госпожа Хрипач. Какая это Пыльникова?

Рутилов. А это гимназист ваш один, про которого кто-то сочинил, будто это барышня переодетая.

Госпожа Хрипач. Да, я слышала что-то об этом. Какая глупая выдумка...

Преполовенская. А уж Варвара Дмитриевна боялась, что эта барышня хочет обольстить Ардальон Борисыча.

Передонов. Ну да... Что ж мне на всякой жениться... Мне протекция нужна.

Рутилов. А все-таки, как же это у тебя с барышней Пыльниковой разошлось? Ведь ты за нею ухаживал? Она тебе отказала.

Передонов. Я ее еще выведу на чистую воду.

Госпожа Хрипач. Позвольте с вами проститься.

Варвара. Да что ж вы так скоро собрались? И разговориться не успели как следует.

Госпожа Хрипач. Извините, когда-нибудь в другое время. Нам надо еще в одном месте побывать.

Хрипач и госпожа Хрипач прощаются и уходят. Передонов и Варвара их провожают.

Рутилов. Ждет Ардальон Борисыч места. Да вряд ли дождется.

Преполовенская. Почему же вы так думаете, Платон Платонович?

Рутилов. Да говорят, что Варвара его одурачила.

Преполовенская. А как же княгини письма?

Рутилов. Да говорят, что она сама их подделала. Да уж будто вы не знаете?

Преполовенская. Да, я тоже что-то такое слышала.

Рутилов. Ловко одурачили.

Возвращаются Варвара и Передонов.

Варвара. Ну, слава Богу, ушли. А то я и не знала, что и говорить-то с ними. Что значит, что мало-то знакомые люди... Не знаешь, с какой стороны к ним и подъехать.

Рутилов. Пригласили они вас на свои журфиксы?

Варвара. Нет, ничего не говорили.

Рутилов. Как же они так?

Преполовенская. Высоко себя ставят. Визит отдали, а домами знаться не хотят.

Варвара. Ну, как не хотят. А что не сказали, так они карточку пришлют, с расписанием, когда ходить к ним надо. У этих господ на все свое время назначено.

Володин. Так как они изволят быть аристократами, то у них свои порядки и все по расписаниям, а не так, как у нас: на огонек заходим, а хозяйева – милости просим, всегда рады.

Варвара. Вот бы мне теперь надо по-французски насобачиться, а то я по-французски ни бе, ни ме.

Клавдия (входя). Письмо барину почтальон принес. (Отдавши письмо, уходит.)

Преполовенская. Что, Ардальон Борисыч, бумага?

Передонов. Здешнее письмо, по городской почте.

Варвара. От кого же письмо-то? Что-то чудно, – у нас никто по городской почте не пишет. Зачем? Прислугу послать можно, чем три копейки платить.

Передонов. Письмо, – а от кого – неизвестно. Без подписи. И что написано, не пойму.

Преполовенская подмигивает Рутилову и улыбается лукаво. Видно, что письмо от нее.

Рутилов. А ты нам прочти. Мы пойдем, может быть.

Передонов (читает письмо). Та княгиня, что вам писала письма, поищите, не здесь ли живет.

Рутилов. Ловко.

Передонов. Ай да княгиня...

Варвара. Уж верно, это написала какая-нибудь дрянь из зависти, что не на ней Ардальон Борисыч женился.

Рутилов. Правда?

Варвара. Конечно, какая-нибудь подлая тварь.

Преполовенская. Что ж вы так ругаетесь, Варвара Дмитриевна.

Варвара. А вам то что? Ведь не вас ругаю. Ведь не вы же это письмо писали?

Передонов. Варя, где княгиня? Вот пишут, что она сюда приехала.

Рутилов (Преполовенской). По-своему понял Ардальон Борисыч.

Преполовенская (Рутилову). Погодите. Поймет.

Варвара (Передонову). Может быть, и приехала. Ей, что ж, не трудно. Взяла да и приехала.

Передонов. Где же она?

Варвара. Почем же я знаю, где теперь живет княгиня?

Передонов. Врешь, знаешь.

Варвара. Ну, вот еще. Может быть, и в самом деле уехала куда из Питера, почем же мне знать, она ведь у меня не справляется.

Передонов. А может быть, и в самом деле сюда приехала?

Варвара. Может быть, и сюда приехала. В тебя втюрилась, приехала полюбоваться.

Передонов. Врешь. Да неужто втюрилась...

Рутилов. В тебя, Ардальон Борисыч, все влюбляются.

Варвара злорадно смеется. Недотыкомка визгливо ей вторит.

Действие пятое

Маскарад в общественном собрании (городском клубе). В глубине сцены, за широкою аркою, – танцевальный зал. Перед ним гостиная. Справа – часть столовой со столиками. Слева – площадка выходной запасной лестницы, наглухо отделенная от гостиной и полуосвещенная. Обстановка зала, столовой и гостиной производит впечатление неопрятности и заношенности. Потолки невысокие. Стены закоптелые, как и потолки; кривые люстры кажутся громадными, тяжелыми, отнимающими много воздуха. У дверей полинялые занавесы.

Гостей много. Почти все наряжены. По большей части в разные самодельные и нелепые костюмы. Много мужчин под хмельком. То здесь, то там собираются толпы, слышатся восклицания и смех, – ходят за наряженными, костюмы которых привлекают общее внимание.

Гости.

– Это зачем же мне дали два билетика?

– Ну вот, будто не читали в афишах?

– Я приезжий.

– Видите, это для присуждения призов. Один билетик, розовый, вы дадите той маске, у которой лучший женский костюм.

– Значит, я должен выбрать, какой мне больше понравится, тому и отдам?

– Вот, вот.

– Себе можно взять?

– Зачем себе?

– А если, по-моему, мой костюм самый лучший.

– А, вот что... Ну что ж, конечно, ведь спрашивать не станут, кому вы свой отдали. Хоть оба себе оставьте.

– Вот придумали тоже.

– Да, право...

– Ну, и приз...

– Да вначале-то говорили, что даме дадут за лучший костюм корову, а мужчине – велосипед.

– Вот это я понимаю... Вот это призы.

– А, срам сказать, – веер даме, альбом – мужчине.

– Стоило тратить на костюмы!

– Это просто насмешка, такие призы...

– Должны были сразу объявить.

– Это только у нас возможно делать такие вещи с публикой.

– Ну, все-таки какой-нибудь приз, а получить лестно.

Дарья (наряжена турчанкой). И вовсе не лестно. Хоть бы и корову дали, – нужна она мне?

Людмила (наряжена цыганкою). Да и кто будет присуждать призы... Какой у них вкус?

Дарья. Ну, смотрите же, помните уговор, – все билетки, которые нам дадут, Саше передать.

Валерия (наряжена испанкою). Да уж ладно. Людмилочкин дружок.

Людмила. Ты, Саша, смелее. За нас не прячься. Никто тебя не узнает.

Саша (наряжен гейшею). Да я и не боюсь. Только как бы парик не свалился.

Людмила. Не свалится. Иди в залу, показывайся всем. Глядите-ка, уж на него засматриваются.

Варвара (наряжена кухаркою). Что же это у вас за костюм, Марья Осиповна?

Грушина (в очень легкой одежде). Диана.

Варвара. Что же вы ошейник не надели?

Грушина. Зачем мне ошейник?

Варвара. Да как же? Собакой Дианкой вырядиться вздумали.

Грушина. Ну, вот придумали. Вовсе не дианка, а богиня диана. Да разве я на собаку похожа?

Варвара. Голо уж очень.

Грушина. Зато все мужчины так за мной и тянутся.

Варвара. А что же складок так много?

Грушина. Конфekt напихать можно для моих чертенят.

Людмила (брату, проходя). Смело открылась, и какое красивое тело... А на коже – блошьи укусы, ухватки грубые, слова пошлые.

Рутилов. Снова поруганная телесная красота.

Передонов. Ты думаешь, Платон Платонович, этот маскарад для чего затеяли? Нарочно, чтобы меня подловить.

Рутилов. Зачем же ты сюда пришел? Да еще и не замаскировался, в сюртуке.

Передонов. Чтобы видеть самому, какие злоумышления затеваются.

Нотариус Гудаевский изображает дикого американца. В волосах – петушьи перья, маска медно-красная, с нелепыми зелеными разводами, кожаная куртка, клетчатый плед через плечо, кожаные высокие сапоги с зелеными кисточками. Он машет руками, прыгает, ходит гимнастическим шагом, вынося далеко вперед сильно согнутое голое колено. Кричит зычно.

Гудаевский. Гайавата... Маловато... Ай да вата... Томагаук... Уф... Уф... Уф... Мокасины... Апельсины... Керосины... Ориноко... Око...

Гудаевская наряжена колосом. Пестрое платье из зеленых и желтых лоскутьев. Во все стороны торчат натканые повсюду колосья. Они всех задевают и колют. Ее

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
дергают, ощипывают.

Гудаевская. Свињи. Нахалы... Царапаться буду...

Гости.

– Откуда она столько колосьев набрала?

– С лета запасла.

– Каждый день в поле воровать ходила.

Гудаевская. Врешь... Не тронь... Укушу... Американец, двинь ему в морду...

Безусый чиновник. Неужели вам не нравится костюм колоса?

Скромный гость. Да как вам сказать...

Безусый чиновник. Честное слово, это лучший костюм. Вы ей хотите отдать ваш розовый билетик?

Скромный гость. Да я, право, еще не знаю.

Безусый чиновник. Давайте мне, я ей передам. (Вырывает из рук Скромного гостя билетик и убегает. Скромный гость стоит в нерешительности.)

Унылая дама (наряженная ночью). Дайте мне ваш билетик.

Передонов. Что ты! Билетик тебе? Рылом не вышла!

Ночь сердито ворчит и отходит.

Гости.

– Медведица, медведица идет... Умора...

– Поднести бы ей водочки...

Учительница Скобочкина наряжена медведицей. На плечах – медвежья шкура. На голове сверх полумаски положена медвежья голова, как шлем. Сложение дюжее, голос зычный. Ходит тяжело и рывкает на весь зал.

Скобочкина (Передонову). Я тебя съем, доносчик.

Передонов. Караул... (Бежит, натывается на Гудаевского.)

Гудаевский. Белолицый брат, доносчик, бойся моего томагавка. (Бежит в зал.)

Хохот. Скобочкину окружают купчики. Ведут к буфету.

Гости.

– Мадам медведица, дозволейте угостить вас водочкою.

– Марья Потаповна, госпожа Топтыгина, опрокиньте шкалик.

– Берет... берет...

– Поглядите-ка, медведица водку дует...

– А ведь ей, пожалуй, приз дадут.

– Ну где там. Есть и получше маски...

– Вон она рюмку за рюмкой дует. Охмелеет.

– Да уж не без того...

- Какие ей билетки дадут, она и те растеряет.
  - Это вы правильно. Пьяная баба уж известно.
  - Бабу подпоить нетрудно.
  - Не стоит ей и билетиков давать, – все равно проворонит.
  - Глядите, глядите, какой молодец.
  - Ну и дюжий парень... А руки-то... Вот так мускулы... Этот облапит – не обрадуешься.
- Проходит актер Бенгальский, одетый древним германцем. За ним толпятся дамы.
- Дамы.

- Какой богатырь... Душка... Восхищение...
- Ах, взглянуть бы на личико...
- Ах, какая прелесть... А вы знаете, кто это?
- Кто – актер Бенгальский.
- Я сразу узнала, только не хотела говорить.
- Обожаемый... Несравненный...
- Вы ему, конечно, отдадите билетик?
- Конечно, ему.
- Я ему уже отдала свой билетик.

Гости.

- Да уж лучше актеру давать.
- Я тоже думаю, лучше актеру или актрисе давать. А то если кто из наших получит приз, так хвастовством замучат.
- Истинная правда. Уж у нас такой город...

Гудаевский. Гайавата... Бледнолицые братья, давайте мне ваши билеты, если хотите курить со мной трубку мира.

Гости.

- А вы знаете, как Каштанова наряжена?
- Да разве она здесь?
- Здесь.
- А говорили, у нее сын болен.
- Ну, актриса посмотрит на сына... Нет, это я верно знаю, что она здесь... Сам сейчас с нею разговаривал.
- Да что вы... Кокетничает напропалую.
- А как наряжена-то.
- Да вон, глядите, гейша...
- Как она мила... Очаровательна...
- Господа, господа, собирать билетки гейше.

- Гайавата... Колос лучше гейши...
- Господа, кому дороги интересы искусства, сыпьте билетки гейше.
- Интересы искусства приплел...
- А вы не толкайтесь...
- А это что за голышка...
- Вот так-так...
- Ну и выголилась...
- Гайавата... Головата...
- Аванпостищи-то у нее какие...
- А спина-то, спина...
- А спина-то, спина, до самого пояса голая...
- Да никак на ней и рубашки нет...
- Ну, какая там рубашка...
- Эх, вы, батенька, чего хватились...
- Кому дороги интересы искусства...

Дамы.

- Что за безобразие...
- Какая неприличность...
- Возмутительно...
- Но чего же смотрят старшины...
- Надо протестовать...
- Мы протестуем...
- У меня здесь дочь барышня...

Пьяный купчик. А вы бы, сударыня, вашей дочке барышне не велели смотреть, а мы желаем. Потому что интересы искусства. Что у вас дочка барышня, это нам нисколько даже не трогательно и наплевать.

Пожилая дама. Нахал... Я с вами говорю...

Пьяный купчик. Между прочим, маменька, такие слова никак невозможно произносить в публичном месте, – мирошка у нас – человек строгий и не дозволяет.

Пожилая дама. Я не желаю с вами разговаривать.

Пьяный купчик. При взаимном желании. Адью-с... Вашей дочке барышне наилучшие пожелания. И не сердитесь, маменька, потому как я человек пьяный и еще выпить желающий.

Пожилая дама. Что здесь за публика! Это бедлам какой-то...

Гости.

- Лорнет растопырила...

– Столичная барыня...

– Здешняя публика ей не по носу...

– Ехала бы в Париж. Там бы тебе показали виды.

– Именно, брат, почище наших.

– А между прочим, исправнику дамочки пожаловались.

– Исправник идет...

– Гольшку одевать...

Миньчуков. Сударыня, прикрыться надо.

Грушина. А что ж такое? У меня ничего неприличного не видно.

Миньчуков. Сударыня, дамы обижаются...

Грушина. Наплевать мне на ваших дам...

Миньчуков. Нет уж, сударыня, вы хоть носовым платочком грудку да спинку потрудитесь прикрыть.

Грушина. А если я платок засморкала.

Миньчуков. Уж как вам угодно, сударыня, а только, если не прикроетесь, удалить придется.

Грушина. Очень даже нехорошо с вашей стороны так притеснять бедную вдову... Где я стану закрываться?

Миньчуков. Пожалуйте в дамскую уборную...

Грушина. Черт знает что такое... Объявили костюмированный бал, а костюмироваться нельзя, как хочешь.

Тишков. Я билетик мой отдам прелестнейшей из дам.

Саша (приседая). Хи-хи... Благодарю...

Тишков. Все от вас, сударыня, в ажитации, а сами вы какой будете нации?

Саша. Японка.

Тишков. Имею честь говорить с японкой, барышней тонкой. Позвольте угостить шампанским.

Саша. Не пью.

Тишков. Не пьете, значит, не живете в заботе, с чем имею честь поздравить.

Володин пляшет вприсядку.

Старшина. Не извольте безобразничать. Так нельзя-с.

Володин. Ну, если нельзя, то я и не буду.

Мещанин. А я желаю разделявать... (Пляшет трепака с ожесточением.)

Старшина. Послушайте, нельзя-с... Потрудитесь прекратить. Вам ли я говорю, милостивый государь?

Гости.

– Ну, этого не легко унять.

– Старшина-то аж покраснел, сердяга..

– Покраснеешь с таким субъектом.

– Лакеев кликнул.

– Давно бы так.

– Выводят.

– И поделом...

Мещанин. По какому праву? За свой полтинник?

Его выводят. Володин провожает, кривляясь, осклабясь, приплясывая.

Гости.

– Новая маска... Ужасно оригинальная...

– Ну эта, кажется, получше всех будет...

– Ай да маска...

Шум, хохот, одобрительные восклицания. Все теснятся взглянуть на новую маску. Среди толпы проходит тощий, длинный, в заплатанном, засаленном халате, с венником под мышкой, с шайкой в руке. На нем картонная маска – глупое лицо с узенькой бородкою, с бачками, а на голове – фуражка.

Маска. Мне сказали, что здесь маскарад, а здесь и не моются.

Володин. Приз, поди, получит.

Грушина показывает Володину пару персиков, шепчет.

Грушина. Сама промыслила.

Володин. В буфете?

Грушина. Да.

Володин. Ну... Пойду и я, коли так...

Грушина. Ну, вот я и закрылась... А кавалеров все-таки у меня больше, чем у этих дамочек.

Гости.

– Веселая дама Дианка...

– Из буфета, да и опять туда же...

– А что ей и делать?

Людмила (подходя к Передонову). Барин мой милый, дай я тебе погадаю.

Передонов. Пошла к черту. Испугала... из-под земли выскочила...

Людмила. Барин хороший, золотой мой барин, дай мне ручку левую. По лицу – вижу богатый будешь, большой начальник будешь.

Передонов. Ну, смотри, да только хорошо гадай. Мне место нужно. Княгиня обещала, да все не дает, не могу дожидаться.

Людмила. Княгиня в тебя влюбилась. Она все для тебя сделает, – только враги против тебя интригуют.

Передонов. А где княгиня? Правда, что она в наш город приехала?

Людмила. Правда, правда, яхонтовый мой барин. Ай, барин мой бриллиантовый... врагов у тебя много.

Передонов. Это я и сам знаю. Недаром нож с собой взял – в кармане держу.

Людмила. Донесут на тебя, плакать будешь, умрешь под забором.

Передонов. Ах ты тварь... (Выдергивает руку.)

Людмила проворно скрывается в толпе. Недотыкомка, которая все время неясным облаком маячила около Передонова, теперь является в своем настоящем виде, визжит, катается, издевается над Передоновым.

Недотыкомка. Донесут... Погубят... Отравят... А то в Петропавловке на мельнице смелют и в Неву высыплют.

Рядом с Передоновым садится Валерия. Смотрит на него притворно ласково.

Валерия.

Я испанка молодая.
Я люблю таких мужчин.
А жена твоя худая,
Мой прелестный господин...
Передонов. Врешь, дура...

Валерия.

Жарче дня и слаще ночи
Мой севильский поцелуй,
А жене ты прямо в очи
Очень глупые наплюй.
У тебя жена Варвара,
Ты – красавец Ардальон.
Вы с Варварою – не пара, –
Ты умен, как Соломон.
Передонов. Это верно ты говоришь. Только как же я ей в глаза плюну? Она княгине пожалуется, и мне места не дадут.

Валерия. А на что тебе место? Ты и без места хорош.

Передонов. Ну да, как же я могу, если мне не дадут места?

Маска (обмахиваясь веником). Вот так банька.

Передонов. Вон там у него Недотыкомка. Позеленела, шельма.

Недотыкомка (юлит около Передонова). Я здесь. Я от тебя никуда не уйду.

Становится мглисто и кошмарно. В зале танцуют. Слышен топот, смех. Прносятся уродливые пары и отдельные маски.

Недотыкомка. Ты не зевай. Сегодня все решится.

Танцующие мчатся мимо Передонова. Кажутся ему злыми, издевающимися над ним.

Варвара. Ардальон Борисыч, ты бы нас с Павлом Васильевичем ужином угостил. А то теперь нечего смотреть – то будет. Сейчас будут призывы присуждать, уж старшины в кабинет пошли.

Передонов. Я угощу, мне не жалко, только чтобы Павлушка не злоумышлял.

Садятся за один из столиков. Заказывают ужин.

Передонов. Зачем ножи?

Варвара. Нельзя без ножей.

Передонов. Китайцы едят же палочками.

Варвара. Ну, будет тебе, Ардальон Борисыч. Вот так выдумал на днях, что ножи наговорены да нашептаны, так мы целую неделю из-за этого не жарили мяса, щи да кашу варили. Одичали, как вегетарианцы. Наконец самому надоело.

Володин. Здесь некому ножичков наговаривать, Ардаша. А без вилочки и без ножичка неудобно кушать.

Передонов. Ну, вы как хотите, а я ложкой буду. Как раз сам на нож нарежешься. Да я не дурак, у меня свой нож есть. (Хлопает себя по боковому карману.)

Варвара. Еще бы... Врагов-то у тебя много, как раз зарежут... Да и как тебе не завидовать... Не у всякого есть княгини. Уж наверное на тебя донесли, обнесли тебя перед начальством да и перед княгиней.

Передонов. Как же мне быть... Беды...

Володин. А вы, Ардальон Борисыч, ничего не бойтесь, все обойдется по-хорошему.

Во время этого разговора шум в клубе понемногу затихает. Музыка не играет. Гости ходят, тихо разговаривая. В залах – жуткое ожидание. Передонову кажется, что соглядатаи сторожат его, проходят мимо, смотрят на него украдкой. Он боязливо озирается.

Передонов. Варя, а княгиня, пожалуй, недовольна мной.

Варвара. Может быть, и недовольна. Зачем всем хвастался? И письмо княгинино потерял.

Передонов. Разве она не могла прислать на свадьбу образа или калача?

Хрипач. Поужинаем.

Госпожа Хрипач. Пожалуй... О, нет, после...

Хрипач. А что?

Госпожа Хрипач. Там сидят Передоновы. Она начнет разговаривать.

Хрипач. Да, неприятная компания.

Госпожа Хрипач. Она жалкая и бесконечно низменная. С нею никак невозможно быть в равных отношениях. В ней ничто не корреспондирует ее положению.

Хрипач. Она вполне корреспондирует мужу. Жду с нетерпением, когда его от нас возьмут. Он производит впечатление совершенно сумасшедшего человека.

Госпожа Хрипач. Неужели он еще ходит в гимназию?

Хрипач. Нет. Мне удалось уговорить его сказаться больным и сидеть дома.

Преполовенская (Вершиной). Да она сама мне проболталась.

Вершина. Неужели? Вот какая глупая. Дело сделала, а концов в воду спрятать не сумела.

Преполовенская. Под хмельком дело было. После свадьбы она с радости часто стала накачиваться. Особенно с Грушиной они как сойдутся, так и начинают наливкою упиваться.

Вершина. И неужели она вам так-таки прямо сказала, как они надули Передонова?

Преполовенская. Нет, всего-то она не сказала, настолько-то хитрости есть, да и Грушина в соседней комнате с Володиным о чем-то болтала, – а так, намеками. Но как только она стала плести да подмигивать, – так меня словно осенило. Ну, думаю, как было, сразу не догадаться. А я-то, чем бы ему, дураку, глаза открыть,

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
еще помогала им свадьбу устроить.

Вершина. А с чего это они за городом венчались?

Преполовенская. Ну, все-таки, знаете, им неловко было: сколько лет в городе жили, и все она за сестру шла, а тут вдруг венчаться. Никому и говорить не хотели, когда венчаются, даже от шаферов до самой последней минуты в секрете держали.

Вершина. А что же это их уличные мальчишки при въезде в город после венца встретили да всякой дрянью забросали?

Преполовенская. Ну, это я думаю, та же Грушина мальчишек подговорила. Гадкая баба... ей бы только скандал устроить... А уж как они венчались... один срам.

Вершина. Воображаю.

Преполовенская. Ардальон Борисыч не то пьян с утра был, не то сильно не в духе.

Вершина. Просто с ума сходит человек.

Преполовенская. Похоже на то. Его венчают, а он зевает, бормочет, Варвару толкает, ворчит, что пахнет ладаном, воском, мужичьем. А и не было в церкви почти никого, кроме нас. Только какие-то две-три старушонки да сестры Рутиловы. Обернется Ардальон Борисыч к Рутилу да и жалуется, чуть не вслух: твои, – говорит, – сестры все смеются, печенку смехом просверлят.

Вершина. Что ж, они в самом деле смеялись?

Преполовенская. Ну, где там. Станут они в церкви смеяться. Так, перешептывались, Людмила с Валерочкой хихикали иногда.

Вершина. На такого безобразника глядя, и не хочешь, да засмеешься.

Преполовенская. Сидят здесь, ужинают втроем.

Вершина. С Володиным все Ардальон Борисыч. Неразлучные.

Преполовенская. Это он боится выпустить Володина с глаз, чтобы тот с Варварой не сговорился его погубить. Все врагов боится.

Вершина. Боюсь, как бы у них худо не кончилось. Все ждет места, все не дождетса, – в ярость придет, уокошит Варвару с пьяных глаз.

Передонов. Кто это сюда заглядывает? Уж не княгиня ли?

Варвара. Не знаю. Может быть, и княгиня.

Передонов. Подслушивает.

Варвара. Может быть, и подслушивает.

Передонов. Я пойду посмотрю. (Проходит по гостинной.)

Варвара. Пусть поищет. Прежде он меня мучил, – а теперь я его помучу.

Рутилов (Вершиной). Вон Передонов ходит. Мрачный, как сыч. Высматривает соглядатаев. Одурачила его Варвара.

Вершина. Я очень рада. Так ему и надо.

Рутилов. Вот-то уж поделом.

Вершина. Я, как он мне письмо показал, сразу догадалась, что дело нечисто. Я и рада была, а то он повадился к нам, на мою Марту поглядывал. Но моя Марта лучше жениха нашла – за Мурина выходит.

Рутилов. А мы думали, Мурин за вами ухаживает.

Вершина. Уж пусть лучше Марта выходит. Она – девушка небогатая, да и семья у них большая. А я, слава Богу, человек обеспеченный. Я еще хочу на воле пожить.

Гимназисты.

- Вон Передонов ходит. Подойдемте. Что-нибудь ляпнет глупое.
- Нет, от него уж лучше подальше. Кроме грубостей и сальностей от него ничего не услышишь.
- Да, забавно.
- Не в моем вкусе.
- Ах ты цирлих манирлих. Да что это с ним? С перепоею или совсем с ума спятил?
- Мне верный человек говорил, в канцелярии бумагу видел, – директор донес попечителю округа, что Передонов сошел с ума. Говорят, что оттуда пришлют комиссию его освидетельствовать, а потом уберут из гимназии.
- Жаль парня... Кончившие говорят, что прежде он хороший учитель был...
- Говорят. Только знал мало и леноват всегда был, к урокам не готовился. Тетрадки просматривать Рутилова нанимал.
- Нашел грамотея...
- То-то он в последнее время единицы да двойки зря лепил.
- Пойдем хоть лимонаду выпьем. Пивка нельзя.

Рутилов. Что, Варвара Дмитриевна, новенькие письма от княгини еще не готовы?

Варвара. Какие такие письма?

Рутилов. Да уж знаем.

Варвара. А знаете, так помалкивайте.

Рутилов. А зачем это Ардальон Борисыч сегодня к жандармскому ходил? Опять на кого-нибудь доносец? Хоть бы вы его воздержали, – ведь и подло, и глупо.

Варвара. А уж и правда, есть здесь такие личности, на кого следовало бы донести.

Рутилов. Например?

Варвара. Да уж мы знаем.

Рутилов. А вы знаете, что жандармский делает с доносами Ардальона Борисыча?

Варвара. Откуда же мне знать, я сплетни не собираю.

Рутилов. Уж будто бы...

Варвара. Это вот ваши сестрицы по городу ходят, узнают где что.

Рутилов. Вот, вот, только им и дела. Ну, а все-таки, как вы думаете, доносцы-то куда идут?

Варвара. Известно куда – по начальству. Там разберут.

Рутилов. Нет, Варвара Дмитриевна, жандармский-то все доносы, которые ему Ардальон Борисыч приносит, прямо к директору направляет. Уж очень нелепо, совсем ерундистые.

Володин. Если он поставлен за порядком следить и ему доносят, а он не изволит внимания обращать, а только пересмеивает, то я не знаю, как это надо понимать, в

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
каком смысле...

Рутилов. Да ерунда зеленая... На пиковую даму вдруг донос...

Володин. Пиковая дама тоже всякая бывает, Платон Платонович. Это надо понимать.

Рутилов. Однако что-то долго наши старшины заседают. Интересно, кому-то приз достанется.

Среди гостей мало-помалу начинаются сердитые разговоры, нетерпеливый ропот.

Гости.

– Кому, вы думаете, призы дадут? Думаете, нашим?

– А кому?

– Да актерам. Вот вы увидите.

– Актеру да актрисе, уж это верно, как в аптеке.

Передонов. Варвара, ты с кем тут шушукалась?

Варвара. Да вот Рутилов подходил.

Передонов. А княгиня не была?

Варвара. Не видела.

Володин. Если княгиня изволит здесь быть, так она беспрерывно в маске, и ее не узнать.

Передонов. И дома у нас возле соглядатаи сидят. И здесь от них не уйдешь. Ты, Варька, меня не бережешь.

Варвара. Сокровище... С пьяных глаз тебе невесть что мерещится.

Передонов. Вон там, из-за двери, валет подсматривает. Глаз сверкает, злой и острый. А вон кот идет.

Володин. Это, Ардаша, кто-то изволит замаскироваться котом, а настоящих котов здесь нет.

Передонов. А вот, под стульями и по углам. Недотыкомка бегает. Повизгивает.

Володин. Отчего же, Ардаша, мы ее не видим? Какая-то она из себя будет?

Передонов. Грязная, вонючая, противная и страшная.

Володин. Зачем же она здесь?

Передонов. Она для меня прикатилась. Раньше никогда и нигде ее не было. Ее сделали и наговорили. Вот она и живет, мне на страх и на погибель. Следит за мною, обманывает, смеется. Ты думаешь, она всегда одинаковая? Нет. То она по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собачкою, столбом пыли на улице. Везде ползет и бежит за мной. Измаяла, истомила меня своей зыбкой пляской. Хоть бы кто-нибудь избавил меня от нее.

Володин. А как же, Ардаша, от нее избавить тебя можно? Мы с Варварою Дмитриевною сделаем, что надо.

Передонов. Словом каким-нибудь или ударить ее наотмашь. Да нет здесь у меня друзей. Никто не пойдет спасать. Надо самому исхитриться, пока не погубила, ехидная.

Варвара. Чего только не придумает. Сочинил какую-то Недотыкомку, и все она ему мерещится, и всякие штуки он с ней выкидывает. На днях намазал пол клеем, чтобы Недотыкомка прилипла. Я не знала, хожу себе. Да что такое, думаю, подолю

Собрание пьес. Книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
прилипают. Смотрю я, весь пол в клею.

Передонов. Вон шестерка с семеркой идут.

Володин. Это, Ардаша, гимназисты.

Передонов. А вон восьмерка. Хвост-то у нее какой. А Недотыкомка хрюкает. Небось к какому-нибудь начальнику не посмела бы забраться. Не пустят. Лакеи швабрами заколошматят.

Володин. Да тебе, Ардальон Борисыч, кажется.

Передонов. Не все же кажется... Есть же и правда на свете. Убью, зарежу, законопачу... (Торопливо идет в гостиную.)

Варвара. Побесись... Злится... Думает, что я его обманула, и злится.

Володин. А вдруг Ардальон Борисыч с ума изволят сойти...

Варвара. С ума не сойдет, – сходить дураку не с чего. Да мне что ж... Пенсию дадут, проживу.

Грушина. Душечка Варвара Дмитриевна, погуляемте.

Уходят.

Рутилов. Что, Павел Васильевич, с чего это у вас такая дружба с Ардальон Борисычем? Где один, там и другой.

Володин. Потому как Варвара его обманула, а он видит, что один я ему верный друг, он ко мне и вяжется.

Передонов. Княгиня здесь, я ее видел.

Рутилов. Какая же она?

Передонов. Желтая. Все лицо в морщинах. Горбатая, клыкастая, злая. Все за мною таскается.

Рутилов. Красавица...

Передонов. Ей двести лет. И она хочет, чтобы я опять с нею снюхался. До тех пор и места не хочет дать.

Володин. Скажите, чего захотела... Старбень этакая...

Передонов. Все мне шпионов подсылает. Да я не прост. Там у меня за обоями уже один запрятан. Вот ужо другого под полку заколочу. Вонь у меня в квартире слышал из-за обоев?

Володин. Нет, не слышал.

Передонов. Нос у тебя заложило. Недаром у тебя нос покраснел. Гниет там, за обоями.

В зале и гостиной становится шумно. Звонят в колокольчик. В гостиную входят судьи конкурса: Верига, Авиновицкий, Кириллов и другие старшины клуба. Становятся у арки, отделяющей гостиную от зала, и выжидают, когда шум затихнет. Толпа в гостиной и в зале сдвигается с шумом и криками к судьям. После шума, произведенного этим передвижением, и после нескольких отдельных выкриков вдруг становится тихо.

Авиновицкий. Приз, альбом, за лучший мужской костюм, по большинству полученных билетиков, господину в костюме древнего германца.

Высоко поднимает альбом и сердито смотрит на столпившихся гостей. Бенгальский, в костюме древнего германца, пробирается через толпу. На него смотрят враждебно. Даже не дают дороги.

Унылая дама (в костюме Ночи). Не толкайтесь, пожалуйста.

Гости.

– Приз дали, так уж и вообразил себе, что дамы перед ним расстилаться должны.

– Гайавата... Подловато...

Бенгальский. Если сами не пускаете...

Кое-как добирается до судей. Берет альбом из рук Вериги, музыка играет туш. Звуки музыки покрываются бесчисленным шумом. Бенгальского окружают, дергают его.

Гости.

– Негодяй... Украл приз... Снимите маску.

– Сами себе присуждают...

Бенгальский молчит. Стесняется пустить в ход силу, чтобы пробиться сквозь толпу. Альбом стесняет его движения. Гудаевский схватывается за альбом. В то время кто-то срывает с Бенгальского маску.

Гости.

– Актер и есть...

– Как говорили, так и вышло...

Бенгальский. Ну актер, так что же из этого? Ведь вы же сами давали билеты...

Гости.

– А маскарад-то кто устраивал?

– Подсыпать билетов своему можно.

– Билеты вы ведь сами печатали.

– Своя рука владыка.

– Столько и публики нет, сколько билетов роздано.

– Он полсотни билетов в кармане принес.

Бенгальский. Это подло так говорить. Проверяйте, кому угодно, – по числу посетителей можно проверить.

Верига. Господа, успокойтесь... Никакого обмана нет. Ручаюсь за это: число билетов проверено по входным.

В толпе слышны голоса старшин и благоразумных.

Гости.

– Господа, успокойтесь.

– Черт с ним, пусть подавится альбомом...

– Стоит из-за альбома шуметь...

– Ну его ко всем дьяволам...

– Господа, интересно, кому они дамский приз дали?

– Кому веер?

– Господа, помолчите минутку.

Верига. Господа, наибольшее число билетиков за дамский костюм получено дамой в костюме гейши, которой и присужден приз – веер. Гейша, пожалуйста сюда. Веер ваш; господа, покорнейше прошу вас, будьте любезны, дорогу гейше.

Музыка играет. Сашу подталкивают, пропускают, выводят вперед. Верига с любезною улыбкою вручает ему веер и говорит что-то, но его слова не слышны – опять начинается сильный шум. Саша приседает, говорит что-то невнятное, хихикает, поднимает пальчик. В зале и гостиной поднимается неистовый гвалт. Слышны свистки. Все стремительно надвигаются на Сашу.

Гудаевская. Приседай, подлянка...

Саша бросается к выходу. Его не пускают.

Гости.

– Заставьте ее снять маску...

– Маску долой...

– Лови ее, держи...

– Срывайте с нее маску...

– Отнимите веер.

Гудаевская. Знаете ли вы, кому приз? Актрисе каштановой. Она чужого мужа отбила, а ей – приз. Честным дамам не дают, а подлячке дали...

Бросается на Сашу, пронзительно визжа и сжимая кулаки. За нею на Сашу нападают и другие. Саша отчаянно отбивается. Веер сломали, вырвали, бросили на пол, топтали, толпа с Сашею в середине бешено мечется по зале, сбивая с ног зазевавшихся наблюдателей. Рутиловы и старшина клуба не могут пробиться к Саше. Саша визжит пронзительно, царапается и кусается. Маску крепко поддерживает то правой, то левой рукой.

Озлобленная дама. Бить их всех надо.

Грушина. Щиплите ее, щиплите подлянку...

Мачигин, держась за нос, из которого капает кровь, выскакиваете из толпы.

Мачигин. Прямо в нос кулаком двинули.

Гость. Ловко... Это, брат, она по-японски действует...

Какой-то свирепый молодой человек, вцепившись зубами в гейшин рукав, разрывает его до половины.

Саша. Спасите.

Володин выбирается с трудом из толпы. В его руках – рукав от гейшина платья. Повязывает им себе голову.

Володин. Пригодится. (Гримасничает, хохочет, с диким визгом пляшет над обломками веера. Передонов смотрит на него с ужасом.)

Передонов (Вершиной). Пляшет. Радуется чему-то. Так он и на моей могиле спляшет.

Вершина. Рано еще вам о могиле думать.

Саша вырывается из толпы. Бежит к дверям. Гудаевская схватывает его за платье. Сашу опять окружают.

Гость. За уши, за уши дерут.

Слышен Сашин визг. Бенгальский, уже переодевшийся в сюртук, пробирается к Саше. Берет его на руки. Несет через гостиную в столовую.

Гости.

– Негодяй... Подлец... Держите его...

– Понес свою сообщницу...

– Все это – одна шайка.

Бенгальский. Я не позволю с женщины сорвать маску. Что хотите делайте, – не позволю. (Вбегает в столовую).

Верига становится перед дверью в столовую. Задерживает толпу, меж тем как Бенгальский поспешно пронесит Сашу через столовую.

Бенгальский (официантам, пробегая мимо них). Живей, пальто, халат, простыню, что-нибудь, надо барыню спасать.

Два официанта бегут за ним.

Верига. Господа, вы не пойдете дальше.

Гудаевская. Отойдите, пропустите... (мужу.) Взял бы да и дал ей оплеуху, – чего зевал, фалалей...

Гудаевский. Неудобно было зайти, – Павлушка под локтем вертелся.

Гудаевская. Павлушке бы в зубы, ей в ухо, чего церемонился.

Толпа напирает на Веригу, который стоит молча, с решительным видом. На площадке лестницы показываются Бенгальский и Саша.

Бенгальский. Снимите маску. В маске хуже узнают. Теперь на улице все равно темно.

Саша (снимая маску). Как вас благодарить? Что бы со мной было, если бы вы меня не вытащили?

Бенгальский. А вы молодец, барыня. Что же я вас не знаю, вы приезжая? Здешних-то я всех знаю. Надо вас побыстрее домой доставить... Скажите мне ваш адрес, я возьму извозчика.

Саша. Никак нельзя. Никак нельзя. Я один... я одна дойду, вы меня оставьте.

Бенгальский. Ну, как вы там дойдете по такой слякоти на ваших деревяшках. Надо извозчика.

Саша. Нет, я добегу, ради Бога, отпустите.

Бенгальский. Клянусь честью, никому не скажу. Я не могу вас отпустить, – вы простудитесь. Я взял вас на свою ответственность и не могу. И скорее скажите, – они могут вас и здесь вздуть. Ведь вы же видели, – это совсем дикие люди... Они на все способны.

Саша (всхлипывая). Ужасно, ужасно злые люди... Отвезите меня пока к Рутиловым, я у них переночую.

Бенгальский. Хорошо. Эге, да ты мальчишка...

Саша. Ради Бога...

Бенгальский. Да уж не скажу никому, не бойся. Мое дело – тебя доставить на место, а больше я ничего не знаю. Однако, ты отчаянный. А дома не узнают?

Саша. Если вы не проболтаетесь, никто не узнает.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Бенгальский. На меня положись. Во мне, как в могиле. Сам был мальчишкой, штуки выкидывал.

Спускаются по лестнице. В гостиной Вершина подходит к Передонову.

Вершина. Я хочу открыть вам правду.

Передонов. Наплевать мне на вашу правду.

Вершина. Не скажите... Мне вас ужасно жалко, – вас обманули.

Официант (Вериге). Уехали-с, ваше превосходительство.

Верига. Ну-с, господа, теперь я не препятствую.

Толпа шумно врывается в столовую. Слышны крики. Потом гости показываются и на площадке лестницы.

Вершина. Вы понадеялись на протекцию, но только вы слишком доверчиво поступили. Вас обманули, а вы так легко поверили. Письмо-то написать всякому легко. Вы должны были знать, с кем имеете дело. Ваша супруга – особа неразборчивая.

Передонов. Княгиня меня за нос водит. Ей на меня Володин наговаривает. Я вот и нож на него припас, – будет он меня знать.

Вершина. Письмо-то, вы думаете, княгиня писала? Да теперь уж весь город знает, что их Грушина сфабриковала по заказу вашей супруги. А княгиня и не знает ничего. Спросите, все знают, – они сами проболтались. А потом Варвара Дмитриевна и письма у вас утащила и сожгла, чтобы улики не было.

Передонов. Обманули. Да нет, княгиня знает. Вы врете про княгиню. Она знает. Она за мною все подсматривает. В колоду карт влезла, пиковой дамой обернулась. Я ее в печку бросил. Сжег, да не дожег, – отплевалась.

Вершина. Видите, как это вас расстроило. Да и до кого ни коснись, всякий бы расстроился. Такого благородного молодого человека, как вы, обманули такие низкие люди, пользуясь вашей доверчивостью. Но вы не огорчайтесь. Вы можете дело поднять, и их в тюрьму посадят.

Передонов. Обманули...

Быстро отходит от Вершиной. Ему навстречу идет курносая баба с темными щеками и блестящими зубами.

Курносая. Квасок затереть, пироги свалять, жареное зажарить.

Передонов. Пошла к черту...

Курносая скрывается.

Передонов (Володину). Бабы какие-то шляются тут, Варвара не смотрит. Курносая ко мне уже приходила утром; в спальню затесалась, в кухарки наниматься, теперь опять пристала – найми да найми... А на что мне курносая кухарка?

Володин. Бабы по улице изволят ходить, а к вам они никакого касательства не имеют, и мы их к себе за стол не пустим.

Передонов. Друг ты мне или враг?

Володин. Друг, друг, Ардаша.

Варвара. Друг сердечный, таракан запечный.

Передонов. Не таракан, а баран.

Меж тем в зале и гостиной пустеет. Кто уехал, кто сел ужинать. В столовой становится шумно. Недотыкомка визгливо смеется, манит Передонову в гостиную.

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Недотыкомка. Поди сюда, поди ко мне.

Передонов. Подожди, ну, мы с тобой, Павлуша, будем пить только вдвоем. И ты, Варвара, пей, – вместе выпьем, вдвоем.

Володин. Ежели и Варвара Дмитриевна с нами выпьет, то уже не вдвоем выходит, а втроем.

Передонов. Вдвоем.

Варвара. Муж да жена – одна сатана.

Недотыкомка. Поди ко мне.

Передонов. Ну, вы тут пейте, а я сейчас вернусь. (В гостиной.) Чего тебе надо?

Недотыкомка. Ну что ж ты, забыл, для чего нож принес?

Передонов. Ну, чего тебе еще надо? Отстанешь ли ты от меня?

Недотыкомка. Ты спичку зажги, ты меня напусти, Недотыкомку огненную, но несвободную, на эти тусклые и грязные стены. Тогда, насытись истреблением, пожрав это здание, где совершаются такие страшные и непонятные дела, я оставлю тебя в покое. И будешь ты опять счастлив и весел.

Передонов озирается. В гостиной нет никого. Передонов идет в угол, зажигает спичку, подносит ее к портьеру снизу, у самого пола, и ждет, пока загорится портьера. Огненную становится Недотыкомка и ползет по портьеру, тихонько, но радостно взвизгивая. Передонов идет в столовую.

Недотыкомка. Дверь закрой. А его укокошь поскорей, а то убежит, беды тебе наделает.

Передонов входит в столовую, закрывает за собой дверь, садится опять к столу. Показывает Володину на боковой карман сюртука.

Передонов. Видишь, Павлушка...

Володин. Вижу, Ардаша, – новенький сюртучок.

Передонов. Тут, брат, у меня есть такая штучка, что ты, Павлушка, крикнешь.

Володин. Крикнуть, Ардаша, я завсегда могу. Кря... Кря. Очень даже просто...

Пожар в гостиной разгорается.

Володин. Околпачили тебя, Ардаша...

Передонов. Я тебя околпачу...

Выхватывает из кармана нож, бросается на Володина и ударяет его ножом по горлу. Роняет нож. Володин визгливо кричит без слов. Быстро слабеет. Валится на Передонову, прерывисто визжа, и умирает. Передонов и Варвара в ужасе визжат. Дверь в гостиную распаивается. Врывается дым и огонь.

Гости.

– Человека убили...

– Зарезали...

– Пожар...

– Спасайтесь...

– Господа, здесь произошла трагедия, – зовите городского.

Сквозь дым и пламя видно, как в зале мечутся в смятении оставшиеся там

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
маскированные. В столовой смятение возрастает. Валяются столики, трещит стойка
буфета, – давка...

<1909>

Мечта победительница
Драма в трех действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мария (Марья Павловна), молодая, красивая; идеалистически настроена; восторженно любит новое искусство. В первом действии она готовится поступить на сцену. Во втором действии она – актриса, в короткое время обратившая на себя внимание публики. В третьем действии – замужем.

Курганов, Григорий Андреевич, молодой, очень талантливый художник, еще без имени и без денег.

Красновский, Алексей Николаевич, молодой адвокат, уже с именем и с хорошою практикою.

Лидия, молодая танцовщица, маленькая, с виду неловкая. На ее некрасивом лице хорошо видны только глаза, похожие на глаза заклинательницы змей.

Зоя, молодая актриса, веселая, жизнерадостная.

Морев, драматург, старик небольшого роста, с длинными белыми волосами и с седою бородою, спокойный, молчаливый. Кажется, что он всегда только созерцает, только пристально наблюдает жизнь, не принимая в ней никакого участия. Режиссер должен придать Мореву несколько отвлеченный образ, символизирующий вообще авторское начало, душу новатора.

Биркин, Иван Кирилыч, антрепренер, человек практической складки.

Зинка, горничная, очень молоденькая, миловидная, старающаяся подражать своей госпоже, Марии, в манерах и в одежде.

Молодежь обоего пола, без особых речей, но с большим запасом веселости.

Действие первое

Комната в квартире Марии. Подробности обстановки выдают учащуюся молодость и девический, безукоризненно чистый вкус. На стенах фотографические снимки с картин Боттичелли и Луини. Пианино. Вечеринка. При открытии занавеса слышен гул молодых голосов, смех. Мария, Красновский, одетый, как на балу, Курганов в пиджаке и в цветном жилете, оба влюбленные в Марию. Зоя. Лидия. Морев спокойно сидит в кресле в углу, не двигаясь во все время действия и пристально глядя перед собою в пространство. Молодые люди и девушки сидят, ходят. Слышны голоса:

– Ну что же, мы ждем.

– Начинайте, Курганов.

– Зоя, где же вы?

– Да вы не ту книжку взяли, дайте, я вам найду.

– Валяйте на память, я суфлировать буду.

Чей-то солидный голос говорит:

– Ему не верьте. Он все исказит.

Все смеются. Морев сдержанно улыбается. За пианино садится Курганов, играет. Зоя становится рядом, читает стихи:

Водой спокойной отражены,
Они бесстрастно обнажены
При свете тихом ночной луны.

Два отрока, две девы творят ночной обряд,
И тихие напевы таинственно звучат.
Стопами белых ног едва колеблют струи,
И волны, зыбляся у ног, звучат, как поцелуи.
Сияет месяц с горы небес,
Внимает гимнам безмолвный лес,
Пора настала ночных чудес.
Оставлены одежды у темного пути.
Свершаются надежды, – обратно не идти.
Таинственный порог, заветная ограда, –
Переступить порог, переступить им надо.
Их отраженья в воде видны,
И все движенья повторены
В замороженных лучах луны.
Огонь, пылавший в теле, томительно погас,
В торжественном пределе настал последний час.
Стопами белых ног, омытыми от пыли,
Таинственный порог они переступили.
Курганов. Какой торжественно-прекрасный миг! Моя мечта – изобразить это на картине. Сияет месяц. Два отрока, две девы, юные, прекрасные. Тихо, безмолвно готовятся свершить последний обряд.

Лидия. Таинственный порог переступить разве не радостно? И разве не страшно?

Зоя. Не мы это сделаем, потому что на одеждах наших слишком много пыли, и души наши темны.

Мария. Надежды наши свершатся, мечта преобразит нас и жизнь нашу, и мы радостно войдем в прекрасную новую жизнь.

Зоя. Ты милая мечтательница, Мария, и за это я тебя люблю.

Курганов. Мария, когда я на тебя смотрю, я вспоминаю почему-то юность человечества и прекрасную царевну Навзикаю.

Лидия. А мне что ты скажешь?

Курганов. Ты знаешь больше, чем мы знаем. Хотя и не скажешь этого словами. Разве только глазами скажешь, глазами заклинательницы змей.

Лидия (подходя к Мореву). Дорогой учитель, отчего люди нас не понимают и не хотят слушать нас? Они – злые!

Морев. Не осуждай, милая Лидия. Будем делать наше дело, верить и ждать.

Лидия. Так грустно! Я прочла одну за другою все наши двадцать две драмы. Страшно подумать, что ни одна из них не шла на большой сцене, и только одну мы поставили сами.

Морев (говорит тихо, глядя перед собою в пространство). Я верю, я жду. Наше искусство – завтрашний день. Мы пришли в жизнь слишком рано, – нам приходится подождать.

Лидия. Мне грустно.

Красновский. Итак, скоро мы увидим вас, Марья Павловна, на сцене?

Мария. Да, скоро. Через месяц. Я так волнуюсь. Боюсь. И так мечтаю.

Красновский. Вам все еще не надоело мечтать? Вы счастливая.

Мария. А вы, Алексей Николаевич, разве никогда не мечтаете?

Красновский. Предоставляю это занятие вам, артистам, художникам. А мы, юристы, народ положительный. Не очень размышляешь, имея дело с сухими статьями законов и с разными запутанными казусами.

Мария. А я мечтаю, мечтаю.

Красновский. Все о ваших будущих победах?

Мария. Да, и о будущих победах. О завоеваниях нового искусства, о работе в новом театре. И все будущее представляется мне таким ярким и радостным.

Красновский. Однако мечты мечтами, а дело делом. Мечтая о новом театре, вы все-таки идете в старый, хороший, реалистический театр.

Зоя. Мы его преобразим, когда в него войдут молодые силы, художники, артисты, поэты.

Курганов. Мария еще нигде по-настоящему не играла, но уже ее заметили так же, как и Лидию. Ее уже везде охотно приглашают.

Красновский. А по-моему, Марья Павловна совершенно напрасно участвовала в этой пьесе с плясками. Показываться добрым людям в таком виде, по-моему, не следовало. Очень извиняюсь перед присутствующим автором, но, при всем уважении к его таланту, не могу восхищаться этой пьесой.

Мария. Нет, я очень рада, что в ней участвовала. Остался ряд таких милых воспоминаний.

Красновский. А вы забыли, что о вас тогда писали в газетах? А как ловко и вас, и Морева прохватил Инфантерский? Целые реки злословия и клеветы.

Мария. О, это все нас не смущает. Прохватить, как вы выражаетесь, всякий сумеет, тем более что толпе это нравится. Мы дорожим мнением только тех, кто думает и чувствует свежо и молодо.

Красновский. Лучше играйте Островского, Марья Павловна. Что вам еще надо? Зачем искать лучшего, когда у нас есть хороший театр с такими прекрасными традициями?

Мария. Что надо нам? Преобразить игру и зрелище в таинство, мистерию осуществить, слить все в театре одно в одно. Мы хотим, чтобы зритель не оставался холодным наблюдателем, хотим и его вовлечь в действие, заставить его вместе с нами соучаствовать в трагедии.

Красновский. Нет уж, благодарю покорно! Не желаю! Как в суде помыкаешься, так отдохнуть хочется, позабавиться в театре, а не участвовать в ваших действиях.

Зоя. Да, вы все приходите такие скучные, вялые и хотите, чтобы вас забавляли.

Курганов. Лидия, теперь твоя очередь. Мы ждем твоего танца.

Лидия. Я боюсь, боюсь. (Уходит.)

Морев. Искусство это и есть отдых от жизни. И оно же источник новой жизни. Играли, пока были детьми. Потом залюбовались на зрелище. Потом придем к единению в таинственном обряде.

Красновский (выслушав эти слова с видом скучающего человека, обращается к Марии). Я не спорю, конечно, – у вас, Марья Павловна, есть несомненный талант, есть прекрасная сценическая внешность, хотя пока еще младенческая техника. Я не сомневаюсь, что из вас выйдет, если вы не перестанете работать над собою, хорошая драматическая инженерю.

Мария (смеется). Какие ужасные слова вы говорите, Алексей Николаевич.

Красновский. Отчего же? Разве я неверно определил ваше амплуа? Тогда извините, Марья Павловна. Я ведь не профессиональный театрал.

Мария. Нет, не то что неверно. Но когда я мечтаю о том, что буду делать на сцене, меня коробит от таких слов, как амплуа, инженерю, героиня. Зачем все это? Ведь каждый раз так индивидуально то, что делаешь!

Красновский. Ну да, я знаю, вы мечтаете о том, чего не бывает, как говорится в стихах Зинаиды Гиппиус, и чего никому из нас не надобно.

Курганов. Всем нам надобно только то, чего не бывает. Для того только мы и в театр ходим. Для того и сами работаем в театре.

Красновский. Ну, этого я что-то уж и не понимаю. Что-то уж слишком мудреное!

Курганов. Ходить в театр, чтобы смотреть, как мои знакомые пьют чай или водку, сплетничают и ссорятся? Это я и без театра вижу.

Красновский. А я люблю, когда актер загримируется под известное лицо. Чем известнее оригинал, тем любопытнее посмотреть его на сцене. Особенно, если автор и актер сумеют его хорошенько высмеять.

Курганов. Нет, в театре я хочу другого. Хочу пламенного восторга, уносящего меня из оков этого бледного существования.

Морев. В театре мы хотим не быта, а преобразования быта силою искусства.

Красновский. Не лучше ли заботу о преобразении быта предоставить Государственной Думе? Пусть она совершает это силою хороших законов.

Мария. Вы все шутите, Алексей Николаевич. А мы говорим серьезно.

Зоя. Алексей Николаевич думает, что с нами не стоит говорить серьезно.

Красновский. Помилуйте, Зоя Аркадьевна! Я серьезнейший из здешних присяжных поверенных.

Мария. Вот вы увидите сейчас пример преобразования властью искусства. Можно это сказать, потому что она ушла одеваться для танца.

Красновский. Кто это она?

Мария. Лидия.

Красновский. Тоже, конечно, жрица новой красоты и нового искусства.

Мария. О, какой тон! Ну да, жрица, если хотите. Жрица, потому что она самоотверженно служит своему высокому искусству.

Красновский. Это маленькое неграциозное существо? Воображаю, как она танцует!

Мария. Да, она кажется неловкою в своей глупой блузке и в этой своей скромной юбочке. У нее нет денег на роскошные туалеты. Свои костюмы для танца она шьет себе сама по рисункам Курганова. В ее комнате нет даже большого зеркала.

Красновский. Это и видно.

Мария. Когда она танцует при свете бедной свечки, она смотрит на свою тень на пустой стене и так учится. Нет, вы не должны, вы не смеете смеяться над нею! И вот вы сейчас сами увидите в танце эту заклинательницу, – тогда вы скажете другое.

Красновский. Посмотрим. «На свете чудеса рассеяны повсюду».

Зинка (Зое, вполголоса). Они уже оделись. Совсем стали хорошенькая. Велели мне к господину Мореву ковер поближе подвинуть. (Громко.) Лидия Николаевна оделись, сейчас танцевать выйдут. Просят всех сесть поближе к стенкам.

Оправляет ковер. Зоя играет. Курганов и Мария отходят в сторону.

Курганов. Этот краснобай Красновский – ходячий трафарет. Говорит готовыми словами и думает готовыми мыслями.

Мария. Он – милый. В нем все-таки есть что-то искреннее.

Курганов. Добродетельный уж очень. Отчего он к тебе так льнет? О чем вы с ним шептались?

Мария. Вовсе не шептались. Ты ревнуешь! Как тебе не стыдно! Я больше могла бы тебя ревновать, если бы на это была способна.

Курганов. Как же мне не ревновать, если ты не говоришь ни да, ни нет!

Мария. Милый, – не время теперь. У меня сердце горит в груди, и я не знаю, не знаю, ничего не знаю. Пока не осуществила я свою мечту, что могу сказать! Ты всегда увлечен кем-нибудь, у тебя всегда есть другая, или прекрасная дама, или твоя модель. Я думаю, что ты любишь Лидию. А я, – я пока люблю только искусство.

Курганов. Как ты не понимаешь, Мария! Лидия волнует меня как художника, а ты.. ты – несравненная. Лидия преображается только в танце. Для нее танец, как священнодействие.

Мария. Вот видишь, ты ею очарован.

Курганов. Ее танцем. Только танцем. В танце вся ее душа. Когда я зарисовываю самые трудные позы ее, она позирует с терпением факира. А в жизни она маленькая и слабая. Ты же, Мария, ты всегда горишь.

Зоя играет.

Мария. Лидия, тебе пора выходить.

Голоса.

– Лидия, мы ждем!

– Выходите!

– Лидочка, поскорее!

Лидия (из соседней комнаты). Я боюсь, боюсь. Ни за что не выйду.

Курганов. Лидия, мы ждем. Отчего же ты не выходишь?

Лидия. Мне страшно. Я боюсь, что надо мною будут смеяться.

Голоса.

– Никто не будет смеяться!

– Как можно!

– Что вы придумали, вздор какой, Лидия!

– Мы не такие, Лидочка, чтобы над этим смеяться!

– Право, не бойтесь!

Лидия. Скажите Красновскому, чтобы он не смеялся. Или пусть он уйдет.

Мария. Она уже оделась и не решается выйти.

Зоя. Иди же, Лидия, скорее. Я уж два раза начинала играть. Никто не будет смеяться, уверяю тебя.

Лидия (выглядывая из двери). Слишком светло. Погасите вот эти свечи, на стене. Зинка, милая, погаси, пожалуйста.

Зинка выбегает из той комнаты, где Лидия, и гасит свечи. Комната теперь освещена только свечами на пианино.

Курганов. Я пойду за нею. Иначе она так и не выйдет. (Уходит.)

Красновский. Жрица нового искусства желает поломаться.

Мария. Вы несносны, Алексей Николаевич.

Красновский. Я только справедлив, Марья Павловна. И я не сомневаюсь, что наш милый художник быстро уговорит ее. Да вот уж они идут.

Курганов выводит Лидию, одетую в тунику. В дверях она слегка упирается, схватившись за косяк двери. Курганов ее увлекает, Лидия вдруг быстро и легко выбегает на середину комнаты и останавливается.

Красновский. Это вы называете оделась? Ну, такая одежда не по нашему климату, хотя и делает честь вкусу художника.

Мария. Молчите. Не смущайте ее. Здесь нет рампы, и наши замечания доходят до исполнителей. Мы должны участвовать сочувствием в действии, а не мешать ему.

Лидия. Ничего, пусть говорит что хочет, теперь уж мне все равно. Я никого не вижу. Нет стен. Вокруг меня ночь. Я стою в поле. Под моими ногами трава. Месяц встал. И душа моя вся – музыка.

Зоя играет. Лидия танцует.

Курганов (читает стихи Александра Блока):

Я не звал тебя, сама ты
Подошла.
Каждый вечер запах мяты.
Месяц узкий и щербатый.
Тишь и мгла.
Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.
На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.
И живу с тобою рядом,
Как во сне,
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

Лидия кончила танец. Убегает. Похвалы и рукоплескания, если танец и чтение одобрены публикою.

Мария. Какие стихи, какая музыка! О, на что можно променять такие мгновения! Как радостно, что мы не одни, что с нами прекрасные, вдохновенные поэты наши в тоске и в мечтах своих! О дивная музыка дивных строк! Дивно поющее тело человека!

Зинка вносит вино, все берут стаканы.

Курганов. Друзья мои, мы все любим искусство и живем для него. Я поднимаю мой стакан за тесную дружбу всех искусств, за их объединение в театре, пью за новый театр!

Слышны приветственные и сочувственные восклицания. Лидия бежит к Мореву, во время действия неподвижно сидящему на одном месте, и чокается с ним. За нею и все чокаются с ним.

Морев (чокаясь). Я верю, я жду.

Застенчивый юноша. Позвольте, товарищи. Если за театр, то я хочу тоже прибавить... выпить за русское искусство, потому что хотя там, за границей... но вообще, у нас свои художники и поэты, и своя старина, и я пью за русское искусство.

Красновский. Не понимаю, что хорошего в этом танце. Какие-то странные, ничего не выражающие движения. По-моему, уж если вальс, так вальс, мазурка, так мазурка.

Мария. Инженю, так инженерю? Все в готовых формах, застывших раз навсегда?

Красновский. Все в определенных формах. И зачем танцевать без башмаков, – тоже не понимаю.

Лидия. Танец – это радость свободного движения. Экстаз освобождения от всего, от всех земных, условных пут...

Красновский. Мы понимаем освобождение иначе. Освобождение от чего? Вот свобода слова...

Зоя. Знаем, знаем. Конституция? А я думаю, что гражданской свободы достоин только тот, кто свободен во всем и во всем правдив.

Красновский. Какая же здесь правда, в этом танце? Разве радость и веселость надобно изображать непременно только этими движениями и в этой одежде? Разве я во фраке, танцуя вальс, не могу радоваться так же, как эта барышня в хитоне, слишком легком, «рассудку вопреки, наперекор стихиям»? Правда, я охотно признаю, что этот хитон к ней очень идет и что она в нем очень мила. Но и мой фрак имеет, надеюсь, свои достоинства.

Зоя. Ваша страсть к цитатам заставила вас самого осудить ваш фрак. «Рассудку вопреки, наперекор стихиям» – ведь это о фраке сказано.

Красновский. Позволю себе в данном вопросе не согласиться с Грибоедовым.

Мария. Радость поет во всем моем теле, и каждым моим движением я говорю о ней. Где соблазны, где нечистые мысли, там нет радости и не может ее быть. Только беспорочная нестыдливость радует сердце человека. Мы должны быть, как дети, невинны, чисты и нестыдливы.

Морев. Так, дитя мое.

Красновский. Ну, если бы мы все...

Мария. Вы все делаете, как это у вас повелось. Но не мешайте искусству быть выше жизни и чище жизни.

Красновский. Ну, я допускаю, когда мы в маленькой компании. Но выходить так на забаву толпе праздных людей – это, по-моему, не дело.

Курганов. Довольно мы замыкались в подполье, в домах, тесных и душных. Искусство должно быть всенародным, должно выйти через театр на площадь, на улицу, всех убедить, всех утешить, всем облегчить бремя тусклых, безрадостных будней. Великие судьбы ждут искусство будущего.

Зоя играет. Молодежь танцует.

Красновский (отводя Марию в сторону). Марья Павловна, предоставим, как это говорится, астрономам доказывать, что Земля движется вокруг Солнца, а мне позвольте сказать вам о том, что меня наиболее занимает. Пока эта шумная молодежь веселится, а господин Морев с философическим спокойствием наблюдает коловращение света, я бы хотел сказать вам, что называется, пару искренных слов.

Мария. Говорите, Алексей Николаевич, я слушаю.

Красновский. Вы меня извините, Мария Павловна, если мое красноречие мне изменяет. В некотором роде я выступаю новичком, и потому вы не осудите меня за это волнение, неизбежное при произнесении первой, в некотором роде, речи.

Мария. А вы бы, Алексей Николаевич, прямо перешли к делу, без всяких ораторских приемов.

Красновский. Вы так приказываете? Слушаю-с! Ваша воля – для меня закон. Итак, позвольте сказать прямо, – Марья Павловна, я вас люблю.

Мария. Не говорите, не говорите мне об этом. Я занята одной своею мечтою. Я стремлюсь только к ней. Я вся поглощена этим, вне этого меня нет, все мои силы должна я отдать дорогому для меня искусству.

Красновский. Вот потому-то я и говорю вам теперь то, что хочу сказать. Я хочу отвести вас от той ужасной и губительной бездны, по краю которой вы так беспечно и неосторожно ходите. Вы не будете иметь успеха. Хуже того, – вы погибнете в этом омуте.

Мария. Почему? И какую вы видите под ногами моими бездну? Я вижу сияющие высоты и радужный мост к ним.

Красновский. А мост над чем?

Мария. Если есть под этим мостом бездна, я не хочу глядеть в нее, чтобы у меня голова не закружилась.

Красновский. Самообман!

Мария (не слушая его). Я не хочу брать с собою никакого груза, никаких привязанностей, чтобы легко и свободно перебежать опасное место.

Красновский. Не поскользнитесь.

Мария (не слушая). Я счастлива, я молода, в груди моей радость, в сердце моем источник великих сил. В душе моей, как в Эдеме, поет райская птица.

Красновский. Не верьте этой коварной птице.

Мария (не слушая). Когда я утром просыпаюсь, я вдруг вспомню о моей мечте, мое сердце бьется, бьется, и вся душа моя теснится в груди. О жизнь, молодость, мечта, – какое счастье, какое опьянение!

Красновский. Вы хотите чего-то странного, что, поверьте, никому не нужно. Нам всем надобно не то, о чем вы мечтаете. Мы хотим искусства, изображающего нам реальную жизнь, научающего нас добру, отвращающего от зла.

Мария. Искусство это и есть то, что на ваш взгляд никому не нужно. Но потому-то оно и дорого всем. Оно говорит не о добре и не о зле, оно говорит о верховной красоте, потому что только в прекрасном истинная мера добра.

Красновский. Не будем спорить, Марья Павловна, о предметах отвлеченных. Выходите за меня замуж. Мне жаль думать, что ваш юный энтузиазм будет потрачен на пустую погоню за призраками, на борьбу с ветряными мельницами.

Мария. Да как же, Алексей Николаевич, я выйду за вас замуж? Ведь вы не пустите меня на сцену? А без сцены я не могу жить.

Красновский. Да, Марья Павловна, теперь не пушу. Для вашего же собственного блага не пушу. Потом – может быть.

Мария. Когда же потом?

Красновский. Потом, когда вы успокоитесь. Потом, когда вы поймете, что любимое вами искусство – буржуазное искусство.

Мария. Это – неправда!

Красновский. Что ваш художественный символизм и анархизм – утеха и услада благополучных и сытых людей.

Мария. Подобных вам?

Красновский (словно не слыша). И что единственное хорошее, настоящее искусство – честный реализм. Только этим реализмом и сильны русская литература и русское

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
искусство. Только этим честным реализмом они и прославились на весь мир.

Мария. Всегда люди, подобные вам, говорили, что хорош только вчерашний день. Мы вчерашнего дня не забываем, но хотим и завтрашнего!

Красновский. Не верю я в ваш завтрашний день. Не верю и этому сумасбродному фантазеру Мореву.

Мария. Не говорите так о нем. Вам не понять его беззаветного служения искусству. Я преклоняюсь пред этим человеком, след его ног готова целовать. Вся жизнь его – один идейный подвиг. А вы – недобрый. Я вас не люблю.

Красновский. Полюбите.

Мария. Нет, никогда не полюблю. Мы с вами совсем по-разному смотрим на вещи.

Красновский. Разве это так важно? Вы сами скоро увидите, что ошибались.

Мария. Нет, я вас никогда не полюблю.

Красновский. Вы говорите, как маленькая девочка. Что вы понимаете во всем этом? Вы еще никого не любили?

Мария (улыбаясь). Любила – маму, папу, няню.

Красновский. Вы еще не знаете, Марья Павловна, что такое любовь. Любовь заразительна, как оспа.

Мария. О, избавьте меня от опасности заразиться ею от вас!

Красновский. Только поверьте, что я вас люблю, как никто вас полюбить не может, и вы непременно полюбите меня.

Мария. Вы очень самоуверенны, Алексей Николаевич. Почему вы думаете, что никто не может полюбить меня так, как вы?

Красновский. Потому, что я люблю вас за вас самих, а другой полюбит вас за ваши приятные слова о каких-то исканиях и настроениях, за вашу счастливую сценическую наружность, за ваши очаровательные плечи и жемчужную грудь, за ваши стройные ноги, наконец, может быть, за ваше бесстыдство, за все то, за что я готов был бы порою убить вас.

Мария. О, как грозно!

Красновский. Как они смеют смотреть на вас? Как они смеют подходить к вам?

Мария. Кто же дал вам право говорить так со мною? О, какой вы недобрый! Я вас начинаю бояться.

Красновский. Простите. Да, я увлекся. Мне лучше уйти. Прощайте, Марья Павловна. (Жмет ей руку и печально идет к выходу. На пороге останавливается и патетически говорит.) Вспомнишь меня, придешь ко мне.

Мария. Никогда.

Красновский уходит.

Лидия (Курганову). Ты, милый художник, меня никогда не полюбишь?

Курганов. Я тебя люблю, Лидия.

Лидия. Ты любишь Марию. Мне иногда становится грустно, когда я позирую тебе и вдруг замечаю, что ты не смотришь на меня и думаешь о ней. Ты любишь Марию.

Курганов. Люблю Марию. Я люблю Марию навсегда. Она – моя роковая.

Лидия. А она тебя любит, как ты думаешь? Любит? Жить без тебя не может?

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Курганов. Она меня томит и мучит. Любит, быть может, не любит.

Лидия. Полюби меня. Полюби, мой милый.

Курганов. Когда я думаю о Марии, я не могу тебя любить.

Лидия. Ты всегда о ней думаешь. Никогда не думаешь обо мне.

Курганов. Когда я гляжу на тебя, я забываю о ней. Когда же я вижу твои мелькающие в легком танце ноги, я забываю обо всем в мире, забываю даже о себе.

Лидия. Отчего же, когда я тебе позирую, ты иногда вспоминаешь о ней?

Курганов. Но ведь она же – моя госпожа, возлюбленная. Когда я пишу, я озабочен не тем, что передаю полотно, а тем, как это сделать, и тогда чары твоих глаз, милая заклинательница, теряют надо мною власть.

Лидия. Ты любишь меня немножко, иногда. Но мне и этого довольно. Я, может быть, и так любить не могу. Никого не люблю и только хочу, чтобы меня полюбили хоть немножко, чтобы хоть как-нибудь приласкал меня мой милый.

Курганов. Бедная Лидия! А я, – мне кажется иногда, что в моей груди две души, что одной любви мне мало.

Лидия. Вот Мария подходит к тебе. Я люблю ее за то, что ты ее любишь, и боюсь ее. Я пойду к другим. Я не смею спорить с Мариею.

Курганов. Скажи, Мария, отчего Красновский ушел так рано и был так взволнован?

Мария (мечтательно). Он сказал, что любит меня.

Курганов. А ты?

Молодежь собирается танцевать. Шум, двигают стулья. Зоя садится за пианино. Слышны возгласы:

- У меня нет дамы.
- Танцуй с Зинкою.
- Зинка, иди к нам.
- Художник, осторожнее! Руку свернул!
- Приходите завтра на вернисаж.
- Увидимся, милый?
- Господа, не напирайте!
- Пощадите предметы искусства!

Мария. Он сказал, что любит меня так, как никто полюбить меня не может.

Курганов. Как сорок тысяч братьев любить не могут? О, как ненавистны мне эти люди, всегда говорящие чужими, готовыми словами! Самые пламенные и чистые слова они превращают в истертые двугривенные!

Мария. Он говорит чужие слова, как свои. Он думает и чувствует чужими мыслями и чувствами так искренно, как будто бы сам нашел все это.

Курганов. И ты ему веришь?

Мария. Кто повторяет чужие слова, повторит когда-нибудь и мои.

Курганов (повторяет настойчиво). И ты ему веришь?

Мария. Я хотела бы всегда верить себе самой.

Курганов. Только себе?

Мария. И тебе. Но как же я тебе поверю? Ты любишь другую. Вот, она все время сидела там в уголке и не спускала с тебя внимательных глаз. И глаза у нее странные, полные очарования, как у заклинательницы, которой послушны змеи. И мне было жутко. Слава Богу, Качаев повел ее танцевать.

Курганов. Верь мне, Мария, верь. Верь моей любви и не верь моим изменам. Я непостоянен, я, как ребенок, перебегающий от одной игрушки к другой. Но ты для меня больше, выше, чище всего, что я знаю. Никогда, никогда я не разлюблю тебя. Всегда, всегда, в мечтах и в жизни, я буду с тобою. Ты для меня единственная и роковая.

Мария смотрит на него нежно и молчит. Музыка и танцы. Морев сидит в углу все на том же месте и пристально смотрит перед собою в пространство.

Действие второе
Прошло два года.

Квартира Марии.

Мария и Курганов.

Курганов. Вчерашний спектакль был настоящим торжеством искусства.

Мария. Торжество!

Курганов. Никогда еще в театре я не испытывал такого восторга. Наконец ваш театр вступил на настоящий путь. И как хороша была ты, Мария!

Мария. И все-таки провал! И какой жестокий! Как они ужасно свистали!

Курганов. Это было подстроено. Все это безобразие – кашель, смех, шиканье, свистки всегда начинались с одного и того же места в партере, где сидел этот господин, – я его знаю в лицо, но всегда забываю его фамилию. Я уверен, что все это – интрига Левиной. Зачем не ей дали эту роль.

Мария. Она сама высказывалась против пьесы Морева.

Курганов. Да, а вот когда мы с такими усилиями добились ее постановки, так и Левина не прочь была сыграть твою роль. И вот теперь мстит, и ее друзья нападают на тебя за твою игру, на меня за мои декорации и костюмы.

Мария. Нет, этому я не верю. Просто мы разошлись с общим вкусом.

Курганов. Ну, ведь это только публика первых представлений.

Мария. Вот, два года я на сцене. И все не так, не так, как я хочу, все мечта моя светлая рушится. Как все это было тяжело, – уступать беспощадным требованиям жизни, публики, дирекции театра, работать среди постоянных интриг, считаться с рецензентами, с авторами ходких пьес, с антрепренером! Какой ужас, – постоянно играть в пьесах, слишком приспособленных ко вкусу толпы! А толпе нет никакого дела до искусства, ей нужна только прописная мораль или то, что щекочет ее нервы. Когда наконец добьешься своего – провал.

Курганов. Мария, не унывай, не грусти. Я не могу тебя видеть такою. Вот и у меня тоже неудачи, до сих пор меня отвергают, картин моих не берут на выставку. Но я не хочу сдаваться – пусть останусь один, пусть меня никто, кроме тебя, не признает. Бери пример с Морева. Всю жизнь он работает, упорно идет к великим своим целям и не обращает внимания на брань, на издевательства, на травлю, на общественное равнодушие. Как он стоял вчера под градом свистков, такой же спокойный и даже менее печальный, чем всегда. Мне было его нестерпимо жалко, и в то же время я был горд за него.

Мария. Говорят, что его пьеса больше не пойдет, – Биркин боится повторения скандалов.

Курганов. Этого не может быть.

Мария. Говорят, все в труппе это говорят. И злорадствуют многие.

Курганов. Вчера провал, завтра будет торжество. Не надо падать духом. Мы победим. Верь в это, Мария. Настаивай, чтобы пьеса шла во что бы то ни стало.

Мария. Я так устала, так измучена. Где же новые горизонты, где эта идеальная работа? Почему меня хвалят, когда я играю ненужные, чуждые мне роли? Почему меня любят те, кто от меня так далеки? И почему меня не любит тот, кого я люблю?

Курганов. Мария, ты ко мне несправедлива. Я люблю тебя.

Мария. То же самое ты говоришь Лидии.

Курганов. Ты ревнуешь, Мария. Когда я говорю, что люблю тебя, и говорю, что люблю Лидию, я каждый раз говорю искренно, хотя это два совершенно различных чувства. Но что же мне делать, если так бедно человеческое слово и если так богата и широка душа человека! И если ты ревнуешь, Мария, ты ревнуешь напрасно.

Мария. Нет, я не ревную. Но я печальна. И это отнимает от меня все мои силы. Нас так мало! Подумай, вспомни, – вчера, в театре, какое беспощадное злорадство! Какие чужие, убийственно-равнодушные лица! Ни одного сочувствующего взгляда! Твои декорации назвали вываренной синькой. Вчера я в первый раз усомнилась, – не одни ли мы, сможем ли мы когда-нибудь пробить эту стену, увлечь их, заставить нам поверить?

Курганов. Но ты-то согласишься когда-нибудь мне, Мария! Ведь это жестоко, наконец! Два года я прошу твоей любви, но ты только ревнуешь меня, я измучен, теряю веру. Полюби меня, – я найду силы гору сдвинуть. Ревнуешь меня, а сама поощряешь ухаживания Красновского. Вот и теперь я вижу на твоём столе письмо от него. Он был вчера в театре и поспешил написать тебе. Знает, в каком ужасном состоянии ты должна теперь быть, и спешит этим воспользоваться.

Мария. Ты прочитал письмо?

Курганов. Не имею привычки читать чужие письма. Да и когда же бы я успел? Но его почерк бросается в глаза.

Мария. Обыкновенный почерк.

Курганов (язвительно). Как у всех! И все же я научился его различать, и он меня волнует и бесит.

Мария. Красновский опять предлагает мне руку.

Курганов. Что ж, Мария, тебя прельщают его деньги? Или его «честный реализм»?

Мария. Его возможности.

Курганов. Сколько бы у него ни было денег, он не сделает того, что ты хочешь, Мария. Он не устроит для тебя театра, если ты не уверуешь в дорогой его сердцу честный реализм.

Мария. Я верю в чудо. Верю в чудо, потому что в себя верю. Несмотря на всю мою печаль, вопреки всей моей слабости, все-таки верю в себя. Ведь я, как и всякий человек, пришла в мир для того, чтобы пройти путем единственным, еще никем не пройденным, свершить то, что еще не бывало, чего не бывает. Стоит только захотеть, сильно захотеть. Он создаст для меня театр. Я хочу, хочу, хочу! Ах, да нет, что же это я говорю! Я люблю тебя. И все же, все же... Нет, я не пойду за тобой. Не победив, ничего еще не сделав, нет, нет! Ни в себе, ни вокруг себя ничего не понимаю. Только хочу, хочу, хочу! Ах, какая тоска! (Падает на диван и плачет.)

Курганов. Мария, успокойся. У тебя нервы расхотелись.

Мария (вдруг вскакивает и смеется.) Нервы, нервы, нервы! Нервочки, матушка Марья

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Павловна, как говорит Биркин. (Смеется и плачет.)

Зинка. Господин Морев пришли. Цветы принесли и сами очень веселы.

Мария. Проси, проси! Бедный автор! Как мне тяжело на него смотреть! Чем я его утешу! (Быстро идет навстречу Мореву.)

Входит Морев с букетом белых роз, сосредоточенный, но взволнованный.

Мария. Милый, дорогой учитель! Простите меня!

Морев. Прекрасной воплотительнице моей мечты хочу принести этот смиренный дар любви и преклонения. (Целует руку.) Благодарю! Благодарю!

Мария (беря цветы). Дорогой друг! Если бы не ваша ясная вера, не ваше мудрое терпение, мы бы совсем пали духом!

Морев (растроганно). Не думал никогда при жизни дожидаться постановки хоть одной из моих пьес на большой сцене. И вот настал день. Вчерашний день был для меня большим, радостным праздником. Вы, Мария, и милый художник, – вы доставили мне эту радость.

Мария. Но как ужасно вела себя публика!

Морев. Вы сделали свое дело прекрасно, а все остальное – суета.

Курганов. Слышишь, Мария! Настоящий взгляд мудреца на вещи.

Зинка. Господин Биркин пришли. Очень сердиты, пыхтят с ожесточением и меня даже не ущипнули.

Мария. Проси. И не болтай глупостей.

Курганов. Может быть, мне лучше уйти? Я боюсь, что скажу ему лишнее. Я так взволнован тем, что ты говоришь.

Мария. Остайся. Или нет, уйди. Пошли ко мне Лидию. Хочу поговорить с нею. Хочу взглянуть в глаза моей судьбе.

Морев. Позвольте и мне проститься с вами.

Мария. Милый, дорогой учитель! Как тяжело и как радостно! (Целует его.)

Входит Биркин. Целует руку Марии, пожимает руку Курганову и Мореву.

Биркин. Художнику наше почтение! Господину автору! Много благодарен, уж истинно могу сказать! Удружили!

Мария. Автор заслужил благодарность, и не такую сердитую. И художника работа немалая и прекрасная.

Биркин. Матушка Марья Павловна, что ж вы со мною сделали?

Мария (устало). Что я с вами сделала?

Биркин. Голову вы с меня, матушка, сняли. Так подвели, так подвели, – мочи нет. Прямо в калошу посадили и мокрым лаптем накрыли.

Мария. Вот, послушайте его. (Смеется, точно плачет.)

Курганов. Напрасно, Иван Кирилыч, вы так волнуетесь. И сами волнуетесь, и Марию Павловну обескураживаете. Наше дело правое. И пьеса, и постановка.

Биркин. Голубчик Григорий Андреевич, что вы! Полный провал. Продажи никакой, а расходов – то сколько было! Одни ваши, Григорий Андреевич, декорации, посчитайте – ка, во сколько мне влетели! Разорили, не в обиду вам будь сказано. Говорил я вам, матушка Марья Павловна, что такая пьеска не пойдет. Я старый воробей, меня на мякине не обманешь.

Курганов. Кто же вас обманывал? Мы вас честно и откровенно предупреждали, что рассчитываем только на литературный и художественный успех, а не на кассовый.

Биркин. То-то вот я, старый дурак, поверил вам да и влетел.

Морев. Вы, Иван Кирилыч, очень раздражены и говорите слова, о которых потом сами пожалеете.

Биркин. Это почему же-с?

Морев. Потому, что это – нехорошие и несправедливые слова. Моя пьеса поставлена очень хорошо, и вы можете этим гордиться.

Биркин. Нечем гордиться-то, господин автор! Свисту что было, забыли?

Морев. Это ничего не доказывает. Вы – опытный театральный деятель. Ведь если вы взяли мою пьесу, значит, она вам понравилась.

Биркин. Навязали, батенька, навязали! Турусы на колесах подпустили, облапошили меня, старого дурака.

Курганов. Иван Кирилыч...

Мария (перебивая). Вы забыли, Григорий Андреевич, о чем я вас просила. Пришлите мне Лидию, я хочу ее видеть, сейчас же, непременно хочу. (Тихо.) Теперь вы берите пример с Морева, не становитесь на одну доску с этим торгашом.

Курганов. Иду. Я только хочу сказать, что вот вы сами увидите, Иван Кирилыч, на втором представлении будет другая публика и другой прием. (Прощается и уходит.)

Морев (уходя и целуя Марии руку). Я верю, я жду.

Мария. Все-таки, Иван Кирилыч, эта пьеса должна идти... Прекрасная пьеса, достойная высоких задач театра! Она должна идти, хотя бы и при пустом зале. Да и не так же безнадежно отношение к ней публики. Поймут. Критика объяснит.

Биркин. Матушка Марья Павловна, да уж все газеты изругали, хуже не надо. Стыдно глаза в люди показать, вот как облаяли. Никогда в моем театре такого скандала не было, и такой пустоты в кассе не бывало.

Мария. Мы должны продолжать во что бы то ни стало. Не может быть, чтобы в этом городе, таком большом и прекрасном, таком фантастическом, в городе, где так много чуткой, милой молодежи, в городе, где рождаются идеи, где живет дух великой страны, в городе, который и сам создан творческой мечтой венчанного преобразователя, чтобы в этом городе мы не нашли друзей истинного искусства. Вы это увидите. Они придут к нам, милые, чуткие друзья! Они скажут нам свое искреннее, верное слово! Для них мы должны играть эту пьесу.

Биркин. Матушка Марья Павловна, что вы говорите! Никак нельзя! Убытки! Да никак нельзя! Нет, уж я распорядился снять пьеску, уж как вы хотите. Для кармана уж очень обидно. Да и самолюбие страдает.

Мария. Это невозможно! Я хочу играть! Я должна играть!

Биркин. Матушка Марья Павловна, не беспокойтесь! Вы и будете играть. Вот я вам рольку принес. Вот так ролька – пальчики оближете! Без всякой стилизации, без символизма, без модернизма, без всего такого ядовитого, – все, как следует по христианскому обыкновению.

Мария (берет тетрадку, смотрит ее, бросает на стол). Это играть? Ни за что!

Биркин. Матушка Марья Павловна, играли же вы раньше этого автора! Что же вы теперь на него так взъелись?

Мария. Раньше! Да, я уступала вам, я ждала. Я играла, чтобы ваша касса делала сборы. Разве я не поправила дела вашего театра? Разве публика не ходила смотреть мою игру? Как я работала для вас прошлые два года! В огне горела, в смоле

кипела.

Биркин. Что и говорить – все больше с аншлагом пьески шли. Играли вы, матушка Марья Павловна, концертно. Битковые сборы делали. Да и не одна вы постарались. Подобралась у меня труппочка, не стану Бога гневить, на редкость хорошая.

Мария. Если я играла все это, такое чужое мне, играла для вашей кассы, то и вы должны что-нибудь сделать для меня. Иван Кирилыч, миленький, Христом Богом прошу вас, не снимайте этой пьесы.

Биркин. Матушка Марья Павловна, никак нельзя. Не могу торговать себе в убыток. Опять же и товарищи ваши пить-есть хотят. Хоть разорвись, первое число придет – всем жалованье подай. А из чего я буду платить, если сборов не будет?

Мария. Ставьте ее хоть два раза в неделю. Хоть один раз! Только не снимайте.

Биркин. Это нам несподручно, канитель такая. Это, что называется, игра свеч не стоит, – за электричество больше заплатишь, чем касса выучит.

Мария. Ради Бога! Иван Кирилыч! Ну хотите, я на колени перед вами стану!

Биркин. Что вы, матушка Марья Павловна! Стою ли я, старый дурак, такой чести! Дайте, я ручки ваши атласные расцелую! Раскрасавица вы моя, Марья Павловна! Да стоит вам захотеть только, ведь вы из меня, старого дурака, веревки вить станете.

Мария. Что вы говорите, Иван Кирилыч!

Биркин. Несравненная вы моя, божественная! Так я вами очарован, сказать не могу. Все для вас сделаю, только будьте со мною поласковее. Стар, глуп, а сладенького хочется.

Мария. Иван Кирилыч, что вы хотите сказать?

Биркин. Матушка Марья Павловна, осчастливьте меня, хрена старого, а и стар, да заборист, катнем ко мне сейчас завтракать. У меня способнее, прохладно до делов договорим. Конечно, если не погнушаетесь мною, автомобиль у подъезда...

Мария. Нет, нет, вы меня не поняли. (В волнении идет к окну и говорит сама себе, не замечая, что говорит вслух.) Боже мой, и это перенести, и это! Или в самом деле согласиться? Нет, что я, – искусству только чистыми средствами можно служить.

Биркин. Человек я одинокий. Денег у меня не то чтобы куры не клевали, – не держу кур, – но все-таки могу предоставить. Вы меня, старого дурака, потешите, я вас, голубушку, раскрасавицу мою, уважу, и пьеска пойдет, куда ни шло, все будет по-хорошему.

Мария. Перестаньте!

Биркин (войдя в азарт). Матушка Марья Павловна, яхонтовая, пользуйся, пока я в азарте, лупи с меня, старого дурака. Хошь так – кроме того, что по театру причитается, квартира моя со всем снарядам, пятьсот в месяц на булавки, выезд мой, – ну, по рукам?

Мария. Подите прочь! Что за гнусность!

Биркин. Это к чему же такие слова? Как будто я по-хорошему, с моим уважением и с ласкою.

Мария. Спасибо за ласку. Хороша ласка! форменный торг: чтобы вы не снимали пьесы, я должна... должна... как это поется:

Перед мальчиками
Ходит пальчиками,
А перед зрелыми людьми
Ходит белыми грудьми.
(Хохочет, едва сдерживая слезы.)

Биркин. Хе-хе, вот оно самое! В точку потрафили. Вот именно – перед зрелыми людьми, хе-хе-хе! Шутница вы, матушка Марья Павловна! Ну что ж, по рукам?

Мария (строго). Этот торг не состоится. Нет, я не поеду к вам завтракать. И уйдите вы от меня, прошу вас.

Биркин. Как желаете. А рольку эту я вам оставлю. Уж потрудитесь поучить.

Мария. Ни за что не возьму. Не буду играть этого. Не могу, не могу, поймите, не могу!

Биркин. Обязаны играть, матушка Марья Павловна.

Мария. Не хочу.

Биркин. Уволить в таком случае придется. Неиграющих актрис не требуется. Не столь богаты.

Мария. Как хотите.

Биркин (дрожа от злости). В театр на порог не пушу. Жалованье платить буду, контракта не нарушу, а играть ничего не дам. И мазню эту синюю вашего дружка сегодня же на чердак велю вынести.

Мария. Не надобно мне ваших денег. Не надобно мне вашего балаганного театра. Вот ваш договор, не нужен он мне больше.

Дрожащими руками Мария выдвигает ящик стола, роется там, вынимает бумагу и рвет ее. Бросает ее на пол и бессильно опускается на стул.

Биркин. Ну, это еще мы подумаем. Имеете ли вы право? Копию разорвали-с, а подлинник в конторе сохраняется. Посмотреть, велика ли у вас неустойка.

Мария. Как я была слепа, когда шла к вам, надеясь на что-то! На что я могла надеяться, имея дело с таким человеком, как вы! Вы вашим театром не ведете людей вперед, вы не подымаете общество к высоким идеалам правды и красоты, вы только угождаете грубым вкусам толпы, вы заботитесь только о сборах.

Биркин. Дело коммерческое.

Мария. Только о деньгах. Интересы искусства – вам ничто. Битком набитый театр – только это вас влечет. Вы не смеете стать выше толпы, – и становитесь ниже ее. Да, ниже, ниже! Вы клеветаете на публику, когда говорите, что она требует того, что вы ей даете! Если публика плохо разбирается в вопросах искусства, то это потому только, что вы развращаете ее вкус!

Биркин. Да вы ножками-то не топайте, матушка, – не испугаемся.

Мария. Вы обманываете сами себя, когда унижаете ваш театр до самого низменного уровня, чтобы завлечь самую большую толпу. Это – неправда, что люди хотят зрелищ грубых и банальных! Если бы вы были смелы, если бы вы до конца полюбили искусство, толпа пошла бы за вами, толпа поверила бы вам, увенчала бы вас.

Биркин. Слышали мы эти сказки, достаточно учены.

Мария. Любой помещик, у которого были крепостные актеры, был выше вас, – потому что он знал, чего хотел, он служил музам, он приносил жертвы на алтарь чистого искусства.

Биркин. Меценаты в наше время вывелись. Теперь, матушка, изволь-ка угодить публике. Это потруднее будет. Бывало, сказывают, помещик своих актеров за провинку на конюшню посылал посечься, а нонче публика вашего брата рублем бьет. Оно небось побольнее розог будет. Ну-с, прощенья просим. Счастливо оставаться. (Уходит.)

Оставшись одна, Мария в чрезвычайном волнении бегаёт по комнате, хватается за вещи, судорожно рвет платок.

Мария. Боже мой, что ж мне делать? Что я могу! (Опускается на пол, подбирает обрывки контракта, бормочет.) Неустойка! Неустойка! А, вот она! Шесть тысяч! (Смеется.) Друзья мои, Курганов, Морев, у вас есть шесть тысяч? О проклятые торгоши, как вы любите закабалить человека! (Звонит.)

Входит Зинка.

Мария (с волнением). Зинка, беги скорее к Крас-новскому. Чтобы сейчас приходил. Сейчас, сию минуту! Слышишь, сейчас же, пока я не передумала! Не смей стоять. Не смей смеяться! Лети, беги!

Зинка. Бегу бегом. Только я хотела сказать, что там Лидия Николаевна ждут. Сидят смирнехонько на стуле и пальчиками перебирают.

Мария. Проси.

Зинка убегает.

Мария (плача). Не люблю, не люблю. Только верю в чудо.

Входит Лидия.

Лидия. Милая Мария, ты плачешь.

Мария. Нет, смеюсь, смеюсь до слез.

Лидия. Милая Мария, не стоит плакать. Вот я, как надо мною смеются, а я все танцую! Учусь, мечтаю. А сколько насмешек, сколько злости, грубой, оскорбляющей!

Мария. Лидия, скажи мне правду: ты любишь Курганова? Смотри мне прямо в глаза и говори.

Лидия. Мария, ты уже много раз меня спрашивала об этом. Я тебе говорю всегда одно и то же. Никого я не люблю и не могу любить.

Мария. Зачем же ты с ним? Зачем?

Лидия. Я холодная и печальная. Смотрю на жизнь и не люблю ее. И людей не люблю. На что мне люди? Они надо мною смеются... Только люблю мой танец, дикий и странный для людей, люблю мои руки, и ноги, и все мое тело. Когда выхожу из танца, словно перестаю жить, и мне холодно и печально. И я хочу прижаться к чьему-нибудь сердцу, которое молодо бьется и любит, и погреться теплом, хотя бы и чужим. Хочу, чтобы меня немножко пожалели, шутя приласкали бы и отпустили бы. Вот, он пришел к тебе, я слышу его голос и ухожу. (Целует Марию и уходит.)

Входит Курганов.

Курганов. Мария, ты плачешь? Что же, Биркин отказал?

Мария. Да.

Курганов. Мария, в эти тяжелые дни мы должны быть вместе.

Мария. Вместе ныть и жаловаться на судьбу? Благодарю! Не хочу я этого! Нет, я совсем ухожу из театра. Если я ему не нужна – не надо. Вот он, мой контракт, на полу, разорван. Зинка подберет его и выбросит.

Курганов. Я помогу тебе. Будем вместе, Мария.

Мария. Ты великодушен. Слишком великодушен. Для меня оставил Лидию.

Курганов. Мария, ты знаешь, это было мимолетное увлечение.

Мария. Пусть так. Но мне больно было его пережить. И оно не последнее.

Курганов. Мария, не все ли равно? Кого бы я ни любил, тебе я не изменю, к тебе вернусь. Пойми, что роковой, единственной любовью я люблю только тебя.

Мария. Я устала верить и ждать. Не знаю, можешь ли ты любить. Не знаю, можно ли меня любить. Я слишком увлечена искусством, и все мои чары расточены для всех, и для моей личной жизни не осталось ничего. Меня любит только тот, кто сам хочет меня любить, а я бессильна победить разлучницу и в сердце милого сжечь все иные образы. Так, должно быть, и следует мне. Но не хочу, не хочу половинного счастья, не хочу делиться ни с кем. Уйди. Я повторяю тебе твои же слова: кого бы я ни любила, я приду к тебе, когда ты позовешь меня с великою силою и с великою властью. А теперь нет в тебе этой силы, нет власти, и я тебе не могу верить.

Курганов. Жестокая! Хорошо, я уйду, но знай, что мой день настанет! Я позову тебя, я уведу тебя, и ты пойдешь за мною, где бы ты ни была! (Уходит.)

Мария. Милый, милый! Люблю тебя, люблю и прогоняю. Люблю, и верю, и не верю. Чудо, чудо, на каком же пути я тебя встречу? Какая жестокая судьба моя!

Зинка (входя, шепчет таинственно). Привела.

Мария. Кого?

Зинка. Застала дома. Как только услышали, что вы их ждете, так очень даже обрадовались. Сейчас меня с собою в экипаж посадили, прямо в цветочный магазин. Цветы – одно очарование, поставлены в гостиной. И в таком забвении чувств всю дорогу были, что даже ни разу не ущипнули.

Мария. Не болтай. Проси его сюда.

Зинка уходит. Мария ждет, волнуясь.

Красновский (входя). Милая, вспомнила меня!

Мария. Я получила ваше письмо. Я согласна быть вашею женою. Театр я оставлю.

Красновский. И отлично делаешь, милая Маша. После таких провалов...

Мария. Ни слова об этом! Скажу вам откровенно – я все еще вас не люблю.

Красновский. Полюбишь, дорогая.

Мария. Не знаю.

Красновский хочет ее обнять. Мария падает в кресло и громко рыдает.

Действие третье
Прошло еще три года.

Гостиная в богатой квартире Красновского.

Мария и Красновский.

Красновский. Опять ты хандришь, Маша.

Мария. Неужели ты сам доволен нашей жизнью?

Красновский. Я-то доволен. И не понимаю причин твоей хандры.

Мария. Скучно у нас очень, серо.

Красновский. Слава тебе, Господи! Скучно! Серо! Да у нас сколько людей бывает!

Мария. Какие же это люди, наши знакомые! Как они мне чужды – равнодушные, ничем не горящие, ничего не создающие обыватели!

Красновский. Люди как люди! У нас бывает два бала в сезон, маскарад, обеды, мы сами постоянно куда-нибудь званы, – и это серо!

Мария. Да, жизнь наша тусклая, без просвета, без борьбы, без всяких устремлений.

И я в ней, как камбала в аквариуме. Мечусь среди таких же глупых пленниц, и нет мне ни света, ни радости.

Красновский. Кроме того, мы занимаемся благотворительностью и, надеюсь, с толком. Или тебе и это надоело?

Мария. Ну да, надоело. Все это мне смертельно надоело. Поменяться бы с кем-нибудь своей долей. Хоть хуже, да по-иному!

Красновский. Не понимаю, чего тебе недостает. Слава Богу, дом – полная чаша.

Мария. Молчи, молчи! Не смей мне говорить этих мещанских благополучных слов! У меня от этих слов изжога делается.

Красновский. Туалеты у тебя всегда дорогие и самые модные. Вот и это домашнее платье стоит триста рублей.

Мария с апатичным видом нагибается и рвет свое платье.

Красновский. Я не понимаю, Маша, право, не понимаю. Ты нервничаешь. Занялась бы хозяйством.

Мария. Благонравные домашние заботы! Кому они нужны!

Красновский. Или хоть устроила бы какой-нибудь благотворительный вечер, маскарад, что ли. Ты – такая мастерица на всякие выдумки.

Мария. Ты ничего не понимаешь! Пойми, мне противны эти стены, эти картины, все, все.

Красновский. Картины! Не понимаю! Картины этого художника я видел в самых лучших домах. Его картины есть во всех хороших музеях. Он в один год на двести тысяч продал.

Мария. Он мне противен, гладкий, сладкий. Он мне ничего не говорит, ничего не дает. Для искусства он не откажется от жизни и от ее благ, благополучный, благопристойный, чистенький господин в ловко сшитом фраке. Он не любит искусства, он любит только крупные заказы. О мои милые, бедные товарищи, как могла я вас оставить! Уйти от вас!

Красновский (досадливо). Ну уж как ты хочешь, Матиса или Сарьяна я не повешу в своей квартире. Я не хочу, чтобы все мои знакомые смеялись надо мною. Наконец, я принципиально не могу этого допустить.

Мария (смеется и комкает платок). Пожалуйста, вешай кого хочешь, покупай что тебе нравится. Не обращай никакого внимания на мои вкусы, на мои желания. Говори своим друзьям, что я – гадкая, что я капризничаю, ссорюсь с тобою из-за картин.

Красновский. Ничего такого я никому не говорю. Ты, Маша, в этом не можешь меня упрекнуть.

Мария. Твои деньги меня не утешают, твоя любовь никуда не двигает тебя. Я надеялась, что твоя любовь совершит чудо, зажжет, преобразит тебя! Но чуда в нашей жизни, как видишь, нет. Все по-прежнему серо, скучно, однообразно. Да и какая твоя любовь! Тебе начинает нравиться Берта.

Красновский. Ну, Маша, разве можно принимать серьезно ресторанные встречи.

Мария. Вам все только шутки. Если бы ты меня любил, ты бы устроил для меня театр.

Красновский. Послушай, Маша, ты же знаешь, что театр для тебя я охотно устроил бы. Правда, моих денег не хватило бы, да я и не хочу вкладывать все, что имею, в предприятие рискованное. Но легко было бы найти компаньонов и устроить это сообщество.

Мария. Милый, милый, сделай же это для меня! Если ты это сделаешь, я словно из мертвых воскресну.

Красновский. Да я не могу покровительствовать этой чепухе, этому вашему «новому» искусству!

Мария. Милый мой, отчего же ты не хочешь, чтобы это мое дело я вела по-своему? Где же твоя любовь ко мне? Разве нельзя думать по-разному и все-таки любить друг друга и помогать один другому?

Красновский. Принципиально не могу.

Мария. Ты меня любишь?

Красновский. Конечно, люблю, ты же это видишь.

Мария. Если ты меня любишь, отчего же ты не сделаешь для меня этого? Ведь это сводится только к тому, что ты достанешь для меня денег. Дал же ты мне денег внести неустойку Биркину.

Красновский. Ты рассуждаешь, как девочка.

Мария. Ну, вот! Стена!

Красновский. Пойми, я не могу способствовать тому, что считаю вредным.

Мария. Если бы ты меня любил, ты бы для меня преступление совершил охотно.

Красновский. Совершенно дамская логика! Пойми, что мне, как человеку сложившемуся и серьезно относящемуся к жизни, дороги мои убеждения. Если на одной чашке весов лежат убеждения, а на другой каприз скучающей, хотя и очаровательной деточки, то ясно, которая чашка перетянет. В миллионный раз повторяю тебе, что в области искусства я принимаю только честный прогрессивный реализм.

Мария. То, что ты называешь прогрессивным, очень отстало. Ты называешь мое искусство буржуазным. Ты ненавидишь буржуазное, не правда ли? Это доказываешь ты всем образом своей жизни. (Смеется.)

Красновский. Я убежденный реалист, это тебе хорошо известно. А свои деньги я трачу, как нахожу это нужным. Я вижу, что разговор со мною только раздражает тебя. Да и мне это действует на нервы. Лучше я уйду. (Целует ее руку и уходит.)

Мария. Чуда нет. Нет. Стоят себе стенки и не сдвинутся. Клетка, клетка, золотая клетка! Хоть бы ребенка дал мне Бог! Тоска, тоска смертная!

Зинка. Зоя Аркадьевна. Вид у них очень веселый. Меня по щеке похлопали.

Мария. Проси.

Входит Зоя.

Зоя. Здравствуй, Мария. Я с целым ворохом новостей.

Мария. Милая Зоя, как я рада! Как давно тебя не видно! Хочешь чаю?

Зоя. Хочу.

Мария звонит. Зинка выглядывает из двери. Мария делает ей знак.

Зоя. Встретила твоего мужа в гостиной. Он сегодня очень мрачен.

Мария. Да? Заметно?

Зоя. Он любезен, как всегда, и хорошо скрывает свое настроение. Но у кого музыкальная душа, как у меня, того не обманешь. Он сегодня сбит с ритма, – это ясно чувствуется.

Мария. Он меня еще любит. Но он скучный, недаровитый, серый. Надоел он мне, – все надоело. Бежать надо, но куда? Скажи, куда?

Зоя. Он такой светский, любезный. Ты, Мария, к нему очень строга.

Мария. Весь этот лоск – мишура. У него нет таланта к жизни. Он ничего не способен создать. Такие люди только держатся за принятое, за условное, за признанное, только старое повторяют. Никогда я его не любила! Потому, должно быть, и детей у нас нет.

Зинка приносит чай.

Зоя. Вот свежая новость! Катя Кривцова выходит замуж за Бехтера.

Мария. Как за Бехтера? Говорили, что она помолвлена с Крайним.

Зоя. Нет, это разошлось. Катя с Крайним из-за чего-то поссорились, – ты знаешь, Катя такая легкомысленная, а Крайний оказался очень ревнив.

Мария. Бехтер, кажется, был женат?

Зоя. Да, представь, это был, по-видимому, такой счастливый брак, и вдруг, совершенно неожиданно, они разводятся и говорят, что Сонечка Бехтер выходит за графа Сиверского. Крайний очень мрачен был, но вдруг, должно быть, с досады, стал ухаживать за Варварою Гранцовой.

Мария. Что ты говоришь?

Зоя. И говорят, имеет успех.

Смеются.

Зоя. А с Лидией что, ты слышала? Ей запретили выступать.

Мария. Что ты? Кто ж мог запретить?

Зоя. Полиция. Явились на вечер, протокол составили, и милую нашу заклинательницу теперь судить будут за оскорбление чего-то...

Мария. Городовой в делах искусства! Бедная милая Лидия! Такая нежная, тихая! Кого она оскорбить могла! Бедные мы, бедные все, разбиты, разъединены, слабы. Ничего достигнуть не сможем! А я, я хуже всех.

Зоя. Я хотела тебе еще рассказать. Да боюсь, еще больше расстрою. Вижу, ты сегодня не в духе.

Мария. Говори. Ты, Зоя, мне точно из другого, моего мира, вестник. Того мира, из которого я сама ушла. Я люблю тебя слушать, даже когда ты о пустяках рассказываешь. Когда ты говоришь, у меня в груди словно птичка поет. Если бы я была не женщиной, я бы влюбилась в тебя. Говори, говори, какие у тебя еще новости.

Зоя. Да ведь все равно ты к нам не пойдешь. Только будешь волноваться.

Мария (взволнованно хватая ее за руку). Ты о чем? Неужели? Я уже знаю, о чем ты хочешь сказать. Сердцем чую. Ты о театре, о новом театре!

Зоя. Курганов каким-то чудом достал денег.

Мария. Неужели, Зоя? И много?

Зоя. На год хватит. А там видно будет. Репертуар у нас, как ты знаешь, есть, молодых актерских сил немало, мы призовем всех друзей наших и начнем свое дело. Подробнее расскажет тебе все Курганов. Он сейчас у Морева. К нему полетел к первому.

Мария. Зоя, если ты шутишь, это так жестоко! Зоя, это правда? У вас будет свой театр?

Зоя. Мария, не волнуйся. Еще неизвестно, выйдет ли что-нибудь из нашей затеи.

Мария. Выйдет, выйдет. Не может быть, чтобы опять рухнула мечта! Это было бы слишком жестоко!

Зоя. Мария, ты будешь с нами? Пойдешь к нам?

Мария. О, как бы я была счастлива, если бы я могла быть с вами! Он будет удерживать меня. Что мне делать? Он все еще меня любит!

Зоя. Разве он купил тебя? Разве ты не свободна?

Мария. Если бы я была свободна! Впрочем, что же связывает меня? Я так хотела ребенка, – но детей у нас нет. Правда, он меня любит.

Зоя. Но ведь ты его не любишь?

Мария. Знаешь, Зоя, когда я вспомню, как он заботился обо мне, у меня сжимается сердце. Правда, он не хочет, да и не может устроить мне театр. Он смотрел на это мое желание как на детский каприз. Но все-таки, Зоя, жизнь связывает.

Зоя. Милая Мария, для искусства, которое ты любишь, ты победишь это чувство, эту сентиментальность.

Мария. Искусство! Да, я хочу, хочу так, как еще никогда не хотела. Во мне опять так много веры! Так внезапно чувствую воскресающие во мне силы! Так жаль этих лет, которые отдала я нерасчетливо этой позолоченной жизни, потому что ждала чуда. Не было мне чуда, потому что я ушла с моей настоящей дороги. Но чудо будет, будет, – я опять верю в чудо, в победу. В новом, в нашем театре свершится это чудо, которого я жажду всем моим сердцем, всей моей душой! Я так рада! Мне так легко! С моих плеч словно соскочили эти годы.

Зоя. Ну, не очень много лет ты здесь провела.

Мария. Эти три года были мне за целую вечность. А вот опять я чувствую себя молодой и сильной и с тем же детским восторгом готова начинать сначала. Мечта опять создает новый мир, новый и прекрасный.

Зоя. А если твой муж не пустит тебя на сцену?

Мария. Тогда я совсем уйду от него. Если смогу. Зоя, мне страшно! Смогу ли я это сделать?

Зоя. Захочешь – сможешь.

Мария. Мне жаль его! Бедный, ведь он не виноват, что так узок.

Зоя. Мария, будь смелее! Помни, что для искусства ты это делаешь, для высокой нашей мечты. Или наши разговоры останутся только пустой болтовнёй?

Мария. Нет, нет! О Господи, помоги мне! А Лидия?

Зоя. Лидия будет с нами.

Мария. Я боюсь ее жутких глаз.

Зоя. Нет, Мария, она только странная. Мария, ты к ней не ревнуй. Она любит и не любит. У нее не такая душа, как у нас. Она каждую минуту готова уйти от него, как уже не раз уходила.

Мария. И возвращалась.

Зоя. Если бы ты была с ним, она бы не вернулась. Уверю тебя, она совсем не такая, как все. Поверь мне, у меня музыкальная душа, и я чувствую верно строй каждой души.

Зинка. Господин Курганов и господин Морев пришли. С цветами. И не знают, куда поставить.

Мария. Проси.

Входят Курганов, радостно взволнованный, и Морев, спокойный и бледный, как всегда.

Мария. Здравствуйте, дорогие друзья! Зоя мне все рассказала. Поздравляю! Если бы вы знали, как я рада!

Морев. Радуйтесь, дитя мое! Перед вами встает то, о чем я только мечтал всю долгую жизнь.

Курганов. Помнишь, Мария: любовь сдвинет гору? Вот я и сдвинул гору из любви к тебе!

Мария. Ты мне все расскажешь?

Курганов. Милая Мария, если бы ты знала, сколько людей перевидал я за это время, сколько слов расточил! Какие типы встречались! Мне бы не художником, а беллетристом надо сделаться.

Мария. Но зато театр осуществится? Мечта наша!

Курганов. Театр будет. Пока мечты, планы, работа кипит. Но, кажется, наш день уже близок!

Зоя. Покажи ей, что ты принес.

Курганов. Спасибо, Зоя, что напомнила. «Презренной прозой говоря», это программа нашего театра.

Мария читает молча.

Морев. То, о чем так много мы думали и говорили.

Зоя. А там, на обороте, список участников.

Курганов. Вписать твое имя, Мария?

Зоя. Зачем же ты ее спрашиваешь? Конечно, да.

Мария. Конечно, да, мой милый друг.

Слышен стук в дверь.

Мария. Войдите.

Красновский (входя). Я вам не помешал? (Холодно здоровается с Зоєю, с Кургановым и с Моревым.)

Мария. Напротив, ты пришел очень кстати. Вот прочти.

Красновский. Что это? (Читает. Говорит резко). Вздор. Ерунда. Я на это не согласен.

Мария. На что ты не согласен?

Красновский. Я решительно запрещаю тебе участвовать в этом нелепом предприятии.

Мария. Запрещаю! Какое деспотическое слово! Где же твои убеждения?

Красновский. Вот во имя моих убеждений я тебе запрещаю.

Мария. Слушай, жалкий человек. Я свободная женщина, запрещать мне бесполезно. Я ошиблась, идя к тебе, но никакие ошибки не могут сковать человека навсегда. Я уйду к людям, которые делают желанное мне, к людям, которые жизнь обращают в сладостную и прекрасную мечту, чтобы чарами искусства преобразить и самую жизнь, и из данной нам обычности сотворить очаровательную легенду.

Красновский. Пока ты живешь в моем доме, пока ты носишь мое имя, я не могу этого допустить.

Мария. Ты гонишь меня из своего дома?

Красновский. Нет, Маша, но этого я тебе не позволю.

Мария. Но это я должна сделать. Выбирай сам. Я должна быть свободна делать, что хочу. Или ты согласишься, чтобы я была с ними, или я уйду из твоего дома. Выбирай сам.

Красновский. Помешать тебе безумствовать я, к сожалению, не в силах. Но не в моем доме. И не под моим именем.

Мария. Какой ты упрямый! Послушай меня последний раз. Пойми, это сильнее меня. Милый Алексей Николаевич, не принуждай меня. Вот я на колени перед тобой стала, прошу тебя.

Красновский. Что за комедия! Встаньте.

Мария. Алексей Николаевич, во имя всего того, что было между нами, умоляю вас, дайте мне ваше согласие. Только одно слово скажите мне, скажите да.

Красновский. Нет.

Мария. Нет? Только одно нет я слышу на все мои мольбы. Пусть будет так. Я уйду из твоего дома. А твоим именем не собираюсь пользоваться. У меня есть свое, которое еще не всеми забыто. Я уйду из этого постылого дома!

Красновский (язвительно). Скатертью дорога! Но я уверен, что ты скоро вернешься. Ваша затея рухнет скоро, и тогда этот дом опять покажется тебе приятным приютом от житейских бурь. Только смотри, не будет ли тогда поздно!

Мария. Нет, я никогда не вернусь. Другой раз я этого безумия не повторю. И зачем ты мне грозить? Я и сама знаю, что ты найдешь себе утешение. С Бертою или с иною ты не будешь скучать.

Красновский. Вы уходите с господином Кургановым? Так, так. Посмотрю, долго ли это протянется. Господин Курганов человек увлекающийся. (Делает общий поклон и сердито уходит.)

Курганов. Мария, скажи, любишь ли ты меня теперь?

Мария. Ты знаешь, я люблю тебя. Я всегда любила тебя. Ушла от тебя, глупая, какого-то чуда искала на чужой дороге и не нашла. И вот, возвращаясь к тебе, и вижу теперь огонь в твоих глазах, и слышу райскую музыку в твоей душе. И уже нет в этой музыке голосов, мне враждебных. Испытанные жизнью, теперь мы воистину будем вместе. Осуществим чудо, чудо любви нашей, и силою ее создадим новый, дивный мир, искусством преображенный! И теперь ты, милый, любишь только меня. Правда, только меня?

Курганов. Я всегда тебя одну любил, Мария.

Мария. Я заблудилась и ощупью возвращаюсь домой. Но не досаую на себя. Я слишком актриса, не могу разделять театр и дом. Я люблю тебя, как мечту мою победившую, и хочу быть с тобою в труде и торжестве. Вместе работать, вместе побеждать или падать.

Курганов. Да, мы с тобою, Мария, идем к новой работе, к новой любви.

Мария. Любовь горы двигает, любовь чудеса делает. С тобою, милый, пойду, хочу служить новому искусству, хочу увидеть новое солнце, испытать новое счастье.

Курганов. Работы ты не боишься? Очень будет трудно.

Мария. Пусть! Хочу и новых страданий, новых мук, новой борьбы. Эти годы тупого прозябания как могла я прожить, ослепленная! Хочу вступить снова на тернистый путь искусства, хотя бы для него надо было умереть, отказаться от жизни. От

Собрание пьес. книга 1. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
жизни нетворческой, серой и тусклой, такой тусклой под своею яркою позолотою.

Морев (подходя к ним). Дети мои, мечта-победительница будет вести вас от трудов к трудам, и на самые беды набросит она яркоцветное покрывало очарований, и даст вам силы войти в новую, прекрасную жизнь, творимую по воле вашей.

<1912>

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!